

289.09(=456)

К 89

Владимир Кузьмин

К-41117

ЧУВАШИ́СКАЯ КРАСАВИ́ЦА

Чебоксары
2004

k-041117

Я очень благодарен этим благородным людям, интеллигентам, очень способным организаторам своего дела за оказанную финансовую помощь в издании моей книги:

генеральному директору ОАО СК «Чувашия-Поддержка»

Зинаиде Валерьевне ВОРОБЬЕВОЙ;

председателю сельскохозяйственного предприятия
«Янгорчино» Вурнарского района

Геннадию Васильевичу РОМАНОВУ:

управляющему Чувашским отделением «Связьбанк»

Юрию Сергеевичу СТЕПАНОВУ;

полномочному директору ЗАО «Лифтмонтаж»

ЛОВУ.

ABTOP

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

[illegible]

к 84.09 (= Чув)

Владимир КУЗЬМИН

к 89

ЧУВАШСКАЯ КРАСАВИЦА

Повесть

кр.

Вашкошу зешеняку,
содрату по керу,
уважаемому Чине

от души.

Владимир Кузьмин

5.05.2005 г.

Чебоксары

2004

УДК 821.512.111
ББК 84 (2 Рос. Чув) – 44
К 89

О дружбе, сотрудничестве, любви между чувашскими художниками и сельчанами образным языком рассказывается в этой книге. Бригада мастеров кисти во главе с Караваевым помогает открыть первую в Чувашии сельскую «Третьяковку». А сам главный передвижник встретится со своей пылкой любовью, которую олицетворяет в картине «Чувашская красавица». На московской выставке светилы изобразительного искусства сравнивают ее со знаменитой «Джокондой» Леонардо да Винчи. А любовь разгорается все сильнее и сильнее...

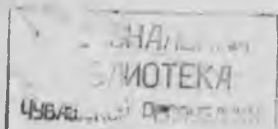
Владимир Прокопьевич Кузьмин
ЧУВАШСКАЯ КРАСАВИЦА
Повесть

Перевод с чувашского языка

Редактор *М. А. Ставский*
Художник *И. В. Алексеев*

СОДЕРЖАНИЕ

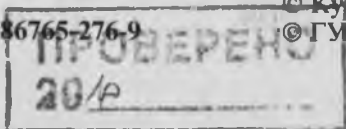
Чувашская красавица	3
О рождении «Чувашской красавицы»	121
Продолжатели рода караяя	123

© Кузьмин В. П., 2004

© ГУП «ИПК «Чувашия», 2004

ISBN 5-86765-276-9

Владимир КУЗЬМИН

ЧУВАШСКАЯ КРАСАВИЦА

Повесть

Мир будет счастлив только тогда,
когда у каждого человека
будет душа художника

Огюст Роден

1

Из окон вагонов мелькают зазеленевшие поля. Вся окрестность — в плену теплого летнего дня. Паровоз, как будто от усталости тяжело запыхтев, дал длинный протяжный гудок и поезд остановился на станции Апнерка. Караваяев вышел из пассажирского вагона и пошагал в сторону леса. Пьянящий запах ударил в нос. Когда остался позади сосняк, издали показались верхушки ветел родного Янгорчино. Чтобы дойти до дома, надо идти через село Орауши шесть километров.

Вот он скоро перешел ораушскую границу и наступил в приподнятом настроении на родную землю. Растущие вдоль границы стройные березы с низкорослыми акациями встретили янгорчинского сына как бы преклонив головы. Ему показалось, что колышущееся ветром ржаное поле манящим звуком притянуло, со стороны сада нахлынуло ароматом яблонь, воздух стал чище и целебнее, чем никогда, парящие низко над головой ласточки нежно поприветствовали.

Дойдя до Глиняного оврага, Николай Прокопьевич, бывший деревенский Микулай, поставил чемодан и растянулся на зеленую траву, от души повалялся, вспомнил детство, юность...

Вот Микулай немного накопил денег, достал справку в сельсовете, чтобы тайно покинуть дом. Он надел сшитые матерью к Первомайскому празднику ситцевую рубашку и сатиновые шаровары, нахлобучил на голову картуз, забытый кем-то из гостей на Петрове дне, намотал на ноги холщовые портянки, обул новые лапти, в домашнюю сумку аккуратно положил рисунки, прозапас взял гороховые лепешки, сливочное масло, в сарае из гнезда забрал три яичка и вышел в огород. За огородом тропинка вывела его на широкую дорогу. Она, извиваясь через овсяное поле и речку Санар, тянется в сторону Канаша. До станции мальчик двадцать пять километров шел пешком. Несмело зашел в деревянное здание железнодорожного вокзала, купил билет до Чебоксар, устроившись в углу, поел лепешку с маслом, выпил воды из большого бачка и начал ждать своего поезда. На перроне с удивлением следил за проходящими составами. У самого от страха сердце колотится как стук колес на стыках рельс, как-будто он совершил что-то плохое или украл чужую вещь. Кажется ему, что вот-вот за спиной услышит топот ног и схватят его родители за шиворот. Оборачивается и постепенно успокаивается.

В то время, конечно, задыхающийся в дымном чаду и поте лица в кузнице отец, убирающая за деревней махорку мать, строивший школу из старой церкви дедушка представления не имеют, наверное, что их Микулай находится в Канаше. А братишка Васюк, рвущийся к пацанам на улицу, пожалуй возится с сопливыми Укахви и Антуном. Ведь мать именно Микулаю наказала строго следить за ними, но тогда она не знала еще о тайной задумке сына. Если бы догадалась, взяла бы с собой. Микулай перехитрил ее, ссылаясь на головную боль. Мать пожалела его, что от запаха махорки мальчику станет еще хуже. Вечером, когда прочитают оставленную им записку на столе, они спохватятся. Но в это время Микулай будет далеко от села. Попробуйте его догнать! Ишь на какой скорости мчится он! Впервые севший на поезд, он до глубины души рад. Все время без усталости глядит в окно.

В Чебоксарах все вышли. Недалеко остановился автобус. Мальчик эту машину узнал по рисунку из книги. Сразу люди начали туда садиться. Микулай тоже подошел к толпе и спросил у одного мужчины:

— Дядя, откуда и как добраться до училища художников?

— В художественное училище? — с такой жалостью оглядел тот на мальчика в лаптях и пропустил вперед. — Давай, проходи, доедем до Красной площади, а оттуда недалеко, рукой подать.

Микулай засомневался:

— Не знай, дядя, ведь Красная площадь в Москве.

Мужчина засмеялся и стал старательно объяснять:

— Эх, сынок, Красная площадь она, действительно в Москве. Сооруженный в пятнадцатом веке. Она в свое время помогала защищать Кремль от захватчиков, деревянные церкви и другие дома от пожаров. В шестнадцатом веке тогдашние лавки все равно сгорели. Вот и называли площадь Пожарной. В семнадцатом веке, благодаря красоте, получила она название Красная площадь. Как она сейчас нам дорога и какое значение имеет это священное место, ты и сам, видимо, чуточку знаешь. Так вот, мой мальчик, и в Чебоксарах есть Красная площадь. В центре города, широкую площадь на месте старого базара, в годы Советской власти так называли. Там есть и парк имени Крупской. Красивое место. Доедем, увидим.

Автобус, подпрыгивая и дребезжа, медленно идет по дороге с рытвинами. Наконец-то из окна показались кирпичные здания.

— Значит, хочешь стать художником? — с каким-то чувством недоверия спросил спутник у мальчика.

Микулай шмыгнул носом и, не осмелившись поднять голову, ответил:

— Хотеть-то хочется, очень даже... Только не знаю, как сдать экзамены. Попаду ли туда? Боюсь.

— Что ты можешь рисовать, мой мальчик? — другой вопрос задал мужчина.

— Все могу.

— Охо, какой ты молодец. Есть с собой какие-нибудь штучки?

— Есть, конечно...

— Не можешь ли показать их мне?

Не только показать рисунки незнакомому человеку, Микулай с такой боязнью прижал к телу свою холщовую сумку. После этого, чуть успокоившись, сказал:

— Я их покажу только учителям училища.

— Ну тогда ладно, им покажи, это еще лучше, — засмеялся тот.

Вскоре автобус остановился.

— Вот и доехали до Красной площади, — приятным голосом сообщил чебоксарский житель. — Мимо парка поднимешься выше и выйдешь к Волге. И там, рядом с Домом крестьянина, стоит двухэтажное красивое здание. Туда зайдешь. Желаю успехов. Погоди, мальчик мой, хочу спросить фамилию, может, у тебя действительно божий дар. А станешь когда-нибудь знаменитым художником?

— Спасибо, дядя. Я буду Караваевым. Микулай. Из Вурнарского Янгорчина. Бог мне ничего не дал. Не верю я в бога. До свидания.

Мальчик еще не мог понять, что означает дар божий. Следуя за железной изгородью, он удалился напрямик дальше по Союзной улице, переходя мостик, поднялся вверх. Увидев широкую могучую реку, некоторое время стоял как вкопанный, потом побежал вниз по крутому берегу, смыл прохладной водой пыль с лица, с удивлением следил за пароходами и баржами, плавающими медленно вниз и вверх, увлекся игривым полетом и плачевным звуком чаек. Поднявшись на берег, он разыскал нужный ему дом. Курносый, похожий на ежика, низкого роста, сутуловатый сверстник, идущий медвежьей походкой, указал ему дверь училища и в спину буркнул: «Лапотники собираются».

В бывшем монастырском здании и учебные классы, и общежитие вместе. Воодушевленный беспрепятственным приемом коменданта, четырнадцатилетний Микулай Караваев вскоре попал в одну просторную шумную комнату. Устроившись под кроватью, усталый с дороги, незаметно уснул.

Микулай проснулся от прикосновения чего-то мокро-го, машинально обшарил штаны. Под ним действительно лужа! Услышал громкий хохот. Протер заспанные глаза и увидел он рядом стоящего с раскрытой пастью того знакомого мальчика, указавшего ему училище. Ежик-хулиган, блестя бесцветными противными глазами, из горлышка зеленого чайника спокойно лил на него воду. Микулай, не выдержав обиды, вскочил на ноги и не побоявшись, подножкой свалил его на пол. Чайник, гремя, покатился в сторону.

— Юс-Горностай, Ювеналий, не поддавайся! Проучи его как лапотника и покажи, кому преклоняться! — шумела, подпрыгивая, ватага.

Прижатого к полу своего «врага» Караваев не дал вернуться и размахиваться руками и ногами. Нет, еще в

селе не было сверстников, победивших Караваева, в городе тоже не будет.

— Не хвастайся слишком своей физической силой, все равно ты меня не победишь. Расскажу вот дяде, тогда... — пощупывая больной бок, «богатырь» удалился в сторону.

— Дядя Юсова тебя провалит, хоть и случайно поступишь ты в училище, от «двоек» не отвяжешься. Если голова варит, извинись и подружись с Ювеналием, что там есть у тебя вкусенького в сумке, угости,— предложил один мальчик.

Караваев подтянул мокрые шаровары и показал им кукиш:

— Для буянов у меня есть вот один подарочек. Посмотрим, кто кем будет!

Так познакомился Микулай Караваев в первый же день пребывания в училище с Ювеналием Серафимовичем Юсовым-Горностаем. Известно стало и то обстоятельство, почему Ювеналий держит себя очень гордо: его дядя действительно работает здесь.

Вместе ехавший с вокзала по полю в город, указавший на Красной площади дорогу в училище знакомый человек, на экзамене вначале обрадовал Микулая, с другой стороны и напугал. Вот встреча! Ведь дядя Ювеналия Юсова. А вдруг провалит.

Дядя Ювеналия мощно и гордо сидит между полной женщиной с удивительной прической и бородатым, средних лет, мужчиной, почему-то напоминавшего попа. «Дядя Ювеналия, видимо, самый главный, и мне скоро придет конец»,— подумал Караваев.

— А ну, подойди-ка, мой мальчик, поближе, бог мне ничего не дал, говорил ты. Не стесняйся, покажи сейчас свои рисунки. Посмотрим, какой божий дар у тебя там,— представительный человек с улыбкой поманил его пальцем.

Караваев, почесав голову, из холщового мешочка достал рисунки и осторожно положил на стол. Знакомый дядя одну за другой внимательно и придирчиво рассматривает работы Микулая, выполненные акварельными красками, карандашом, тушью, и передает, покачивая головой, своим коллегам. Между собой они переговариваются непонятными и недоступными Микулаю словами. Видимо, экзаменаторам понравились рисунки Караваева, все снова и

снова начали просматривать их то с близкого расстояния, то издалека. Мальчик замечает, что именно им понравились. Среди отложенных работ есть нарисованные им портреты матери — вручную серпом убирающей рожь, молотящей деревянным цепом снопы ячменя, сидящей за домашним ткацким станком как мастерица-ткачиха, отца — у наковальни, дедушки — за верстаком. Туда же вот попал и дуб, растущий на берегу оврага у родного дома. Закончив осмотр рисунков, старший, сидящий в середине, похлопал Микулая по плечу и сказал обнадеживающе:

— Действительно есть в тебе дар божий, Караваев. Кроме этих «шедевров» деревенских, ты блестяще справился и с сюжетом, предложенным здесь для экзамена. Хороший рисунок получился. Можешь пользоваться в своем творчестве чудными образами природы, умеешь видеть красоту ее. Мой тебе совет: старательно научись в дальнейшем творчески играть красным, желтым и синим цветами. Это мастерство тебе поможет на всю жизнь. Желаю успехов.

Вот и последний экзамен позади. Они, радостные, выскочили на набережную Волги. И Ювеналий Юсов вместе с ними. Как он ревнует Микулая за то, что дядя похвалил этого лапотника. До смерти ненавидит, наверное. Ворчит и ворчит за пятерки:

— Все равно в дальнейшем наша будет брать верх, мы же победим. Если дядя не поможет, с сегодняшними оценками, уверяю, далеко не пойдешь.

— Посмотрим, кто кем будет! — повернулся навстречу ветру Микулай.

Красные, желтые и голубые цвета... О том, что в дальнейшем эти три цвета станут для него красотой жизни, в ходе учебы он начал понимать всей душой. Сколько ему пришлось потеть, терять зрение, ломать голову на уроках рисунка, живописи, композиции. Кубик, шар или кувшин, на первый взгляд, можно сказать, кажутся простыми вещами. А как начнешь их рисовать старательно, хоть чуть-чуть, то обязательно ошибешься и услышишь слова упрека преподавателя. Утренние, дневные и вечерние рисунки природы ох еще какие сложные. Во время изображения фигуры человека как надо правильно сочетать законы пропорциональности. До ушей рад за отличное знание геометрии. Рисунки животных, растений все связаны с наукой о строении организма.

Не зная анатомии, даже не стоит брать в руки кисть — так усвоил он заповедь художника. Караваев все общеобразовательные и специальные предметы изучал старательно.

С деньгами в то время было ой как туго, не только масляных красок, даже кисточек не купишь. Стипендии хватает только на поддержание желудка. Дом далеко и ждать помощи оттуда не приходится. Отец раза два приезжал. Сначала — в поисках сына-беглеца. Непутевого отрока Прокопий Федотович хотел взгреть ремнем и вернуть домой, но узнав, что он успешно поступил в училище, постепенно успокоился. В столовой Дома крестьянина его досыта накормил, немного ему оставил и денег. Потом отец был на республиканском слете ударников сельского хозяйства, который проходил в русском драмтеатре. Художественное училище рядом, через дорогу. Отец три дня не отлучался с сыном, его взял на концерт. Микулай впервые услышал выступление знаменитых чувашских артистов на большой сцене.

Или оттого, что не доставало масляных красок, или в школе он начинал с акварели, Микулай больше всего работал акварельными красками. Потребовались специальные кисти.

Приехав в село, мальчик со своими друзьями побегал в Нагорную рощу, чтобы поймать белку. Сын Ивана Янгорчина Васька, наследник Ивана Костина Ванька и отрок Пракуха Караваева Микулай росли как братья, не разлучаясь друг от друга. Отец Ваньки заведовал ветряной мельницей. Давно зародилась у пацанов шальная мысль зацепиться за крыло и полететь вверх. Однажды, когда ветер был не очень сильный, они все же осуществили мечту. Баловство закончилось трагедией. Ванька сорвался и сломал ногу. С тех пор он остался хромым. Уличные игры в пыльных облаках, охота за головастиками в иловых прудах остались позади. После семилетки Васька Янгорчин захотел получать среднее образование в Ораушах, Ванька Костин начал учиться в Цивильске на библиотекаря, Микулай Караваев уехал в Чебоксары.

При встрече и поболтать, и помечтать, в то же время поиграть и побаловаться хочется. Когда в лесу Микулай залезал на самую верхушку дуба, то порвал новые штаны, Васька сухой веткой поцарапал живот. Белку они поймать не смогли, а сами попали в руки лесника. Узнав причину

охоты, хозяин леса их пожалел, подарил отстрелянную им белку.

Микулай знает, какие они отличные — беличьи кисти. Из-за пушистости волос хорошо впитывают воду. Краску можно наложить погуще на бумагу и — покрасивее. Кто работает акварелью, никогда не любит кисть из ворса. Не только себе, а для товарищей по учебе приготовил он много кистей из беличьих волос. В домашней столярной мастерской и палитру с этюдником смастерить не стало большого труда.

Сейчас Караваев знает, какое место занимает акварель в живописи. И великие мастера кисти создавали, оказывается, свои знаменитые произведения акварелью. Еще в пятнадцатом веке в Германии появились великолепные акварели. Об этом Микулай узнал в училище. А в двадцатом веке молодой чувашский художник Караваев хочет стать в один ряд с корифеями живописи. Молодую душу не дает покоя мастерить рисунки и картины с лирической душевной красотой и светлым открытым тоном.

Вот он раскрыл окно и на подоконник разложил коробку с красками, поставил кружку с водой, в руку взял беличью кисть и на белой зернистой бумаге сделал первый мазок, второй... Покрытая зеленым ковром ивовая улица, дети, играющие в лапту, выплывающие из пруда и вереницей поднимающиеся утки, наблюдающий за красивым, широким дубом при светлых лучах, проникающих сквозь кудрявых облаков дед постепенно начали оживиться. Помня, что акварель не любит исправления, затертости, он работает очень аккуратно, наносит краски, уточняя цветое состояние и каждую частность.

Микулай уже совсем забыл обо всем, и только почуяв за спиной приближение дедушки, повернулся и, мягко улыбнулся. Старик шершавой рукой погладил внука по головке:

— По избранному же пути пошел, значит, сынок. Молодца. И мне думается, что ты нашел свою светлую дорогу. В роду объявился и мастер кисти. Какое славное, знаменитое племя — род Караваевых, развивается как этот наш дуб.

Любит Микулай дедушку. Он смастерил ему из дерева первые игрушки. Катали его на коляске, построенной им. Впервые владеть топором и держать рубанок научился у него в сарае. И сейчас в помине изготовленные всякие художества из стружек. Лапти плести тоже дед научил. А

хорнзорский Иосиф Иванович Пашков, вернувшийся с фронта после ранения, из-за нехватки учителей, преподавал в школе чувашский язык. Любитель рисовать, он организовал кружок изобразительного искусства. Микулай с охотой ходил туда и с отличием окончил «академию Пашкова». Этот человек с пламенным сердцем, открытой душой, красивым, мужественным лицом и всем нутром своим полюбил мальчика, подающего надежду, после семилетки предложил поступить в Чебоксарское художественное училище. А отец Микулая хотел оставить вместо себя главным кузнецом села, постепенно подковал его. Сын, хотя уставал у наковальни колотить молотом, после изнурительной потной бани брал в руки или карандаш, или кисть. В его пытливых озорных глазах раскаленное железо озарялось другими, только ему понятными цветами. Красный, желтый и голубой цвета заиграли еще заманчивее, одурманивающее.

— Хе, меня тоже нарисовал ты здесь,— буркнул старик Караваев, обняв внука. — Вот как здорово! Своих родителей, бабушку с дедушкой, корней своего рода напомнил ты мне с этим дубом.

Микулай посмотрел в углубившиеся чуть со слезинкой глаза любимого человека и спросил:

— Расскажи-ка еще раз, дедушка, по порядку о наших предках. Откуда мы вышли? Давно слышал об этом, уже начал забывать некоторых.

Хвютут Каравай, взяв внука за руку, повел к стене, зажмурившись, взглянул как впервые, на пожелтевшие фотокарточки, установленные в рамку под стеклом. Кого только нет там!

— Вот это мой отец, Васyleй Лариванч, знаешь своего прадеда,— показал он на усатого человека в форме солдата царской армии.— Медаль заслужил на войне с турками в Болгарии. Рассказывал, как они громили этих басурманов на Балканах. Мой дед прослужил царю и отечеству четверть века. Таков порядок был тогда в Расsee. Лариваном Миронычем величали его тогда в селе. Да, он был сыном Мируна Мира.

— Значит, мы из рода Миров?

— Да, из славного рода, сынок. Трудолюбивый чуваш, боевой крестьянин, мирный человек был наш родоначальник, всю жизнь горжусь этим. Только фамилия Миров не сохранилась.

— А почему, дедушка?

— Сам знаешь, у нас, у чувашей, когда рождался ребенок, зачастую была привычка записывать фамилию по его отцу. Мудрили еще и церковные писари. Поэтому и сейчас в некоторых домах имеются несколько фамилий.

— А Караваев откуда идет?

Дед Хветут погладил рукой бороду и продолжил свой рассказ:

— Нужда погнала Васyleя Лариванча в Нижний. В городе отец нанялся у одного хозяина в пекарню. Вырос, крепился он там. Уважал хозяин трудолюбивого и послушного чувашского парня, но все же вместо своего сына отправил его в солдаты, под фамилией Караваева. Отслужив срок, он вернулся в Янгорчино, женился, растил детей. Когда я родился, в честь меня на берегу оврага перед домом посадил молодняк дуба, принесшего из Нагорной рощи. Как здорово стоит дерево!

Васyleй Каравай был таким же крепким, как посаженный самим дуб. В черной избе, конечно, он не мог печь калачей и кренделей, как в Нижнем, все равно было у него чем кормить и содержать семью. В новую жизнь он вошел годков за шестьдесят. Когда в громе революции родился внук Пракух, очень обрадовался. Старый солдат верил в то, что в дальнейшем хозяином каравая будут именно они. Сын, Хветут, янгорчинских крестьян объединил в одну артель. Васyleй Каравай начал ухаживать за колхозными лошадьми. В то время эти четырехногие животные повсюду были основной силой. Поэтому старый человек не отходил от конюшни. И сейчас хранятся его почетные грамоты и ценные подарки — награды лучшему конюху района. Настенные часы до сих пор ходят справно, мерно тикают, напоминая ритм жизни.

— Сынок, не забудь ни свой род, ни свою семью, ни одного человека, кто сделал тебе добра. Добрым, славным делом иди, шагай впереди всех, тогда имя твое не изгладится в памяти народной, — посоветовал старый Каравай своему внуку.

Вскоре Микулай побежал в соседние Хорнзоры. Ему захотелось встретиться и по душам поговорить с любимым учителем. Но только Пашкова дома не оказалось.

Девочки, играющие в старинную игру «куча», временно отключившись от своих разноцветных камешек,

вскочили на ноги. Одна из них, синеглазая, очень внимательно взгляделась на незнакомца и испытующе спросила:

— Кем ты будешь, ищущий моего папу?

— Микулай, из Янгорчино. Надо бы мне встретиться с Иосифом Ивановичем. А где его можно найти?

— Папа сейчас в поле, до захода солнца не вернется. С нами будешь играть?

— Как тебя звать?— не удержался от смеха Микулай.

— Венера Пашкова. И в жмурки не хочешь играть?

— Некогда, спешу, девчонки, к тому же стыдно мне с вами прыгать как сверчок.

— Когда найдется время, придешь?

— Приду, обязательно приду...

Не в поле, а в мастерской был Пашков, ремонтировал трактор. Когда немного начала налаживаться жизнь, и в Янгорчинскую семилетку направили молодых специалистов, тогда бездипломного учителя попросили оставить любимое дело. С хромой ногой он снова сел на трактор.

Иосиф Иванович расспрашивал о Чебоксарах, об училище, интересовался знакомыми педагогами, художниками. Как закончил Микулай свой рассказ, Пашков глубоко вздохнул и сказал:

— Старательно учись, Караваев. У меня тоже была мечта попасть в художественное училище. Только она не осуществилась, помешала война. Из тебя должен выйти художник. Верю, чую всем нутром. Жми, иди только вперед.

Караваев вернулся в Чебоксары окрыленным. У юноши с каждым днем усиливалась тяга к учебе, крепла мысль о победе над Юсовым на трудной стезе творчества. Одноклассников осчастливил подарками— мягкими беличьими кистями. Предложил и Ювеналию, но капризный мальчик не стал брать, отказался.

— С такими самоделками не возимся мы, дядя мне из Финляндии импортные привезет,— с презрением возвратил он ему подарок.

Микулая этот унижительный поступок очень огорчил, только об этом самому ничего не сказал.

Юсова-младшего дети прозвали по первым буквам имени и отчества Юс. Юсов, Юс-Горностай сторонился однокашников, заболел манией величия, начал свою творческую жизнь по легкому пути, предложенному дядей. Высокомерный, надеясь на протекцию, всегда старался

плести между ног преподавателей, пытался писать их портреты.

2

«Не достигнув границы вершины жизни и искусства, никто не исполнит своей цели». Высказанные эти мудрые слова итальянским скульптором и живописцем Буонарроти Микеланджело в шестнадцатом веке, Микулай Караваев навсегда запомнил и записал крупными буквами в дневнике. В его произведениях он научился чувствовать грандиозность образов, их гармоничность и драматизм, любить красоту человеческой мощи, его духовную силу, видеть его неиссякаемые способности.

Из села Караваев всегда возвращался в училище с какой-нибудь интересной, глубокомысленной работой. И в прошлый раз на уроке живописи преподаватель похвалил картину «Наша улица» как хорошо читающую новеллу.

Часами, целыми днями пропадал он на берегу Волги. Пейзаж тоже нравится ему. Так хочется поговорить с природой, мирозданием, как с живым человеком. Но все же самая родная и близкая тема у него — человек. Чтобы показать понятнее и правдивее его внутренние чувства, душевное волнение, мысли, мечты, — за эту цель он не жалел ни красок, ни кистей во время пребывания в течение пяти лет в Чебоксарском художественном училище. В его судьбе тема труда, трудового героизма стала главной. На экзаменах по рисунку, живописи, композиции и по другим предметам ни у одного «профессора» не поднялась рука поставить ему ниже пятерки. Для дипломной работы Микулай подготовил картину «Машинист паровоза». Для этого специально съездил в Канаш. Юсов написал портрет директора училища.

— Ну и настоящий юс-горностай ты, Ювеналий, — в глаза бросил ему Караваев. — Знаешь как держать нос по ветру, наловчившись, с блеском закончить училище.

— А как же! — закинул назад голову Юсов, напоминая весеннего гусака. — Глупышка ты, лапотник. Портреты мои никогда не угаснут. Ведь удивляют же лица знаменитостей старины в творениях великих мастеров. Весь мир восхищается ими. А такие примитивы, как твой «Машинист паровоза», быстро потускнеют. Завтра же забудут и имя рисовальщика. И ты вылетишь с черномазым из трубы. Вместе с машинистом рассеешься в черном дыму. Эх

ты... Не умеешь зорче видеть свое будущее, сырой Каравай...

— Запомни слова Леонардо да Винчи, проныра Юс,— со злостью сказал ему Караваяев,— «Где мысль не работает вместе с рукой, там нет художника». Как наставляли наши учителя?...

— Ну и что ты хочешь сказать этим?

— Вот что, Ювеналий, этого не забудь. Если бы сделал их, эти портреты такой мазила как ты, ни один из них не удивил бы мир и не приковал бы к себе человечество. Такие бессмертные великие мастера как Тициан, Рембрандт, Веласкес, Рокотов, Левицкий, Боровиковский, Кипренский, Ге, Репин, Пластов, Корин...

— Ме-ге-ге,— не сдержавшись, Юсов показал язык.— Хватит читать мне лекцию. Я сам отличник...

— Нет, не хватит. Дослушай и намотай на ус. Свет этих немеркнущих образов портретов-картин вдохновил их, согрел кровь, заставил неустанно работать горячим рукам. Нравится и мне тема портрета. Но... пишу не те однодневки наших чувашских вельмож. Ты хочешь примазаться, подлизываться и получить выгоду от них. А я хочу прославить человека труда. Не беспокойся, не сгорят в топке паровоза мои герои. Этот трудяга машинист смелым и мужественным лицом, покрытым угольной пылью, меня довез на поезде до столицы. Пять лет он не выходил из моей головы. Сейчас я его, помогшему мне по железной дороге выйти на широкий путь жизни, хочу поблагодарить и принести ему поклон. И самому хочется быть таким же стойким как он. А ты, кичливый льстец, может поскачешь тоже далеко, но... по ложному пути. Поэтому хочется напомнить слова того же Леонардо: «живописец, смотри, чтобы алчность к заработку не преодолела в тебе чести искусства, ибо заработок чести куда значительно больше, чем честь богатств».

Картине Караваяева на экзамене дали хорошую оценку. Портрет попал и на выставку. Репродукцию он подарил своему герою.

Начатая с детства тема, показанная в жизнедеятельности родителей, в этой картине расширилась еще дальше и поднялась на высокую ступень его творчества. С тех пор сколько не рисовал он, но первый успех кажется ему самым высоким, удачным.

А все же ему для показа и убеждения о своем божьем

даре народу пришлось потрудиться немало. Для того, чтобы заслужить почет и уважение, необходимо время, неутомимый труд, адское терпение. Иному человеку в другой раз так хочется показаться знаменитым. Нет, ты хоть как не мечтай, не размахивайся мнимыми крыльями, народный глаз тебя не заметит преждевременно, оценка народа до тебя дойдет только в свое время. Через отрезок времени жизненный период невозможно ни перепрыгнуть, ни перелететь. Через него ты сам должен проложить твердый мост. Только переходя этот мост, навстречу тебе мчатся честь народа и слава, возьмут тебя в объятия, поднимут вверх и подкинут до небес. Только не падай. Сорвешься и прогромыхаешь вниз, попадешь в царство благодущия и высокомерия, станешь рабом надменной кичливости. Такого хвастуна народ не почитит. Вот надо быть каким крепким и стойким во Вселенной царства славы и художнику. Да, чтоб построить надежный крепкий мост в сторону Славы, Микулаю пришлось потрудиться в поте лица и не смыкая глаз.

Из окончивших училище ребят некоторые стали учителями черчения и рисования, оформителями. Караваеву хотелось продолжать учебу дальше, по этой же линии. В тот год как раз из Чувашии просили направить одного талантливого молодого человека в Ленинград. Но Караваев туда не попал, хотя в определенных кругах был разговор именно о нем. Еле-еле получивший диплом с помощью дяди Юсов стал студентом института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.И.Репина. По направлению Союза художников и Министерства культуры республики. Вот тебе на! А Караваева направили в дом народного творчества.

— Эх ты, Юс-Горностаи,— узнав об этом, Микулай упрекнул его, — на этот раз ты меня победил, положил на лопатки, вырвался вперед, высоко подняв над головой портрет директора училища, помчался по дороге славы. Но запомни, на нашей улице тоже будет праздник Красоты.

Когда его призвали в Советскую Армию, солдат каждую свободную минуту старался тратить в пользу. Много рисовал. В прессе появились его работы. Картину «Клятва на братской могиле» демонстрировали на выставке военных художников в Москве. Критические статьи искусствоведов в свой адрес, напечатанные в газетах, приводили его то в изумление, то в ярость. «Красная звез-

да» писала: «Николай Караваяев сумел мастерски раскрыть драматизм всеобщей народной борьбы, подвиг советского солдата, неиссякаемую преемственность поколений, веру в будущее, показал их ярко, правдиво, с глубокой философской мыслью». Перед строем поздравил даже генерал. «Неужели это я? Не во сне ли нахожусь? Не перепутали они меня с кем-нибудь? — сомневался он и в то же время успокаивал себя. — Нет, не так, и работа моя и фамилия своя. Может, слишком хвалили. А если истинно рассуждать, то едва ли они поставили перед собой специальную задачу возвысить до небес совсем незнакомого солдата. Ишь как громят других. Успокоиться от волнения и продолжать упорно работать».

По окончании службы он все же решил попытаться попасть в Москву. Документы отправил в институт художеств имени В.И.Сурикова.

Судьбу чувашского парня разрешила «Клятва на братской могиле». Один из принимающих экзамен профессор Викентий Матвеевич Стариков с ним усиленно беседовал не по теоретическим вопросам, а вокруг этой картины, разбирая ее подробно и так придиричиво отмечал слабые стороны, что ему показалось: «Вот и пришел мой конец, наломал все мои косточки». Махнув рукой, захотелось бросить и уйти, но... выдержал душевный экзамен.

— Молодой человек, пожалуйста, не слишком обижайся на то, что я тебя сейчас растоптал, — профессор, сняв очки, вытер платком покрасневшие глаза. — Разгромил твою работу для того, чтобы ты, заново поднимаясь на ноги, работал сжимая зубы, вдохновенно. — Чуть в сторону отошел он и посмотрел на картину: — Сразу виден дар божий. Надеюсь на твое будущее. Потерял с тобой столько времени. Ну уж, ладно, так и быть. Нам нужны именно такие таланты, как ты, которые умеют с помощью красок мастерски оживить мысль на полотне.

— Очень благодарен за добрые слова. Даже не верится... — все еще сомневался Микулай.

— Не верится, что ты стал суриковцем? — подарил ему Стариков теплую улыбку и похлопал парня в солдатской форме по спине. — Смело беру тебя в свою мастерскую. Согласен?

Растерявшийся Караваяев в одно мгновение совсем потерялся, потом поклонился ему и, повернувшись по-военному, четким шагом прошагал в сторону двери.

Годы, проведенные в институте, для него не прошли даром. Многое познал, понял Караваев секреты мира красоты. Попал в объятия крылатых дум и мечтаний. Одновременно — в липкую петлю. На первом же курсе увлекла его в свои любовные сети дочь самого уважаемого профессора, научившего мастерству художника, доброго человека Старикова, и после получения диплома не выпускала из лап. С Эммой они и всерьез не сошлись, но и расставаться не могли. Время летит впустую.

Еще до дипломных работ Николая-Микулая приютил друг-одноклассник. Москвич богат, родители в длительной командировке в Англии. В просторной квартире нашлась для него свободная комната. Наслаждаются на готовеньком. Каждый день пьянки, развлекательные вечера. Дочь профессора тоже бродит с ними. Весело проходит холостяцкая жизнь.

Куда же подевались у Микулая строгость к себе и мужественность? Ведь, пошатнувшись раз, можно и распластаться. И не поднимешься потом, навсегда пропадешь. Ох, как обрадуется тогда Юс. Эх, как бы не оказаться на полу, внизу. Надо исполнить слова, данные в Чебоксарах Юсову: «Посмотрим, кто кем будет!» Но только... силы сдают, тело становится вялым, в голове сумбур, все больше и больше побеждает слабость в творчестве, не хочется преодолевать трудности... И наставления профессора Старикова нипочем.

И вчера Караваев в шумной компании до полуночи просидел в ресторане «Метрополь», потом плохо спалось. Утром он с трудом дошел до художественной мастерской, где они работают вместе со своим неразлучным другом, хозяином квартиры. Он пишет портрет знаменитой певицы-вдовушки и пашет до седьмого пота. Одному в душной, наполненной запахом красок комнате не хотелось оставаться. Потянуло на улицу. Дошел до Старого Арбата. Спустился в подвал, зашел в шумный пивной бар. Здесь его встретил знакомый захудалый, с длинными волосами, бородатый модернист. Выпив по рюмочке армянского коньяка и пива, «застольный друг» начал свою авангардистскую песню и дошел до поп-арта. Караваев терпеть не может всякую белиберду, заполненное на холсте все увиденное глазом, отрицающая художественно-образные закономерности

и веками сложившиеся методы живописи. И этот еще своими расплывчатыми, абстрактными, мутными понятиями уши завонял. Поэтому с представителем «массовой культуры» быстро распрощался. Только одному захотелось погулять в спокойной обстановке и с открытой душой. Вспомнил, он же вчера запланировал зайти в Третьяковскую галерею.

Отходя от Москвы-реки, Микулай Караваев шел по Лаврушинскому переулку, следя за древними тополями, липами и кленами. Покрытые зеленью деревья смягчили его душу. Вспомнил рассказы и прочитанное в разных источниках о хозяине галереи. Действительно был славным русским человеком, богатырем искусства Павел Михайлович Третьяков. Страстным коллекционером произведений русских и иностранных художников и скульпторов был его брат Сергей Михайлович. Он умер раньше Павла. Павел Михайлович, в течение сорока с лишним лет собирал самые лучшие произведения русского реалистического искусства, всем желающим показывал их в своем особняке. В 1892 году, вместе с коллекцией брата, всего три тысячи пятьсот шедевров, неоценимое богатство, всю частную галерею подарил Москве. После этого она стала называться Московской городской галереей Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых. Через шесть лет не стало великого собирателя, мастера-реставратора картин, страстного организатора музейных дел, непревзойденного пропагандиста духовной красоты.

Вот он — старый дом Третьяковых, Лаврушинский переулок, 10. Известный всему миру уголок вдохновения. Как красуется за расписной решеткой, реконструированный в начале прошлого века по проекту художника Виктора Михайловича Васнецова.

Внутри, в двадцать шестом зале, висит портрет самого Третьякова. Репин писал его очень искусно. Перед ним Караваев не раз стоял, удивляясь и восхищаясь. Павел Михайлович старался, чтобы известные художники оставили образы знаменитых людей России для истории, для русского народа. Их он смог сохранить на века. Благодаря этому чувашский парень Караваев тоже сегодня может войти со многими людьми в этот великий храм мира Красоты, увидит снова вечно живой и постоянно меняющийся лик искусства.

Он побывал во всех пятидесяти одном зале галереи.

Сколько раз? Не помнит. Каждый раз он оттуда выходит возбужденным, пьянящим. Голова тогда начинает шуметь борьбой мыслей. Сердце сжимается, душа ноет и плачет о том, что в Москве до сих пор не смог написать ни одной путной картины. Болтая впустую с товарищами об искусстве, рисуя кистью кое-что попало, халтура в мастерской, прожигает он драгоценное время. Какой-то туман, угар в голове. Не появляется ни одной чистой, прозрачной, горячей мысли. Не поднимается рука к смелой мысли. Нет, не доходит туда. С дочери профессора, позирующей ему днем и ночью, сделал не один рисунок с натуры: и в сидячем, стоячем, лежащем положении. Всякие эскизы есть. Почему-то Эмма не оживляется, не одухотворяется в притягательном сердцу портрете. Нехотя покрытая краска на холсте выглядит перед зеркалом жизни унылой, бледной, темной. Даже самому не хочется глядеть на шаблонную, непросвечивающую лучом творчества картину. Надо раскрепостить душу, пожалуй, поэтому он направился на Лаврушку.

Сам не замечая зачем, Микулай дошел до шестнадцатого зала. Тихонечко приподнял голову и раскрыл помутневшие глаза. Перед ним — «Грачи» Саврасова. Притягивающий и волновавший душу эта картина в свое время открыла в отечественной живописи новую струю, стала началом лирического пейзажа. Недаром она считалась вершиной творческого мастерства художника. После этого сколько миллионов человек не наслаждался бы красотой тихого уголка Костромской губернии. Не может пройти мимо нее и Караваев, тщательно не посмотрев и не изучив. Как уместно сочетание красок. Серо-коричневый и бело-голубой цвета, объединяясь светотенью, картине придают еще сильную трепетную жизненность. Чем больше смотрит Караваев, тем сильнее чует душой лечащий, пахнувший родной запах весны, обновляющей земли. В ушах звенит звон церковных колоколов, шум грачей. Перед глазами выплывают родное село Янгорчино, их зеленая ивовая улица, дуб на берегу. Сердце вот-вот вырывается из груди. Ему захотелось тут же выехать в Чувашию, наслаждаться до потери сознания прелестью родной природы, рисовать как Саврасов, увиденное показать живым. Душу весны раскрыть. Но только когда? Впереди не видно простора. Всеми руками и ногами спутался в Москве. Городская паутина здорово запутала жизнь.

Углубившись в мысль, с опущенной головой он отошел в другую сторону. По старой привычке автоматически остановился в восемнадцатом зале, вздрогнул от неожиданного прикосновения чьей-то руки.

— Здравствуй, Микулай!

Глазами замигал Карavaев и обнял появившегося как в сказке Янгорчина, несколько раз прикоснулся с бородой к лицу своего друга.

— Вот эта встреча, — запыхавшись от удивления чуть в сторону потянул его Микулай. — Откуда ты выскочил, Васька? Ого, депутат Верховного Совета СССР! На сессии, значит.

— Сколько раз планирую попасть в Третьяковку, никак не исполняется желание. Сегодня сам себя заставил придти сюда. Узнай свое счастье и поезжай в Москву, недаром говорили наши предки. Вот и с тобой встретился. В иное время я тебя и не разыскал бы. Пропал ты совсем, писем не пишешь, в село не приезжаешь, со своим творчеством не знакомишь... Что-то очень важное свершаешь, наверное. Может, тайком рисуешь?

Карavaев ладонью пощупал квадратную бороду, почесал затылок, как провинившийся почувствовал перед другом, и только немного погодя, сказал хриплым голосом:

— И в открытую, и вскрытую не рисую. Кисть не может найти цвет краски. На кончике кисти не бурлит жизнь, нет там пляски. Просто задыхаюсь. Ох, сколько лет не встречались мы с тобой и сколько времени не был я в родном селе. Болтаюсь, существую на свете. Только что, увлекшись «Грачами» Саврасова, родными домашними думами голову вскружил. В душе как-будто проснулось чувство деревенской жизни. Так захотелось рисовать, свободно, батально писать. Ох, как нужны сейчас краски и кисть. Тут же сделал бы мазок, краску на краску, линию за линией...

— Начинай, начинай работать, — Янгорчин по спине Микулая очень чувствительно похлопал. — Вот такие знаменитые картины рождай. Погляди, глянь-ка ты, дружок, на «Рожь» Шишкина? Какая изумительная красота. А хлеб какой, золотом переливается. Сосны еще какие, а? Каждая как богатырь. А небо? Издалека выплывает туча, ветер играет колосьями, ласточки пролетают над землей. Проселочная дорога, ведущая в поле. Это же и наша сторона, Микулай! За нашей деревней как-будто стоим. И ржаное поле,

и величавые сосны, и дорога... Красота и мощь нашей колхозной земли. Ещё до встречи с тобой захотелось мне прошагать по этой дороге. За несколько дней затосковался по ней. Хочется радоваться, гордиться богатством родной земли. Давай, друг, пойдем рядом по этой дороге. Село ждет, Янгорчино. Земляки ждут. Хочется мне, чтоб ты много рисовал, ой, дал бы тебе очень много заданий. Поэтому решил поискать тебя. А ты, видимо, по велению судьбы, столкнулся сам. На самом нужном месте встретились. Давай, переступи на эту дорогу, шишкинскую, янгорчинскую дорогу. Войди туда и до конца жизни не отступай от нее. В селе откроем картинную галерею. Твои работы станут началом. Большой, красивый дворец построю. Там будет и для картин один зал, специальный.

Встревоженный Караваев вразумительного пока ничего не сказал, другу начал читать лекцию про творчество Шишкина. Василий Иванович, временами его перебивая, азартно подбрасывает нужное словечко:

— Это тебе не напоминает сосновый бор в Хорнзорском лесу? Как сверкают деревья под солнечными лучами? Ха, эти точь-в-точь дубы Подгорной рощи. Однажды как мокли, помнишь?

Васька своими ровными белыми зубами смеется красиво, во время мотания головой скидывает назад черные волосы, размахивается руками. Слова его привлекательные, убедительные, уверенные. Пленительная образная речь душу раскрывает, притягивает к себе. Каждый обязательно включился бы в его разговор. Каждый послушался бы его предложениям. Обещания его каждый поверил бы.

Караваев повел друга по залам. Временами они у некоторых картин, не поспорив, никак не успокаивались. Янгорчин, хотя не совсем глубоко понимает законы изобразительного искусства, но у него чувствуется страстная любовь к живописи, искусству. Недаром он мечтает в Янгорчине созидать мир прекрасного. Обходя последние залы, Янгорчин, как бы ударяя в лоб, строго сказал другу:

— Видишь, как работают люди? И современные художники, продолжая традиции великих мастеров кисти, дальше повышают свое мастерство. Все молодцы. Не хватает здесь только одного экспоната.

— Пустого места не вижу, картины развешаны все на свои места, — удивился земляк.

— Не хватает в галерее знаменитой картины «Народ-

ного художника Чувашии Николая Караваева «Янгорчинское утро», — объяснил Янгорчин.

Микулай опустил голову, ему совестно и неловко стало после этого даже взглянуть другу в глаза. Стыд мучил его в это время. Пустое времяпрепровождение в жизни злило и душило.

— Ты меня, Васька, пока выйдем из галереи, может, даже превратишь в народного художника СССР, избереешь в академики Академии художеств... — пытался пошутить Караваев.

— Да, надо возвысить тебя и до народного художника, и до академика. Не отставай от людей. Есть же у тебя талант. Пашков тоже все время твердит об этом. Написанную во время учебы в училище картину твою «Наша улица» Иосиф Иванович попросил у ваших родителей. «Эта картина, — говорит Пашков вдохновенно, — для нас, для колхозников «Зари» ярка как Утренняя звезда и близка как Чувашия родная». Тобой он гордится, тебя он хвалит. Надеется на своего ученика. И вот узнает о моем возвращении из Москвы, и сейчас сразу же начнет с этих слов свой разговор: «Не встретил ли ты там Микулая Караваева?» На этот раз могу обрадовать: «Живого Микулая де Каравая увидел».

— Ничего себе... — покраснел Караваев. — Какое прозвище! Это в старину французы, в знак почести, впереди имени ставили частицу «де», а итальянцы — «да». Великолепно звучало: Оноре де Бальзак, Леонардо да Винчи...

— И твое имя как гордо звучит среди корифеев мировой культуры, а? Вон какой почетный ты, Микулай де Каравай! В деревне точно так прозвали тебя. От кого вышло, не знаю. Знаю только то, что из народа. Верю и в то, что вернувшись на родину, оправдаешь это великое имя. Возвращайся в Чувашию. Если будешь стараться хотя бы чуточку как Леонардо да Винчи, родной народ тебя отблагодарит многими почетными званиями. Только, когда будешь работать на него. Понял? А сейчас пошли ко мне. В гостиницу. На обед.

Вся грусть и мучившая тоска как бы вылетели из души. Легче стало дышать Караваеву. Приятный разговор, шутки, смех, близость друга стали для него такими дорогими, даже словом не обмолвишь.

Василий Иванович живет в «России». Караваев с тум-

бочки взял «Известия» и там прочитал: «Речь депутата В.И.Янгорчина».

— Молодец, — пожал руку друга Микулай. — Прославил наше село. Поднял колхоз на высоту.

— Не надо хвалить меня, Микулай. Народ должен был избрать на четыре года кого-то депутатом в шестьдесят шестом — случайно попал туда Янгорчин. Сейчас я должен оправдать доверие избирателей. Как? Конечно, с огоньком и стараясь за народ. Поэтому вчера, пока случай подвернулся, захотел воспользоваться высокой трибуной парламента.

— Ты здесь, охо! Защищаешь не только честь нашей республики, нашего чувашского народа, говоришь в масштабе России, всей страны.

— Права большие у депутата и воспользовался ими, сказал то, что наболело в душе. Правда, есть еще как и чем мучиться крестьянину. Нам, людям земли, необходимо еще больше давать стране хлеба, мяса, молока... Основная цель всего-то одна — накормить страну. Стараются земледельцы, днем и ночью трудятся не покладая сил. Но... помощи маловато со стороны государства, да и уплывает за границу невесть куда наше потом добытое, накопленное добро народное.

От души, с вниманьем, не перебивая, слушал Караваев своего друга.

— А сейчас я тебя, Микулай, попарю в баньке. Давай, просвежимся, — торопясь, начал Янгорчин собирать на двоих белье. — Финская баня ждет нас. После этого, может, захочешь попасть в чувашскую черную баню. Не тоскуешь по ней — по березовому, дубовому, свеженькому венуку? Или затосковал по крапивному? Все наготове.

Караваеву осталось только согласиться.

После расставания с Янгорчиным, в голове Микулая начали звенеть слова Огюста Родена: «Художник должен волноваться, любить, не терять веру, жить. В первую очередь должен быть человеком, только тогда — художником». Ему показалось, что их высказал умнейший сын французского народа специально для него.

О жизни Караваев начал думать совсем по-другому. Состоялся тогда такой разговор с профессором живописи.

— Значит, нас покидаешь, — сказал Викентий Матвеевич. — Жаль, привыкли к тебе.

— Твердо решил. После встречи с другом, Янгорчи-

ным, душа изменилась. Мучает ностальгия. Начал задумываться все больше и больше о том, что я родился именно в селе. И во сне играю с детством. Ивовая улица, хлебное поле, ветряные мельницы, древние сосны, близкие по крови люди с глаз не сходят. Поэтому надо уехать мне из Москвы, сегодня же тронуться в путь.

— А мне, дорогой друг, хочется оставить тебя навсегда здесь-же, прописать продолжателем нашего рода. Отдохни немного в деревне, рисуй до усталости, а потом возвращайся к нам обратно. Вместе проживем. Я тоже старею.

— Даже не знаю как ответить Вам, мой дорогой Учитель. Хочется красоту искусства показать и подарить родному народу. Это — мой первый долг. Поэтому... не может быть и двоякой мысли. Как мужчина мужчине говорю Вам: я — сын земли Чувашской.

Хотя он обещал Янгорчину вернуться в село, но из Москвы никак не мог вырваться. Не так-то легко, оказывается, освободиться от сладких, крепких женских сетей. Возвратился Микулай в Чувашию только через несколько недель.

Вот он, пьяный от запаха родной земли, до усталости глядит в небо, во Вселенной ищет неизвестный образ. Встал на ноги... Снизу в его сторону, подпевая песню, с берега пруда поднимаются девушки, осторожно раздвигая ветки яблонь, приближаются к нему. На головах — кружева из васильков. Ветер озорничает платьями из легкой прозрачной ткани. В этот миг зародилась в голове у художника будущая картина. Надо обогатить сюжет и усилить образы девчат. С такой вдохновенной мечтой Караваев поспешил домой. Даже не успел и не посмел с красавицами познакомиться. А когда незаметно зарождавшееся неизвестное чувство потрясло его сердце как электрический ток, только тогда понял в какое затруднительное мучительное положение он попал.

Почему же его глаза зафиксировали в группе девушек и ни левую, и ни правую, а именно — центральную. По чьей указке? По чьему принуждению? Неожиданно как во сне появилась перед ним сказочная чудо-девица со светлыми волосами, голубыми как васильки глазами, стройная и гибкая... Какая-то неопишуемая одухотворенность заставила его работать в поте лица, именно ее захотелось показать по красивее, позаманчивее и поромантич-

нее, как выдающийся русский живописец Андрей Рублев сотворил образы ангелов из библейской легенды в пятнадцатом веке. Неужели и у него получилось образное явление трех ангелов земли, как в «Троице» Рублева? Вон какая, оказывается, она, родная земля, родной уголок, сила родного народа, — могучая. Долго прожив в Москве, ничего путного не сделал, не сотворил в творчестве, а на селе... за месяц завершил картину. Назвал «Цветущей троицей». Забрал ее с собой в Чебоксары. В это время там собирались организовать выставку в честь шестидесятилетия Октября. Караваев, постеснявшись, тоже предложил свою новую работу. Членам выставкома почему-то его картина даже очень понравилась.

Расставшись любовным детищем в художественной галерее на набережной Волги, Николаю Прокопьевичу стало не по себе, и вот, кажется, ему чего-то не хватает, сердце ноет, тогда он, чтобы успокоить душу, начал ходить туда каждый день и наслаждаться ее образом. Венера из деревянного красивого ковша предлагает зрителям и ему чувашского пенного пива. Чисто деревенской грустью, национальной гордостью и мирской духовностью дышит чувашская «Троица». Хочется выпить эту чашу до дна. Глаза девушки, чуть подмигивая, притягивают в омут таинственности. Из зала каждый раз он выходит, пьянея от неосуществленной символической близостью своей любви.

А когда картину вместе с лучшими произведениями живописи чувашских художников отправили в Москву, начался для него настоящий ад. Не вытерпев, чтобы увидеть ее, живую, поехал в Янгорчино. Но практикантки Чувашского сельхозинститута уже успели вернуться в Чебоксары. В тот же день он уехал обратно.

Постеснялся Караваев искать по общежитиям будущих агрономов. Все свободное время отдал творчеству. «Цветущая троица» не только его самого взволновала, но дала повод к размышлению и толкованию известным искусствоведам, художникам. В Москве «Троица» тоже расцвела своей новой, живой красотой. Об этом узнал он, когда получил от своего любимого профессора живописи Старикова письмо.

«Я давно чувствовал, что в тебе скрывается большой талант, с нетерпением ждал раскрытия его. В Москве ты действительно жил как слепой котенок, не мог выйти в

мир настоящего искусства. Тебе нужны были лекарства земли, целительный дух, воздух села. Как Саврасов выводил своих учеников на простор, в деревню, тебя тоже в свое время надо было смело гонять. После этого, может, и в столице стал бы известным. «Цветущая троица» своей глубинной выразительностью стоит в несколько раз выше «Клятвы на братской могиле». Как люблю я тебя, Николай, так же как своего сына. Желаю еще больших успехов. Высоко носи имя суриковца», — написал Викентий Матвеевич.

Вот об этом Караваев при встрече в Чебоксарах, немного похвастался перед Янгорчиным.

— Все ангелы твоей «Троицы» живые, никогда не засохнут также как и рублевские. Показывал же ты мне их когда-то в подвальном, двадцать девятом зале, целую лекцию читал о великих мастерах. Но мой сад— яблоневый сад — засох, пропал. Лютый Дед Мороз погубил красоту природы, — с обидой рассказывал Василий Иванович в гостинице «Волга». — Я ведь, чтобы картину земли сделать цветущей, плодovитой, ночи не спал. Сначала загородил пруд. Объединение «Сельхозтехники» ай-яй загребастало сколько денег... А когда посадили молодые саженцы, сколько помучились. Ведь как за ребенком надо ухаживать и ласково обращаться с молодой порослью. Эх, когда яблони и груши начали давать первые плоды, даже не хотелось выйти из сада. Сейчас все надо начинать заново.

Янгорчин как и прежде зовет его в село. Но Караваев вначале решил устроиться в столице. А душа все равно тянет домой.

4

Как сходит Караваев с поезда, направляясь домой, старается из Апнерки выйти к селу через сад, напрямик. Вот он, и на этот раз, наслаждаясь весенней красотой, с чувством душевного пафоса, шагает неустанно. Приближаясь к Глиняному оврагу, наткнулся на молодых людей, занятых посадкой деревьев. Значит, Васька Янгорчин обновлял сад. Напросился и Микулай в помощники. Садовник ему подал лопату, острую с новым черенком. Молодежь, оказывается, на субботнике. Караваев старательно начал копать лунку. Среди хохотушек одну он сразу узнал: та

студентка-практикантка, его ангел — главная героиня «Цветущей троицы». Волшебная, сказочная Красавица!

— Здравия желаю, бог в помощь, — улыбнулся Караваев.

— Если вы именно сами Бог, то нам помощник нашелся, — взглянув на пришельца исподлобья, хихикнула чудесница.

— Богом не могу быть, простым человеком, может, пригожусь, но... пожалуй, все же есть, наверное, Всевышний, ей-богу, почему-то именно по этой дороге меня к вам вывел он.

Девчата, посмеявшись, разошлись. Только героиня «Троицы» осталась на месте. Она стеснительно начала интимный разговор:

— Николай Прокопьевич, помните, вы когда-то нас здесь, в старом саду еще, увидели, потом рисовали что-то. Где этот рисунок сейчас?

— Вы про «Троицу» что ли?

— Да. Про «Цветущую» я.

— Вот она — передо мной.

— Я правды хочу, а вы шутите, — покраснела девушка.

— Честно скажите.

— В Москве.

— Неужто в столице? — удивленно раскрыла она глаза.

— Поглядеть захотелось.

— Разве вы ни разу не видели эту картину?

— Нет. В Чебоксарах, в картинной галерее, наши девчата видели, говорят. А я испугалась идти туда.

— Отчего? От кого? Почему?

— Просто так, — подняв голову, загадочно посмотрела она в глаза художника. — Вас...

— Меня же там не было. Хотя бы и присутствовал... Неужто я такой страшный? — лопату так сильно всадил в землю Караваев...

— Что вы, о чем вы говорите? Никакой не страшный, а самый красивый человек на свете вы. Не знаю, почему дрожь брала меня тогда.

— А сейчас почему не убежали, испугавшись? Все девушки ведь сразу отошли в сторону?

— Сама не знаю, почему?

— Вы меня можете назвать просто по имени, ну, скажем, Микулаем, — для знакомства пожал он испачканную глиной горячую руку девушки.

— Ладно тогда, благодарю, дядя Микулай — Микулай мучи.

— Может, дедуля?

— Боже мой, вы можете мне заставить говорить еще не то... Правда, с такой бородой можно вас назвать, ихик! И Микулай асатте — дед Микулай. Звучит, а?

— Ваша воля. Ваше блаженство.

— Я вас помню. Однажды вы пришли к нам за моим папой. Ваши очи тогда напоминали глаза нашей Мирки. Любимая кошка давно состарилась и умерла. Но свет ваших таинственных зеленых глаз...

«И ваши голубые, как васильки, глаза — невянушая, цветущая ангелочка моя, согревающая мне душу любовь...» — проглотив в уме нежные слова, янгорчинский кавалер взялся за работу.

Вечером Янгорчин пригласил его к себе. Он построил новую баню, просторную, современную.

— Помнишь в «России» я заговорил о черной чувашской бане и крапивных вениках? — громко засмеялся Васька. — Вот они, сегодня специально приготовил. Ну-ка, ложись на полати. Не совсем раскрылись у тебя глаза, сильнее надо взгреть, может тогда вспомнишь про село. Почему не переезжаешь? И ангел есть... Давай, терпи казак, атаманом будешь. Еще поддам-ка пару. Вся хворь городская улетучится...

После парки Микулай обещал:

— Дай набраться сил в Чебоксарах. Немножко встану на ноги, тогда не один, артелью нагряну. Есть большие замыслы.

Пока они вышли, искупавшись, изворотливая жена Янгорчина успела принести в глиняном горшочке пенистое пиво.

— Держи-ка, друг, душу обмоем. Из погреба: свежее, чистое, ячменное, сельское, чувашское. Такого нигде не найдешь, — налил хозяин кружки.

— Благодарю, пусть пар всегда будет хорошим, а пиво крепким.

5

Выгрузив внутренний багаж на холст, наполненный в голове во время пребывания в селе, Микулай Караваев подошел к окну. Сверху, с высоты многоэтажного дома

видно, как простираются широкая Волга, зеленый покров леса, ярко светит солнце. Эта могучая река на земле Русской издавна притягивала к себе великих художников кисти. Его тоже, когда он впервые приехал сюда в четырнадцать лет, от души приковала к себе. Эта сила притяжения усиливается с каждым разом. Волнует, вдохновляет, а временами, когда начинают опускаться руки, и лечит.

Как переехал он навсегда из Москвы, сразу же спустился к реке и помылся охладительной русской святой водой. Она для него стала целебнее самого-самого сильного лекарства. Оживила, вылечила, раскрыла глаза, заставила взглянуть вперед. С этой мощью он начал новый период в своей жизни. В республиканском отделении художественного фонда России для него нашлась подходящая работа.

Чувашские художники в последнее время работали, засучив рукава. Он ознакомился с их произведениями завистливо и ревностно. И сам начал пропадать в селах, на стройке, набережной Волги. В мире красоты, можно сказать, он засверкал, как утреннее яркое солнце. Его новые работы получили заслуженную похвалу на выставках в Москве и художников Поволжья. Раскрылся, нашелся талант чувашского народа! Наконец-то, какой «дар божий» есть у Караваева, по-настоящему убедился тот первый спутник в Чебоксарах, преподаватель художественного училища: дядя Ювеналия Юсова.

После принятия его в члены Союза художников СССР, у Караваева еще крепче усилилось стремление трудиться именно для народа. Понявший с детства любовь человеческого тепла, это богатство он не хотел выпустить из своего сердца до конца жизни. Как-то в Союзе художников начался серьезный разговор. Николай Прокопьевич предложил художникам организоваться в бригады и выезжать в сельские районы. Глядевший исподлобья Юс Юсов, встав чинно, покачиваясь тучным телом, похожим на откормленного борова, резко мотнул ежиковидной головой, раза два сухо кашлянул и натянуто запел:

— Бросьте ерунду городить. Пустая трата времени. Картину можно создавать замечательно и в мастерской. Ходить по селам и запечатлеть морды простых людей как фотограф, не наше дело. Такие вещи шедеврами не были и не будут никогда. Поэтому я такое самотворчество категорически отрицаю.

Караваев еще раньше знал его думы, ждал от него именно такой оценки. Не ошибся. Ведь Ювеналий Серафимович еще во времена учебы старался и стремился, подмазавшись и подльстившись, угодив кому-нибудь, прославиться. Сколько портретов исказил, испортил, начиная с образа директора художественного училища, кончая обликом высокопоставленных лиц — до первого секретаря обкома партии. И впоследствии он на первое место ставил этот наилегчайший метод. Недаром в его портретной галерее — почти все начальники. Нашел свою жизненную позицию, как давние дворцовые художники. Сейчас преподает в пединституте — художественно-графическом факультете, кандидат искусствоведения, исполняет обязанности профессора. Есть у него, конечно, отличная работа, кафедра, слава, но нет души мастера кисти. Поэтому Караваев с ним никогда не согласится. С жаром души, взволнованно, вдохновенно развил Николай Прокопьевич свою мысль:

— Человек, который не сумевший показать ритм жизни, его изменения в своем развитии языком искусства, на мой взгляд, не художник. Он — оторванный от народа, пропитанный угарным газом-дымом старинного академизма ремесленник. А наша главная цель — изобразить образ строителя новой жизни на уровне настоящего реализма. Этого мы никогда не можем достичь, находясь только в кабинетах да мастерских. Нашими мастерскими должны быть поля, заводы, стройки... Наш священный долг — довести искусство в гущу народа в понятливой форме.

Посмотрите-ка на него, на революционера, приехавшего учить из Москвы, — засмеялся Юсов, заигрывая бесцветными глазами. — Мы, по мнению Караваева, значит, оторванные от народа академисты, да? Рисовать не умеем, сидим, запершись, в мастерских. В мой адрес бьешь? Звание заслуженного художника не ты давал мне, а президиум Верховного Совета. Заслужи-ка сначала ты эти звания-степени, по зубам ли они тебе. Послушайте внимательно, какая чушь, просто оскорбляет он нас. Никто не держит тебя, Караваев, в городе, езжай в свою грязную и пыльную деревню и намалуй себе на здоровье и покажи нам хороший пример. Посмотрим, что выйдет из этой кавалерийской затеи. Нам, дружище, в первую очередь необходимо работать в поте лица на своих местах: в училище, институте, художественном фонде. Где свободное время месить грязь в деревне?

Караваяев тоже не поддался, ему сказал в глаза:

— Эх, Ювеналий Серафимович, хвастаетесь ведь дутой славой как мыльный пузырь. Знаем мы каким образом вы перескочили до сегодняшней ступеньки. Всем известно ваше «творчество». Нет, так нельзя рисовать нам сегодня, как вы. Правду жизни надо показать через внутренний мир трудящегося человека. Правдивость сблизить с настоящей жизнью. Вспомним-ка слова Репина? Сто лет тому назад он говорил, что «крестьянин сейчас нам судья, поэтому нам надо показать в своих рисунках его жизненные интересы». Вестником передового искусства, главной силой жизни всегда считался народ. Подвиг четырнадцати передвижников, выпускников Петербургской художественной академии 1863 года, отказавшихся от надоевших старых мифических канонов, решивших показать в своих дипломных работах настоящую действительную жизнь во главе с Крамским, известен всему миру. Народ до сих пор не может наслаждаться с выдающимися работами «бунтарей».

Юсов продолжил над ним насмехаться:

— Что-то ты, Караваяев, метишь в «Чувашского Крамского»? Кажется, собираешься совершить революцию в чувашском изобразительном искусстве. Среди нас хочешь поднять бунт? Одумайся, пока рога целы!

Караваяев на этот вызов ответил спокойно:

— В моих словах ничего нового нет. Добрые традиции вековой старины прогрессивные художники, в том числе и наши, чувашские, продолжили еще в двадцатых-тридцатых годах и в настоящее время продолжают. Ростки новой жизни мы видим в прекрасных произведениях наших мастеров. Жизнь живописца и трудового народа должна быть в одной связке. А на ваших бедных и оскудевших картинах, Ювеналий Серафимович, главные герои слишком кажутся как сказочно выдуманскими, оторванными от земли, парящими в воздухе. Зритель, народ не поверит их обманчивую действительность.

— А ты сам попробуй утвердить это. Хэ, с двумя-тремя работенками попал в Союз художников... Видимо, рановато приняли мы тебя в свои ряды, «учителя». Не гонись ты за передвижниками. У них, ой-ой, какой был талант. Давай, давай, если хочешь, организуй такие передвижные выставки и удиви всех. А пока это— слова. Сприсованное за пределами мастерской, еще раз подчеркиваю, не шедевр, только эскиз.

— Ну что ж, покажем тогда что надо! — сказал твердо Караваев, как давал в армии клятву. — Постараемся шагать в ногу со временем!

Их спорный и нелিপкий разговор, видимо, всех взволновал, все переговаривались друг с другом. Сидящий у окна сильный духом, умный мыслью Няманов не выдержал, скосив сердито в сторону Юсова, добавил:

— Всегда мы плетемся в хвосте. Почему-то боимся шума, ритма жизни, впадая в апатию до беспамятства, занимаемся мазней в пахнувших мастерских, живем вчерашним днем. В стране давно прославились творческие бригады художников на стройках, заводах, в селах. А зачем нам оставаться в стороне от героической борьбы народа? Конечно, ни у кого нет свободного времени. Мне тоже не хочется оторваться от начатой основной работы. Давайте время, труд не будем мерить только деньгами. Искусство обогащают не деньги, а повседневное творческое время, нашедший в народе удачный образ, образ жизни обогащает искусство. Это и есть наше кровное основное дело. Так должно быть. Поэтому мне хочется примкнуться к Николаю Прокопьевичу. Если он сам не будет против...

— Я сразу сейчас начинаю организовывать бригаду. Алексея Михайловича с удовольствием с собой беру. Кто еще согласен? — Караваев всех оглядел по глазам. Юсов пассивно посторонился. Остальные поиграли плечиками. Только Григорий Саввич Ушкин, приближающийся к шестидесяти годам художник, тихонько встал и пожал Караваеву руку:

— Такая мысль у нас родилась еще в позапрошлом году. Оказывается, нужен был тот, который раскрыл бы крылья. Вот и нашелся такой смелый и мужественный человек. Давайте объединимся в артель. Бригадой, масштабно поработаем. Где единство — там и сила.

На другой день к Караваеву подошли Семен Самлиров и Павел Палнаев.

— Говорят, что вы сколачиваете бригаду художников для направления в село. Возьмете нас, Николай Прокопьевич? — запыхавшись, спросил Самлиров.

Загоревшихся радостной мыслью молодых художников он успокоил:

— Если будут не против Алексей Михайлович с Григорием Саввичем, готов принять сейчас же.

— Они согласны,— обрадовался Палнаев.— Недавно переговаривали с ними.

Мастер портрета, певец природы, очень уважающий старинные обычаи и порядки Лев Викторович Климов тоже в это время как раз вернулся с творческого отпуска. Умный, даровитый, душевный, круглолицый, словоохотливый средних лет живой этот человек встретился Микулаю еще в Москве. Они близко познакомились. Климов тогда на Всесоюзную выставку привез картину «Озеленитель оврагов». Его герой, протирающий зелеными деревьями слезы природы с жилистыми руками, теплой душой чувашский крестьянин стал захватывающим образом борца за прекрасное будущее нашей природы. Караваев почувствовал силу гражданской активности в жизни художника. Со Львом Викторовичем в споре, в разговоре об искусстве провели немало бессонных ночей. Сколько изумительных мечтаний было. Так захотелось Микулаю работать с ним вместе... Вот и настал тот черед. Климов с удовольствием включился в отряд «чувашских передвижников».

Отличившийся мастерством выразительного показа человека, раскрытия внутреннего психологизма, Ушкин; признанный график, любящий в живописи писать этюдные работы и непревзойденный мастер оформления Няманов подают надежду своими приподнятостью настроения, победной итоговой работой будущего.

Так родилась бригада «Колос». Возглавляет ее Караваев. Правление Союза художников республики инициативу одобрило.

Вот Караваев повел свою бригаду в Янгорчино Вурнарского района. Художников «Колоса» встретили хлебом и солью. В Доме культуры каждый из них мог показать свое творчество. Микулай впервые демонстрировал свои картины в таком количестве в родном селе.

Николай Прокопьевич еще с первых выставок понял, что главным ценителем и судьей художника является острое и тонкое чутье человека, зрителя. От глаз и чутья зрителя ничего не скроешь. И сам он любит следить за зрителями, как они, находя в картинах, образах самые близкие, доселе незамеченные самими черты в лицах односельчан, удивляются. Ему захочется тогда еще лучше писать и глубже, шире, притягательнее показать жизненную цель сегодняшнего человека, образность его творческого мышления, внутренний мир души, порыв сердца.

В селе Караваев мысленно сравнивает прошлое с настоящим. Отказавшиеся в свое время от обязательного писания мифологических чужеземных героев «бунтари», идя в народ, создали шедевры, обессмертили простых русских людей, поэтому и сами, и те художники, которые впоследствии к ним примкнули, остались бессмертными. Персонажи художников бригады «Колос» тоже — простые трудовые люди. И они получают мировую известность. Главный образ чувашских бунтарей — в поле, на ферме, машинно-тракторном парке, зерновом току сам вырисовывается ежедневно. Эти работы, как пустословил Юсов, не эскизы. Каждая из них — настоящий рисунок, картина жизни.

Красота весны душу окрыляет. Для горожанина все интересно, в том числе и то, как колхозники Первомай встречают и празднуют в поле, на весеннем севе. Художники ищут любимое направление, искорку сюжета и находят...

К празднику Победы в колхозе завершили сев зерновых. Рядом с кладбищем, возле Дома культуры и парка, собрались жители деревень Хорнзор, Янгорчино и Тук ай-касов в праздничном одеянии. Среди них особо выделяются фронтовики. Утреннее солнце играет на их грудях, украшенных наградами. Янгорчин стоит среди художников и рассказывает историю монумента.

— На наше счастье попались талантливые люди, заслуженные художники Чувашии, два Анатолия: Иванов и Брындин, оба окончившие Чебоксарское художественное училище и высшее художественно-промышленное училище имени Мухиной. Эти художники-монументалисты, ранее прославившиеся оформлением музея Чапаева в нашей столице, и нам решили преподнести большой боевой подарок искусства и создали памятник. Много трудились. Видите, сколько земли завезли, чтобы поднять основание. Для трехгранного обелиска потребовалось восемьсот кубометров раствора. Молодежь работала без усталы, непрерывно, более суток. Как получилось, вскоре увидим. Жаль, сами не смогли приехать, — показал в сторону покрытого красным материалом возвышенность.

В одиннадцать открылся митинг. В центре метрового постаменты высится монумент. Вот постепенно сползает с него покрывало и перед глазами вырисовывается фигура солдата с автоматом, рвущегося на запад. На лицевой стороне треугольника этот солдат размещен очень удачно, образно. Микулай вслух прочитал, написанное на переднем плане

крупными буквами: «Вам, отдавшим жизнь в священной войне за свободу и независимость Родины — благодарные сыны и дочери Отчизны». С тыльной стороны — мать с ребенком.

Слушая выступающих, Караваев очень внимательно следил за стоящими у памятника фронтовиками. Живые... Победившие в смертельных схватках с врагом... Оставшиеся от ада. Продолжатели дел того солдата в бетоне, поднимавшие на ноги страну в послевоенный период, укрепившие нынешнюю мирную жизнь... Победители-герои. Разного возраста они, разного роста. Упиравшиеся на костыль или палку, без одной руки или с протезом ноги, невидимыми внутренними ранами и совсем здоровые, серьезно приподняв головы, гордо смотрят вперед. В тот момент и родилась мысль в голове Караваева написать картину «Янгорчинцы на празднике Победы». Образ каждого из них никогда не улетучится из памяти, сегодня же начнут они вырисовываться с помощью красок и кисти на холсте.

Ванька Костин грустным голосом назвал фамилии двухсотвосемидесяти погибших фронтовиков. Они увековечены на гранитных плитках, помещенных вокруг бетонного солдата. Среди них есть и дядя Микулая Ксенофонт Федотович Караваев. Если бы остался жив, стоял бы он рядом с этими фронтовиками, занимался бы довоенным своим любимым плотницким делом. Сейчас — в граните. Навечно в памяти.

Люди вереницей идут к памятнику с живыми цветами, под траурную музыку горестно льют слезы. Играет свой, колхозный духовой оркестр — гордость Василия Янгорчина. Мурашки пробежали по телу во время исполнения школьниками песни «Орленок». Гимн Советского Союза всех выправил и заставил подтянуться. Праздник Победы отметили в «Заре» мощно, всей артелью.

6

Микулай зашел в Дом культуры, поговорил со своим другом Ванькой Костиным и направился в сторону сада. От ветряной мельницы Костиных началась граница двух полей. По одну сторону — рожь, по другую — кукуруза. Нынче погодные условия благоприятствуют. Дожди временами льют. На кукурузном поле тарахтит трактор. Из кабины «Беларуси» показалась голова Илюша, сына Хорнзорского

Аркаши Малаша. (Малаш— будущее, идеал, высшая цель). Поравнявшись с ним, тракторист, длинно прогудев, дал газу. Из трубы повалил густой дым и ударил Караваеву в лицо.

Николай Прокопьевич хорошо знает отца этого парня. Аркаш Малашов очень любит читать. Светлая голова. С каждой встречей с Микулаем начинается дискуссия про искусство. Модернистов ругает вовсю, он их прозвал занимающимися мазней когтями курицы вкривь и вкось балдами. Сам способный человек, мастер на все руки.

Сын тоже молодец. Окончил техникум механизации. Как-то Василий Иванович попросил нарисовать его портрет. Когда тот позировал, Караваев спросил:

— Что вам и с дипломом техникума в колхозе не могут подыскать работу получше?

— Мне, Микулай де Каравай, образование нужно не для мягкого кресла, а для работы в поле. Лишнее знание выше поднимает сиденье трактора и комбайна. Так легче смотреться передний край,— ответил гордо и добавил:— Скоро поступлю заочно в институт.

Шел по краю поля и вспомнил эту встречу. Вот и показался колхозный сад. Раскинулись ряды яблонь, груш, слив, других плодовых деревьев... Спустившись по уклону, он вышел к пруду. Искусственное озеро с двумя притоками. Они, разрезая сад, тянутся вверх. В конце большого притока имеется островок. На мысе пруда — место для купания. Среди лежащих, бултыхающихся, плавающих в воде молодых людей он заметил фигуру Венеры. Девушка в цветастом купальнике, стоит, поправляя волосы. Она, почуяв пристальный взгляд посторонних глаз, обернулась и побеговав, прыгнула в воду, поплыла в сторону острова. Караваев тоже не выдержал, быстро раздевшись, нырнул в воду, выплыв, стал догонять девушку. Он старается плавать размашисто, отталкиваясь ногами. Непривычное занятие не дает успеха. Плавать, оказывается, не бегать. Труднее. Да и годы не те. Задыхается. Но не хочет сдаваться, все идет вперед. Венера выплыла на берег и вышла на остров, приподняв руки, подтянулась вверх, оглянулась назад и заметила приближающегося Караваева, потом села и положила голову на колени, прикрыв длинными волосами голые ляжки.

Микулай тоже доплыл, ладонью побрызгал водой. Венера все молчала, только глазами как бы шептала: «Выхо-

ди из воды скорее, иди, садись рядом». Или оттого, что вчера ночью с Микулаем мучи в парке долго гуляли и мало спала, у нее под глазами появились мешки. Личико, как анисовое яблоко — красное и яркое. Улыбка нежная. Двадцать пять лет ей. По ее словам, «старая дева». А Караваеву она кажется только что расцветшим цветком из своей «Троицы».

— Добрый день, Микулай мучи! — Вскочив на ноги, она протянула навстречу руку. — Не издеваясь, а шутя назвала так. Не обижайтесь.

— У человека, не понимающего шутки, душа бедная, говорят. Душу мне не хочется оскудить. Понимаю шутку. Сам же научил назвать как «Микулай мучи». А кто же я? Конечно, мучи, дед. С бородой, с седеющей бородой старик. «Пока в руки не брал палки...» — вспомнил он шуточную чувашскую песню.

Венера не дала ему допеть, прикрыла его губы мягкой ладонью. Микулай обрадовался соприкосновению горячей ее руки. А она сама, постеснявшись, опустила голову.

— Ох, с этим вопросом о женитьбе Илюш голову морочит, и остальные женихи лепечут, тоже и вы хотите...

Венера подошла к молодым березам. Микулай за ней.

— Знакомые и близкие деревья! — глубоко вздохнула девушка. — В весну окончания средней школы мы всем классом пришли в сад посадить на память деревья. Илюш Малашов покатал меня на лодке. Тогда мы, выйдя, здесь вдвоем посадили две березы. Остров тоже с того времени прозвали Островом любви. Как стройно растут они сейчас! Кудри успели опустить. Почему-то они мне напоминают прощающихся со своей юностью мальчика и девочку.

Микулай, кивнув головой, ничего не сказал, про себя подумал: «Кому же ближе этот цветущий уголок земли в центре сада: ей, Илюшке или мне? Нагло наступив на Остров любви, я не стану ли неожиданным гостем или незванным врагом? Почему Венера не захотела, чтобы я спел песню о женитьбе? Может, она со мной просто играет в жмурки? Илюша Малашова зря, без причины, заставляет мучиться? И сейчас глядит вон в сторону кукурузного поля. Знает она, кто там работает. Как внимательно прислушивается к звуку трактора, доносящегося ветром? Затруднительно ответить. И в прошлую ночь, возвращающийся с работы Илюш, конечно, недаром про-

шел через парк мимо кладбища. Идти в Хорнзоры ведь есть и другие прямые дороги- тропинки. Почему же они должны были встретиться именно на одной тропинке? Известно, Илюш ревнует, ожесточится, ходит как тень Арсюри-Лешего вокруг них, что будешь делать. Судьба. Я тоже вместе с Венерой посадил яблоню. Растет сейчас это плодое дерево. Дерево любви. Вон, отсюда виднеется. Венера повернулась, смотрит туда же. Может, прислушивается к звуку листьев? Мне самому кажется, что слышен этот звук шуршащих листьев. Улавливают ли его уши Венеры? Здесь две березы, там — одна яблоня. Есть ли гармония в этом?..»

— Николай Прокопьевич?— неожиданно прозвучал рядом звонкий голос.— Почему вы так пристально следите за нашими березами. Не мыслите ли что-то нарисовать? Дать вам сюжет?

Не опасаясь очей купающихся на мысе людей, Микулай притянул к себе девушку и прямо посмотрел в ее чистые как синее небо глаза.

— Скажи, открой свой секрет, Венера.

— Не знаю, понравится ли вам он. А все же, если писать картину, главная мысль должна быть такова. Скалистый остров. В центре растут березы. На берег наваливаются высокие волны и брызгают пеной. Небо раскололось на две части от сверкающей молнии. На этом свете, между парными деревьями, виднеется могила Любви. Перед ней в черном одеянии стоит, наклонив голову, одна девица.

— Неплохо, можно сказать. Видимо, сюжет взят из жизни, но... когда задумаешь рисовать, у меня едва ли хватит сил брать в руки кисть. Слишком драматический сюжет.

Венера растянулась на зеленой траве загорать. Микулай присел рядом и начал играть с ее светлыми волосами.

— Я вам сообщила не для росписи, просто так. Почему-то очень внимательно, пристально смотрели вы на них... Скажите, пожалуйста, почему они вам так понравились?

— За парочку. Рядом вдвоем и расти хорошо. Не одиноко, не сиротливо.

— Ошибаетесь. Хотя они на глазах людей парные, на самом деле — одинокие. Был бы топор сейчас здесь, я одну из них срубила бы. Пускай увидят, узнают почему другая береза растет одна. Сюжет уж... В пятнадцать лет мы

полюбили друг друга. За одной партой сидели. И в институте не хотелось ни с кем дружить. Вернувшись в деревню, свободное время проводила вместе с Илюшом. Обновить гибнувший сад тоже вместе вышли. Со стороны он пристально следил за нами, как мы сажали яблоню, но подойти к нам не посмел, не смог увести меня, схватив за руку. У меня у самой тоже не было мощи покинуть вас. Какая-то невидимая сила приковала к яме, вырытой вдвоем. Ваш образ остался в моей памяти еще тогда, когда мы вас впервые увидели, возвращающегося из Москвы. После этого встречалась с вами несколько раз в каком-то туманном мире, во сне. А на этот раз, встретив снова, ноги стали как-будто подкошенными, совсем ослабла и осталась с вами сажать яблоню. Вначале совсем не приглянувшиеся зеленые глаза, аккуратная борода, волнистые волосы, приятно издающийся добрый голос стали близкими. Крик Илюша, зовущего к себе, рвало душу. Вечером он мне, приревновав, наговорил черт знает что. В то время у Любви появилась трещина. Постепенно она расширялась и расширялась, потом все лопнуло. На двое разделилась любовь. Моя сторона, видимо, совсем пропала. Умерла. Если подумать, навсегда пропала она. Односторонняя любовь откуда может быть живой? Любовь в мыслях и мечте. Поэтому предложила вам такой сюжет. А вы не хотите воспользоваться им?

Караваев тоже лег рядом, от волнения теребил рукой траву. Ему захотелось выслушать Венеру до конца, поэтому спросил:

— Правильно ли сделала ты, бросив столько лет любимого парня?

— Думаю, правильно. Скажете, почему? Проведенное нами обманчивое время, охваченное возвышенным представлением, что мы якобы любим друг друга, для нас проходило незаметно. Мы тогда не почувствовали ничего мудреного. Встретились — поболтали. Расставались — письма писали. А если бы сошлись вместе? Если бы вас встретила после замужества? Любовь, настоящая любовь, на мой взгляд, все равно родилась бы. Сильная любовь, говорят, в жизни один раз бывает. Нет, любовь между мной и Илюшем не была настоящей. Потому что она разрушилась при первом же испытании. А в день встречи с вами у меня в душе что-то всколыхнулось, нечто непонятное начало бурлить. Не останавливается она, эта буря восторгов, и поныне. Послушайте, вот...

Микулай, как- будто этого и ждал, с радостью прислонился к гибкой груди девушки и внимательно послушал. Сердце ее действительно стучит, как бы сотрясая землю.

Венера говорит с горячим духом:

— Своей наглостью и бесцеремонностью оттолкнул он меня от себя. Однажды пришел к нам домой. Отец с матерью ушли к соседям в гости. Как раз была пасхальная неделя. От самого самогоном воняет. Меня все время укоряет вами. «За бородатого дедушку выходишь замуж, да? На свадьбу пригласишь?» — издевается надо мной. Чтобы не расстроить пьяного, тяну разговор по его ноте. Вдруг с ним что-то случилось, схватил меня и повалил на койку. «До замужества надо побаловаться, старому холостяку и потрепанная девка сойдет» — мурлыча, так бесстыдно руки начал распускать... Но и зло взяло, а сама испугалась. Осмелившись, как дала кулаком по лицу, откусила руку. Только после отпора успокоился хулиган. Начал меня уговаривать и успокаивать. С треском выгнала. Всю ночь не сомкнула глаз. Все время вспоминала вас. Сама себе сказала, что Николай Прокопьевич совсем не такой, сравнивала вас обоих. Недаром, наверное, Горький говорил, что уровень культуры человека зависит от уважения к женщине. Ни тени культуры нету у Илюша. Раб труда он, больше никто. Тогда и раскололась наша любовь. В эту слезную ночь я и похоронила свою любовь между двумя берегами.

— А сейчас как же, Венера? Сказали, что Любовь умерла, родилась новая Любовь. И у меня родилась она. В то время, когда сажали яблоню. Ежели если другой мороз не погубит наш сад? Такое явление в природе бывает через каждые двадцать — тридцать лет, — сказал Караваев.

Девушка вновь что-то искала в глазах Микулая, взирала, не насытившись.

— Не знаю, когда отморозит Дед мороз нашу яблоню. Я этого никогда не хочу, не жду.

— Не будем ждать-пождать плохого, Венера. Пусть не будет трескучего мороза для нашей любви. Никогда. Давай на перегонки будем плавать. До конца пруда.

Оба радостно прыгнули в воду. Вдоволь поплавали, поиграли, а когда вышли, направились к тропинке. Высунившийся из кабины Илюш Малашов что-то кричал, размахивая рукой. Идущие в радостном, приподнятом настроении Венера с Микулаем ничего не слышали. Караваев, сам не замечая, заговорил языком лиры:

Посадили яблоню в саду,
И с тех пор мы в огненном аду...

Освободившееся из-под склада здание, стоявшее между молочнотоварной фермой и машинотракторным парком, председатель колхоза Янгорчин разрешил художникам временно использовать под мастерскую. Товарищи уехали в Чебоксары, и Караваев работал там один. Несколько дней тому назад он начал корпеть над картиной «Чувашская красавица». Однажды утром пришел и от удивления остолбенел. Дверь раскрыта, засов выдернут. Внутри сильно не разбросано. «Красавица» тоже на месте. Только не видно кистей, красок и палитры.

Об этом Караваев сразу сообщил Янгорчину. Василий Иванович начал искать вредителей сам. В тот же день напал на их след. Как настоящий Шерлок Холмс. Вместе с хулиганами к себе пригласил и Илюша Малашова. Ребята не стали скрывать, рассказали правду. Оказывается, Илюш их специально напоил и, если они уничтожат картину, начатую Микулаем де Караваем, обещал снова поставить бутылку.

Приостановив разгоряченного председателя, Караваев начал с ними простой разговор.

— Когда-нибудь слышали вы имя Санти Рафаэля?— спросил он у ребят.

— А как же, конечно слышали,— смело ответил Малашов.— И знать знаем о нем. Итальянский художник, скульптор. Жил в шестнадцатом веке. Самая знаменитая картина его — «Сикстинская мадонна». Ты же сам, Николай Прокопьевич, в университете культуры читал о них лекцию. Что пытаешь сейчас. Экзаменуешь? Или нас считаешь крупными дураками?

— Не так, Илюш. Запомнилось, хорошо, а о «Мадонне» ничего интересного не слышали?

На этот вопрос Малашов не смог ответить, остальные тоже пожали только плечами. Размашисто шагающий по комнате взад-вперед Караваев остановился перед Илюшом и продолжил свое:

— Ладно, расскажу, — начал он. — Знание об искусстве — хорошо, умение чувствовать искусство сердцем, понять душой — во много раз лучше. Вчерашнее ваше хулиганское действие как раз напомнило мне Рафаэля. Действительно, «Сикстинская мадонна» была его одной из самых сильных работ. По-чувашски назовем ее «Божьей ма-

терью». Рафаэль задумал создать на полотне образ самого красивого, бездефектного, образцового человека, одним словом, типичного. Выполнил он это. Как рассказывал нам в Москве скульптор, учитель Вучетич, до завершения вещи Рафаэлю пришлось отлучиться из города. Художники очень завидовали ему. И вот, воспользовавшись отсутствием его, они задумали уничтожить картину. В праздничный день к храму собралась огромная толпа. Враги Рафаэля напоили нищих и бродяг и тут же распустили слух, что он изобразил портрет весьма известной в городе куртизанки.

Ребята зашушукали. Один из них спросил:

— А кто такая куртизанка?

— Легкомысленная, авантюрная женщина...

— А-а, понятно. Не гулящая же девка Венера Пашкова.

— В общем, узнав об этом, начали шуметь. Разъяренную толпу художники повели к мастерской Рафаэля. Они были уверены, что разбушевавшиеся бродяги, поддержанные благонамеренными горожанами, в религиозном фанатизме уничтожат картину. И вот, взломали двери мастерской, ворвались. Толпа неистовствовала, готова была растоптать, изорвать все. Один художник начал срывать покрывало с холста, стоящего на мольберте. И вот Сикстинская мадонна впервые встретилась с людьми. Она как бы взошла к ним, спустилась со своей высоты в эту радостную и страшную земную жизнь. Все замерли. Замолкли крики. В молчании толпа покинула мастерскую. Так сила искусства смогла приостановить жестокость и победить зло и обман. У вас тоже, ребята, вчера наподобие этого было ведь?

— Правильно, правильно, обманул нас Малаш. Не хватило у нас силы разорвать и растоптать вашу картину. Дочь Пашковых как посмотрела на нас своими загадочными глазами и мы протрезвели. Красавица она. Как можно поднять на нее руку? Ой, стыдно нам. Простите нас. Эх, дураки, воюем против красоты. Ну тебе, Илюш! Самому попадет за это, — слышались голоса.

Караваяев, взглянув на них очаровательно, добавил:

— На работе вы молодцы, счастливые. Сейчас понял, что в вас еще есть и душа художника. Очень благодарен вам за сохранение моей картины «Чувашская красавица».

Ребята с шумом покинули комнату. Янгорчин попрощал Илюша остаться.

— Вынудив выкинуть вещи Николая Прокопьевича в пруд, ты кого хотел навредить, а? Караваева? Нет, не его, нас, весь колхоз нагадил. Опозорил своей подлой душонкой. Запомни. «Красавицу» он рисовал не только кистью и красками, а писал, пропуская ее через душу, сердце...» — проучил председатель молодого тракториста.

— Если и в дальнейшем сунет свой нос между нами и голову оторвем! — выпалив сердито, ушел Малашов, сильно захлопнув дверь.

Янгорчин лихого парня, за хулиганские действия, хотел наказать через милицию. Но Караваев от такой строгости отказался. Простил его.

Вечером Микулай, после проводов из Дома культуры Венеры в Хорнзоры, шел, посвистывая, у пруда. И вдруг сзади напали на него. Он не растерялся, приемом самбо одного сбросил за обочину, другого — в воду. Погони не последовало. Но в боку что-то кололо, голова шумела.

Утром он пришел в машинно-тракторный парк. Заметив огромные синяки на лице Илюша, Караваев понял, кто их подарил. Парень злыми глазами просверлил его и отошел в сторону. Ненавидит янгорчинского соперника Малашов, едва ли простит за то, что завлек его девушку. Разве виноват Микулай, ведь он настырно не приставал к ней и не заставлял дружить.

На другой день Караваев попутно с председателем колхоза поехал в Чебоксары. Новые мысли и задумки звали его в свою мастерскую. «Правда чувашской сказки» — такова будет новая работа. Художник мечтает через призму живых образов показать как народная притча стала былью. Среди персонажей картины есть и сын Аркаша Малаша — Илюш. Хоть он и оскорбил бесшабашно Венеру, до глубины души разозлил самого, все же считает его именно достойным среди богатырей земли. За неудачную любовь он не должен оставаться в числе плохих людей. Понимающий технику пытливым умом, отдающий душу любимой работе, мечтающий о будущем прекрасном парень в колхозе давно нашел свое счастье. Может быть со временем и в любви будет у него удачная полоса.

Янгорчин, видимо, углубился в свои проблемы, перестал говорить, молча следит по сторонам. Караваев ударился в раздумье. «Венера хоть и говорила, что похоронила свою любовь, а на самом деле осадил ли она свою страсть? Очень долго любили ведь они? Не ошибается ли

дивчина? Не бродит ли она в невразумительном тумане? И со мной она пока еще по-серьезному не успела поговорить-поспорить, горячо поругаться. Может, после первого же спора повернется спиной? «Чем провозиться со старым ворчуном, лучше обниму своего удалого, бесшабашного молодца Илюшку». Может и так подумать. Нет, не надо мне сойти с ума и потерять голову как семнадцатилетний юноша. Не обдумав как следует и не взвесив понастоящему, не переступить бы границы позволенного-недозволенного. После неудачного поступка ох как трудно будет выправиться».

«Чувашскую красавицу» Николай Прокопьевич привез в мастерскую и поставил на видное место. И вот, как открывает он дверь мастерской, кажется ему, что навстречу бежит к нему Венера. Но топота шагов не слышно. В нос ударил только знакомый запах красок. Как отодвинул он легкое покрывало, этот запах сменился запахом поля, хлеба. Последний победил. Перед ним — Чувашская мадонна, Красавица земли, Невянувший цветок из «Троицы». «Ага, вот чего не хватает в картине. Света. Не достает светлого тона, придающего лицу девушки мягкость и озарение». Караваев повесил на стул плащ и, торопясь, взял в руки кисть, подобрав нужные краски, приступил к работе. Еще лучистее, ярче, красивее хочется показать ему свою Любовь.

8

Микулай Караваев с утра в мастерской. Приближается время обеденного перерыва, он до сих пор еще не сделал ни одного мазка. «Янгорчинцы на празднике Победы» для зрителей, конечно, по мысли, содержанию и развитием сюжета выглядит как законченная большая картина. Он ведь ее еще в прошлом году не раз выставял и в родном селе, и в Чебоксарах. Работа удостоилась высокой похвалы на выставке «Советская Россия» накануне сорокалетия Победы над фашистской Германией. Оцененная центральной прессой... Но чего не хватает в своем детище, кроме самого художника, пока никто лучше не знает. Учителя он этим полотном просто расстроил. Профессор Стариков мягко предупредил: «Размельчаешься, последователь мой, дорогой».

Вот они, победители, люди разных возрастов, разных ростов, живые, стоят в одном ряду на высоком месте у

памятника, поставленного в честь погибших в Великой Отечественной войне. На лицах у всех сияет немеркнущий солнечный свет Победы. На прибывших на праздник людей они смотрят гордо. За их спиной — стремительно бегущая на запад с автоматом в руках солдатская фигура. Рядом с памятником — кладбище деревень Янгорчино и Хорнзор. После торжественного праздника Победы в это покрытое зеленью священное место разойдутся люди с семьями и поминают по старому обычаю не вернувшихся из поля брани своих сыновей, отцов, близких. Микулай тоже не раз бывал на таких трапезах.

«Микулай, — утром во сне откуда-то долетел до него незнакомый голос дяди Ксенофонта, — ты почему только живых, восхваляя, хочешь прославить? Разве мы не помогли приблизить день Победы? За это проливая кровь, не сложили головы? Мы, никогда не сумевшие снять солдатскую форму, разве не достойны стоять рядом с ними? Не простим тебя за это, если ты вновь выставишь эту картину без нас».

Какое неразгаданное, непонятное явление это сон. Ладно уж, если снится тебе знакомый, знающий человек. Можно подумать, что он остался у тебя в голове. А ведь Микулай дядю в глаза не видел. Он тоже не знал его. Ксенофонт Караваев тогда был в армии, начал воевать и погиб. Так ярко и прекрасно разговаривал дядя с ним, напоминал ему о недостатках в картине.

Микулай проснулся голосом дяди и быстро направился в мастерскую. Каких только мыслей не бродило в голове, но одна из них, крылатая мысль наподобие творческого полета современного русского художника Ильи Глазунова, начала завязываться в узел. В его изумительных работах Караваев, в гуще ритма бурлящей жизни, всегда находит какую-нибудь яркую черту, связывающую с прошлым. Почему не искать и ему подобные прекрасные черты? «Живые герои. Солдат, рвущийся в атаку. Сельское кладбище. Образ, возникший над ними, на фоне солнечного неба. Но... какой образ? Как раскрыть его? Когда?»

Их семнадцать — героев войны. Из родившейся, развивающейся мысли, в течение нескольких лет получилась картина-портрет, сюжетно-тематическая картина, где он старался раскрыть образ каждого из них. У всех — своего рода судьба, тяготы-лишения и радости счастья.

С какими только ранами мучившихся нет среди них.

Вот Пашков из Хорнзор, всей тяжестью тела упирается на костыли. Как только встретился Караваев с глазами Иосифа Ивановича, вспомнил его дочь, Венеру. Ох, какую завлекательную земную красу вырастили они с тетей Уксине.

Мучаясь невидимыми чувствами любви, Микулай де Каравай Венеру считает самым типичным образом на свете. Характерные черты образа чувашской красоты с каких пор все ярче и блистательнее вырисовываются на полотне. Николай Прокопьевич, плененный этими думами, оторвавшись от фронтовиков, подошел к другой картине, сдвинул занавеску... Перед ним как во сне появилась стройная фигура Венеры. Его любимая девушка — раскрасавица. Она в золотистом пшеничном поле следит за поднимающимся солнцем. В левой руке — полный спелый колос. Правую приложила к поясу. Длинными, светлыми льняными волосами нежно играет ветер. Полные груди как-будто прорезывают воздушные волны, открывая дорогу. Василькового цвета глаза таинственно приковывают к себе. Прямой нос украшает лицо. Чуть приоткрытые губы сияют мягким тоном, выставляя белизну ровных зубов. Иногда Микулаю образ девушки представляется как древнегреческой Венерой-Афродитой, возникшей из морской пены. Да, дочь Пашковых для него тоже — как живописная богиня чувственной любви, красоты, неудержимой притягательности, плодородия.

Почему именно этот идеал взволновал его? Почему только в Венере он нашел особенности удивительной таинственности, мифической гармонии? Ни один человек из женского рода, в том числе и москвичка Эмма Старикова, не смогли разбудить его сердце. При первой встрече с Венерой как-будто его подменили, в нем появилась стыдливость. В душе крепла мысль, чтобы этой девушке делать больше добра и быть перед ней очень хорошим.

Может быть, и Венера для других парней ничем особенно не отличается от своих сельских подруг? Только для него она лучше всех: и станом, и одеждой, и душой, и улыбкой, и глазами... Для Микулая она — несравнимая на свете красота. Для Караваева она — Красавица земли. И картине, как начал рисовать, выдал свидетельство о рождении под именем «Чувашская красавица».

А все же он до сих пор не знает, как следует не осознает, что же играет в голове девушки и какая мысль укрепилась в ней. О ком, о чем она мечтает, что думает на

жизненном пути? Может, она ходит с ним просто так, для успокоения души. Не поддалась ли душой и сердцем хорнзорскому Илье Малашову?

Караваев старательно вывел на полотне черты характера и Аркаша Малашова, и его сына. Илюшку разместил в центре, на переднем плане. Мужественный образ получился. Картина «Механизаторы» отличилась во многих выставках.

Микулаю почему-то захотелось подойти к зеркалу. Зеркало, как говорится, не боится сказать правду. На самом деле, кто же он, если поставить его рядом с Илюшом. Малашов сильный, горячий парень. А он, по своему мнению, дед. Караваев невольно погладил складки под зелеными глазами, вытянутое в морщинах лицо, квадратную бороду, поседевшие волосы на висках. Пощупал постепенно оставляющие его волосы. «Сам ее сравниваю с мадонной земли, а она сравнивает ли с кем-нибудь меня? Какой чудесный образ возрождается перед ее глазами? Считает ли она меня самым дорогим человеком? Не боится ли доверить старому холостяку свою молодость, женское будущее?»

Такими думами Микулай зашагал в другую сторону мастерской и остановился у прислоненной к длинному столу картины. Потрошив густую бороду, долго смотрел он на свое создание.

Впереди колыхается пшеничное поле. Море колосьев. Виднеется крайняя улица села Янгорчино. Сквозь зрелое золотистое поле к большой дороге выходит тропинка. Над ними висят кудрявые низкие облака. Ярко светит солнце. Родная сторона. Этот удивительный уголок природы тесно связан с жизнью Янгорчина. Василия Ивановича перевели в район. Сейчас он возглавляет комитет партии. Самый главный хозяин вурнарцев.

Эту картину нарисовать умолял новый председатель колхоза Юрий Ильич Унриев. «У меня своя идея и хочется превратить ее в жизнь, увидеть ее так, как сам представляю», — с этими словами прилип он как банный лист к нему. Караваеву образ Янгорчина давно хотелось изобразить по-другому, шире и ярче. Нет ведь, невозможно было убедить Унриева. «Только здесь, на этом месте его образ жизни. Он поднял на ноги колхоз, накормил народ хлебом. Поэтому эту картину, если сделаете, я хочу подарить Василию Ивановичу от имени всех колхозников — от души», — так и убедил он художника.

Работа удалась, вышла не так уж плохо. Приехав в Чебоксары на прошлой неделе, Юрий Ильич специально зашел поглядеть, как его мысль необыкновенно оживает в красках. Предложил назвать «Озимая пшеница «Мионовская-808» поспела». Караваев, усмехнувшись, перед ним вроде бы согласился, но все же написал: «Тропинка Янгорчина».

Время летит, уже семь. Микулай осторожно начал обертывать картину, полотном вставленную в золотистую раму. В это время с коридора постучали. Не успел хозяин открыть дверь, ввалился в мастерскую Унриев. Председатель «Зари» в летнем костюме, белой рубашке под галстук, коричневых туфлях. Сняв белую кепку, несколько раз машинально провел правой рукой по начинающей облысеть голове, светлыми играющими глазами бегло оглядел картины. Видимо, искал своего пшеничного поля.

— Решил сам приехать, — поприветствовав, Юрий Ильич протянул хозяину крепкую руку. — Пока не вручу сегодня этот подарок, волнение не пройдет. Как примет он его, а? От души или просто так? Вы, наверное, уже завернули картину. Эх, не успел вовремя подсказать...

— А что там не хватает по-твоему?

— Есть ведь у нас возле этого поля ветряные мельницы, поместить бы их сейчас хоть в картину. В прошлый раз забыл.

— Мне кажется, что они там не нужны, — посмотрев на сияющие искоркой глаза председателя, усмехнулся Караваев. — Они изменяют сюжет, уводят в сторону от основной цели. У меня тоже давно в голове зародилась мысль. Нам эту картину надо назвать «Тропинкой Янгорчина». Жизненная тропинка выходит ведь с огорода сквозь хлебное поле...

— Нет, нет! — обеими руками начал размахивать Унриев. — Не правда. Пшеничное поле здесь главный образ. Хлебное поле. Пекарня вошла хоть в рисунок?

— Вошла, есть, есть, Юрий Ильич.

— Тогда согласен. Пшеница поспела. Поле убрано. Зерно размололи. Хлеб испекли. Сыты. Трудись и отдыхай: пой, пляши, радуйся. А все же мельницы нужны. Все есть — трех мельниц нет...

— Надо было сразу напоминать, сейчас не успеем, масляная краска долго высыхает.

— Вы их все равно, хоть попозже, не забудьте срисо-

вать. Очень прошу. Ладно уж с названием. Пусть будет по-вашему.

— Да, — ответил со смешком Караваев. — По пути заедем ко мне на квартиру. Надо переодеться. Захватить подарок. В честь дня рождения для Васьки подготовил спортивный инвентарь. Весит не менее двух-трех пудов. Пусть размягчает свои мышцы.

Караваев сам с детства любит спорт, занимается плаванием, играет в теннис, ходит на лыжах, под двадцатиградусный мороз даже бегают, раздевшись до пояса. Стан сохранился у него, ходьба не умерилась, настроение бодрое, крылатое. Давление всегда в норме.

— Движение, ходьба для человека самое ценное. Именно своевременное познание этого чуда мне помогло оценить и сохранить здоровье. В свое время в Москве чуть ли не пропал, не утонул в бездонной пучине.

— Правильно, Николай Прокопьевич, здоровье дороже всякого богатства, его ни на что не купишь, ничем не вернешь.

— Для меня, Юрий Ильич, дорожке друга как здоровье и страшнее врага как болезнь нет. Не хочется приблизить этого врага к себе. И Васька Янгорчин тоже пусть оттолкнет, и вы тоже остерегайтесь его. Бодрыми будем чувствовать.

— Поэтому вас уважают молодые девушки, — пошутил Унриев.

— Не надо зря, Юрий Ильич. Стар уж я теперь для них. Пожалуйста, не ревнуйте.

— Чего там ревновать, ругать надо... Что же будет с нами, когда вы заберете в город нашего начальника цеха растениеводства? Умный, толковый агроном, умелый организатор производства зря пропадет. Я наперед вижу ее перспективу. Ради бога послушайте, не заманите Венеру в сторону Чебоксар. В городе, на асфальте, завянет, высохнет она. Ее место в деревне. Может, сами тоже переедете? Нынче же построю дом. Коттедж с огромной мастерской. Хорошо?

Углубившийся в свои мысли Караваев только посмеивался. Длинная дорога быстро сократилась. Вот и доехали они до Хорнзорского леса. Какое привлекательное место. С детства туда ходили за ягодами и орехами. Пасли коров. Вокруг поляны как-будто специально посадили эти деревья. Со стороны деревни — дубняк, на южной стороне —

осины. Между ними — красивые липы. Тут и там виднеются ели. Клен, вяз, ясень, орешник растет. Пение птиц окрыляет душу.

С того времени, как начал Янгорчин работать председателем, здесь постоянно проводят праздники песни и труда. И сегодня народ с близлежащих деревень радуется вместе. Василий Иванович на праздник вышел всей семьей. Жена, жизнерадостная, очень трудолюбивая, гостеприимная Галя, ведет за руки трех своих сыновей. Увидев чебоксарского гостя, у них еще больше поднялось настроение, не могут наговориться. Юрий Ильич торопит на сцену.

После чествования тружеников села Унриев поздравил Янгорчина с днем рождения и, показывая большую картину в золоченой раме всем присутствующим, сказал:

— А это — благословение колхозников «Зари». Во время возвращения в село никогда не забудьте эту тропинку, Василий Иванович.

Янгорчину стало как-то не по себе. Подарок он брал стесняясь и с неудобством. Когда отошел на свое место, то перед глазами промелькнули картины прошлого. По этой тропинке, что нарисована Караваевым, он выходил с ним и Ванькой Костиным играть к мельницам. По ней же ходил в Ораушскую среднюю школу. Эта тропинка его по большой дороге привела в Чувашский сельскохозяйственный институт. Позже, работая агрономом и председателем колхоза, шагая по этой тропинке, наслаждался вкусом зрелого хлебного поля. А когда избрали его депутатом Верховного Совета СССР, по этой тропинке уходил на сессии в Москву. И в здание райкома партии довела эта же тропинка.

Нет, не забудет, даже не подумает забыть он тропинку, идущую через зрелое поле — тропинку жизни, тропинку хлеба. Она сегодня его и обрадовала, и взволновала. Во время получения с рук председателя подарок народа комок подступил к горлу, глаза прослезились.

Весь день шумел лес от радостных людей. Когда Караваев, возвращаясь домой, дошел до ограды сада, и задумался. Вот и его тропинка. По этой тропинке он в четырнадцать лет тайком ушел из дома и доехал до Чебоксар, Москвы, вышел на жизненный путь. До сих пор он шагает по ней и сейчас поспешит к девушке. Венера ждет его в парке, под березами. Сумеет ли он по этой тропинке выйти на семейную дорогу?

Над Нагорной рощей возле Тукайкасов в небе начали сверкать золотые лучи восходящего солнца. В летнем лагере молочно-товарной фермы завели двигатель. Скоро там начнется утренняя дойка. Петухи орут, соревнуясь. Их Горнист тоже подал свой голос.

Микулай сел на деревянную лавку под дубом, схватив обеими руками голову, задумался.

«Эх, Венера, — глубоко вздохнул Микулай, — моя сельская мадонна, Красота земли, моя «Джоконда». Такой же удивительной красотой сравниваю тебя — с родившейся после средних веков во время подъема науки и культуры красотой Вселенной. Леонардо да Винчи тогда создал во Флоренции вечно живой не умирающий образ жены богача Джоконды Моны Лизы. Ее краса, хотя прошло с тех пор более пятисот лет, жива, вдохновляющая, душевна».

Во время посещения Франции Караваев в центре Парижа, в Лувре, в картинной галерее, стоял перед Джокондой как прикованный, как чумной. В другой раз он увидел ее в Москве, в музее изобразительных искусств. Тогда картину «Мона Лиза Джоконда», по пути из Парижа в Китай, демонстрировали и у нас. Простояв несколько часов в очереди, успел взглянуть на нее в течение пятнадцати секунд. Каждому посетителю было уделено посмотреть на Луврский жемчуг на этот миг. Ее магические обворожительные глаза, скрытая улыбка, внутренняя душевная трогательность, изумительная наружность как живой человек запомнился навсегда.

«Тогда ты, Венера, в моей мечте еще не была. Не увидел я еще тебя. Но все же такой образ начинал согнать пелену тумана перед моими глазами. Как вернулся в родное село, все ожило, выскочило на простор. Этим образом стала ты. Эх, ты моя героиня, заставляющая страдать и мучиться, — сам с собой разговаривал Караваев. — Почему-то теряюсь перед тобой. Эй, старый дуб, посоветуй, что мне делать?»

Как-будто услышал родной дуб голос Микулая, тихонько пошелестел листьями. В это время звякнула калитка. Он приподнял голову и заметил приближающегося к нему тихим шагом дедушку. Старый человек, побряхтев, сел рядом.

— Ой, боже мой, сынок, — положил он свои худые мозолистые руки на плечо внука, — жалею тебя, давно слежу из окна за тобой.

— Какой-то дьявол украл сон, дедушка. Не знаю, что делать.

Дед, хорошо понимающий горе внука, сняв картуз, почесал лысеющую голову:

— Микулай, парень ты молодецца, прославил наш род, можешь свершить и дальше, но... посмешишь село. Послушай, и птицы всегда парами, ты только бродишь по свету один. Неужто для такого знаменитого кавалера в округе нет невест? Свет клином сошелся что ли для моего внука? Сынок, надо жениться. Продолжить свой род. Какой толк от одинокого человека? Живет. Умрет. Доброе имя — у кого-то останется, а у другого-то — вовсе нет. Ни для села, ни для державы нет помощи от того, кто за собой не оставляет наследников. Сирота он одинокий человек, как столб в поле. Обзаведись с семьей, хочется увидеть и твоих детей, пока жив. Род наш, сам знаешь, ветвистый как этот же дуб. Дерево корнями, а человек роднями держится. Послушай старого человека. Благословение старца, как говорят у нас, грыжа не съест.

Дедушка его хуже взволновал. Вопросы будущей семьи, когда незаметно проходят годы, для него стали самыми сложными и глубокомысленными. Как и когда разрешится этот вопрос, пока неизвестно. В ушах — знакомый голос дедушки:

— Люблю я тебя, Микулай. Видишь, та ветка появилась после твоего рождения. Как размашисто растет. Ниже нее — ветки Укахви, Василия, Дмитрия, Ксенофонта, Пракуха. Рядом с твоей веткой, чуть повыше, начала расти и ветка Антуна. Только она высохла. Нашлась одна суховатая ветка. И не в отца, и не в мать пошел он. Не послушался наших советов. Ты хоть своей светлой головой стал знатным человеком. Бедняга Антун даже из артельной люльки выпал.

Беспутство, пьянство братика Микулая тоже сильно волнует. Сколько учил, помогал он ему. Антун все равно действует по-своему. Что он ищет в жизни, непонятно. Что надо ему больше всех?.. Все время идет вдоль дороги, мысля наоборот.

— Большая семья не без уroda, — глубоко вздохнул дед. — Одно гнилое яблоко испортил, говорят, сто яблок.

Когда к околице начали приводить овец, они встали и направились домой.

Микулай всмотрелся в картину, висящей на всю стену, под названием «Наша родословная». Сколько лет пишет он ее, обновляет, поправляет, обогащает. Начиная от прадеда деда, кончая детьми своего брата и сестренки есть там. Чем-то напоминает она панно Глазунова, сделанного для штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже. Глазунов в своей знаменитой работе показал успешный вклад советских народов в развитии мировой культуры и цивилизации через образы великих просветителей Отечества. Караваяев тоже захотел связать жизнь людей своего рода основными периодами героических дел своей страны. Яркое просвечивается там живая нить пульса времени. Вот глава рода Мирун Мир в кафтане из домашнего домотканого сукна, в лаптях, на заднем плане, на пригорке из лукошка сеет зерно. Чувашский крестьянин, оглядываясь на приближающиеся грозные облака, при свете утреннего солнца, гордо, широко рассыпает зерна на спелую землю. Вблизи него, под радугой, Степан Миронович строит дом, старый солдат Лариван Степанович стоит около пушки, подкручивая длинные усы. Василий Ларионович с супругой, в руках — каравай. Впереди колышется красное знамя. На знамени виднеются слова: «Декреты о Мире и Земле». На другой стороне — ивовая сельская улица, дуб, выращенный Васлеем Караваем на склоне оврага. За деревней, в поле, соревнуются соха с трактором. Дедушка, Федот Васильич с членами коллективного хозяйства, организованного самим, празднует Первомай. Здесь же — монумент возле кладбища, идущий в атаку со словами «За Родину» воин, не вернувшийся с войны дядя Ксенофонт. У наковальни с клещами стоит отец — Пракух. Мать бьет кувалдой накалившее железо. Брат Дмитрий во главе автопоезда отправляет хлеб государству, смотрит из кабины и счастливо улыбается. Сестренка Укахви кружится в центре стада свиней. Чуть левее, подалее, на мостике корабля, прорезывающего голубое море, — брат Василий. В облике моряка, охраняющего Мир и Труд — черты мужественности и грозности. Сын дяди Дмитрия, ученый, живущий в Москве, играет с атомами. Самого себя он, с длинным карандашом и кистью за спиной, заставил шагать в сторону востока по ранней зяби. Там же — выходящий из кабины трактора, Антун.

В то время, когда Микулай начинал возиться с этой

картиной, братишка славился самоотверженным трудом. А сейчас?

«Эх, братишка — непослушный пустышка, достоин ли ты быть в этой картине? Быть чести такой? Не позо-ришь ли ты наш уважаемый во всем округе род? Мне хочется подарить эту большую работу колхозу, родным сельчанам. А все же пока рановато еще выставлять ее перед народом. Надо довести до конца. В нашем роду есть еще другой тракторист — сын Укахви, Михаил. Он трудовыми подвигами прославился. Надо поместить этого молодца в картине. А ты грязью вымазал нашу родословную, опозорил нас. Поэтому должен исчезнуть отсюда», — с такими словами Микулай из чемоданчика достал кисть с краской и начал намалевать то место картины, где сиял широкой улыбкой Антун. Черты своего образа тоже решил чуточку изменить. Повернет себя лицом в сторону деревни. Пусть впереди будет Янгорчино, а за спиной светятся огни Чебоксар и Москвы.

10

Прочитав все приветственные адреса и телеграммы, Янгорчин повесил рядом с ковром картину, нарисованную своим другом. Этот подарок для него стал таким дорогим на свете. Врученный от имени колхоза, он, конечно, уважение памяти людей трех деревень. Унриев об этом правильно сказал. Но в то же время восхваление... И добра хочется, и краснеть не хочется.

«Может, я,— подумал он, — начинаю привыкать к высокомерию? Если сложить все слова, сказанные в свой адрес в честь дня рождения на празднике, я действительно самый могучий и способный, великий человек из всех окружающих. Так кажусь. А на самом деле, в жизни ведь не так, как в этих хвалебных дифирамбах — совсем по другому, попроще. Нет, недостоин я всех этих слов. Нет, мне не хочется витать в облаках, как там сказано, на земле же, среди народа лучше всех. Надменному виду, высокомерию не хочу научиться. Как родила меня мать на белый свет — так и хочется остаться. Ума набраться зависит от себя. Век живи — век учись, говорят».

Глядя на красивый холст, вспомнил свою жизнь. Захотелось походить по родным полям. Когда он позавтракал и собрался в путь, в дверях столкнулся с Караваевым.

У Микулая тоже, оказывается, такая же мысль, он не стал заходить в избу, друга потянул на свежий воздух.

Через огород они вышли в хлебное поле. Началась тропинка. Знаменитое место, заставившее Унриевым творить Караваеву чудесную картину. Шли они друг за другом, поглаживая слегка колосья пшеницы, колыхающихся выше груди. Оба молчали, только наступив на твердь дороги, Янгорчин повернулся назад, поглядел одно время задумчиво и сказал, покачав головой:

— Какие умные головы, какие умелые руки у вас — у художников. Точь-в-точь нарисовал ты этот уголок, но не так как фотограф запечатлел, а образно оживил. Бог вам, пожалуй, специально велел для этой цели родиться на земле. Красоту жизни не только сами можете удачно приметить и показать людям, но и способны этой красотой радовать человеческую душу.

— Каждый на своем месте мастер, Васька. Вы — на своей работе, мы — на своей. Как сказал Микеланджело, «Я вижу в жизни то что есть, то что другие не замечают. Моя цель — раскрыть людям в понятном виде их хорошие и плохие стороны».

— Правильно. Ты тоже здесь смог увидеть незамеченную нами тайну и раскрыть образ пшеничного поля, образ нашей улицы, образ сельской жизни. Для нас это что? Поле простое. Деревня под ветлами. Обыкновенная тропинка. А для художника, такого талантливого как ты, — немеркнущая изумительная красота пульсирующей жизни. Живая образность. Вот где оно, оказывается, искусство! Хлеб можем вырастить и я, и Унриев, и Венера, любой крестьянин. А быть живописцем, мастером... Ай- яй, нет, не каждый способен. В колхозе три тысячи человек, а настоящий художник из них до сих пор еще вышел всего один. Как драгоценные металлы на земле встречаются очень редко, также и великие талантливые люди в народе так редки, на счету, оказывается.

— Хвали, хвали уж, коль начал. А как начну вот хвалить самого, разозлишься и начнешь ругаться, — по плечу стукнул ему Караваев. — Послушай, хлеб отменный тоже не всякий может вырастить. Его таинственные секреты едва ли каждый сумеет увидеть, познать. Поэтому землепашец также своего рода художник. Красоту земли он видит по своему, с другой стороны, не только видит, а чувствует нутром. РадуетсЯ дыханием и песней земли. И я теперь

каждый раз, когда беру в руки кусок хлеба, начинаю слышать голос хозяина земли. Этот звук не появлялся у меня в Москве. Только здесь звучит. Послушай, какой восхитительный, привлекательный звук он — этот хлебный...

Шагая по дороге, взявшись за руки, Янгорчин продолжил ту же мысль:

— Нарисованная твоими руками эта пшеница «Мионовская-808» в свое время действительно накормила нас. А Юрий Ильич пошел дальше, сеет сейчас новый сорт «Заря». У него выходит на круг по сорок-пятьдесят центнеров. И сорт хороший, и сам хозяин молодец. Вначале работал он у меня бригадиром. Выдвинув на это место от баранки автомашины, постепенно подготовил его к более ответственному делу. Увидел я в нем жизненную жилку, хозяйскую сметливость. Как только самого перевели в районное руководство, народу предложил готового председателя. Вон как ворочает сейчас Унриев, сам видишь.

Разговорившись, они не заметили как дошли до Ораушской границы. Возле клеверного поля вошли в сад. Перед глазами Микулая показались молодые березы на Острове любви и яблоня, напоминая Венеру.

11

И после возвращения из деревни в Чебоксары Микулай Караваев не спал спокойно. Только уснул, а во сне то с художником Шишкиным в ржаном поле начал карабкаться на вершину сосны, то Илюш Малашов в колхозном саду хочет наехать своим трактором на яблоню, посаженную вместе с Венерой. Потом откуда-то выскочил Антун. Он на картине «Родословная» заново малюет грязью вместо краски свой портрет. Вслед за ним дядя Ксенофонт шепнул в ушко: «Почему не включаешь ты нас, погибших, в свою картину «Янгорчинцы на празднике Победы?»

«Недаром правду говорят, что нервные клетки активны и во время сна. Поэтому и во время сна не расставался с картинами повседневной работы и жизни. Великие люди во сне делают открытия, перепрыгивают через свои преграды. Менделеев мог увидеть последнюю, окончательную цепь своей периодической системы химических элементов. Поэты пишут стихи. Художники... Только в моей голове пока не затвердилась окончательная мысль, не почувство-

валось сильной и твердой мировоззренческой цели. Настроение все равно хорошее. Человек, если поспит больше пяти часов в сутки, может плодотворно работать. Я дрыхнул все шесть».

Утром, надев спортивный костюм, Микулай вышел на улицу. После пробежки занялся гимнастикой, потом зашел в квартиру и встал под душ. Так он себя начал чувствовать бодрее.

Завтрак у него почти одинаковый: хлеб, сыр с маслом, чай или кофе. На работу ходит пешком. Мастерская от дома в трех километрах.

До десятого этажа лифтом не пользуется. Войдя в мастерскую, он снова попал в объятия заманчивых мыслей, мучавших его во сне. Оглядев незаконченные картины, он подошел к спрятанной Венере. В тот же миг ему показалось, что как-будто сельская «Джоконда» умоляюще просит: «Душенька мой Микулай, зачем ты меня мучаешь в этой каменной клетушке? Выведи на светлый простор, в народ. Мне хочется видиться с людьми, улыбаться им, хочется жить с тобой».

Караваев не выдержал и торопливо раздвинул покрывало. Поднимающееся над заволжским лесом солнце засветило Венеру. Художник в тот момент ярко увидел все семь цветов в луче солнца. Выбрав из них самые нужные и самые красивые, начал рисовать. Решил воспользоваться методом светотени, чередуя и меняя краски. Говорят, что метод светотени впервые пробовал Леонардо да Винчи. Действительно он им умел играть. В его картине «Джоконда» этот цвет изображается несказанно красиво и заманчиво. Такую изумительную красоту души хочет вдохнуть Микулай нежным прикосновением кисти в свою картину «Чувашская красавица», чтобы она в мягком свете поражала удивительной нежностью и страстностью, бездонными бархатными глазами сама излучала золотистое сияние. Для него Венера — жизнь, сама маленькая вселенная.

И радость, и страдание вместе. Думая и мечтая, рисуя и подчищая, с ума сходит, устает. Родившиеся в селе новые образы, черты радости и горести людей не дают душе покоя. По силе возможности он их постепенно переводит в сюжетно-тематические картины и портреты. Но все же не так получается, как задумано. И в картине «Янгорчинцы на празднике Победы» все же чего-то не хватает. Не дает

покая строгое предупреждение дяди Ксенофонта. Нет, не забыл их Микулай: «Одна фигура рвущегося в атаку за живыми фронтовиками еще недостаточна. А где же мы?». Сам дядя тоже перед глазами: в армейской форме с автоматом в руке, лицо, глаза точь-в-точь как у отца.

Как претворить в жизнь мысль дяди? Подумав об этом, он вспомнил сон в прошлую ночь. А ведь он наперегонки лазил по сосне с Шишкиным. Внизу колыхнется ржаное поле. Если подумать, никогда не мог бы присниться ему Иван Иванович с девятнадцатого века. Но он запомнил его личность и голос. Может, это от того, что в институте так тщательно изучал творчество художника и в зале Третьяковки часто трепетно смотрел на его творения. Это хоть в мозгу у него. И Янгорчин строго наказал шагать по проселочной дороге, идущей через картину «Рожь». Да, послушался он совета друга. Вошел по той дороге в рожь, в сторону деревни, смело зашагал в гущу своего родного народа. Поэтому, наверное, Шишкин во сне из далеких пространств позвал потягаться с собой, в творчестве подниматься все выше и выше. Сон — есть сон. Действительная жизнь — страдание и мучение в труде, слава творческого пути. Пожалуй, не зря виделись во сне и дядя Ксенофонт, и художник Шишкин. Между сном и настоящей жизнью есть нераспутанная связь. Эта связь заставляет развивать умную мысль, исполнять великую цель для народа. Коль родился он на земле, он должен прославлять человека земли, понятиливо довести искусство в гущу народа. А для этого требуется умная голова, твердая идея, кисть мастера и нужная краска. Есть ли они у него? По своему мнению — имеются. Но только... на каком уровне? Как отметил Леонардо да Винчи, «Живопись — это поэзия без языка». На этом поэтическом лугу с песней косить надо ведь ему, ростки музыки, не одному, а вместе с народом.

12

Ксенофонт Караваев зря прилетел из-под Киева и взбудоражил душу сына братана. Самому тоже надо было спокойно спать на берегу Днепра. Наверное, не стерпелось сердцу солдатскому, поскорее захотелось ему увидеть наяву свою мысль и показать другим. Нет, как бы не старался Микулай Караваев ломать голову, наружу не выжималось ни одной путной мысли. На этот раз и мелодия Волги не помогла. Опять отложил на завтра. Ему сейчас надо завер-

шить другую большую картину. А работы здесь непочатый край.

В «Правде чувашской легенды» он хочет реально показать прошлое тяжелое время чувашского народа, проведенное в поисках ключа счастья с радостной сегодняшней судьбой победоносного рода родных людей. Почему же он решил возбуждать голову со стариной? Ведь можно сколько угодно рисовать из сегодняшней бурной жизни? Конечно, можно. В этом роде у него уже есть немало удачных работ. Намеченное тематикой труда он никогда не пишет как миг, запечатленный фотографом какой-то момент, а показывает труд человека сквозь призму души, характера. Стараются влезть в его душу. Поэтому его жизненный путь изучает как исследователь. Оказывается, только тогда в картине образно вырисовываются главные черты счастья, возвышенности или горестной задумчивости. Прожив в деревне, Микулай сблизился со многими людьми, немало людей сблизил с искусством. И эти образы в настоящее время ему понадобились при создании настоящей картины. И знатные полеводы с животноводами рядом с рабочими, строителями, деятелями культуры, защитниками Родины стали персонажами картины. Все они — достойные сыны чувашского народа.

У каждого народа есть своя история, знаменитые люди. Эти богатыри — в легендах, стихах и песнях. Их образ должен отразиться и в искусстве. И сегодняшний день, и будущий тесно связаны с прошлым. Не зная о прошлом, нечего и говорить о будущем. Мир прошлого должен помочь развивать настоящее. Путь развития всегда связан с историей. Эту связь с грядущим показать образно взялся с новой силой Микулай Караваев.

С рождения темы он потерял покой, начал мыслить думами героев, разговаривать их языком. Краска с кистью только тогда слились в одну мелодию. Ясно видит он своих персонажей на кончике кисти. Как-будто напоминает ему постоянно рядом один из самых любимых художников Илья Ефимович Репин: «Наша задача — содержание. Лицо, душа человека, драма жизни, впечатления природы, ее жизнь и смысл, дух истории — вот наши темы... краски у нас — орудие, они должны выражать наши мысли, колорит наш — не изящные пятна, он должен выражать нам настроение картины, ее душу, он должен расположить и захватить всего зрителя, как аккорд в музыке».

После очередного возвращения из деревни, с утра до ночи потел Караваев, наслаждался запахами красок в мастерской. Радовался тому, что мысли, задуманные, оживали на полотне так складно и приятно. Только одно беспокоило художника. Почему же он решил все таки включить в свою галерею образов Илюша Малаша? Неужели не нашлось бы другого достойного, заслуженного механизатора республики? Десятки, сотни их. У него ведь есть и другой знаменитый портрет, написанный раньше. Стоящего на окраине села, у широкого поля гордо, глубокомысленно, с большой думой чувашского Улыпа-Богатыря восхваляли на известных выставках. Можно же было использовать образ этого тракториста в большой картине. Нет ведь, таинственная мысль в голове с такой силой заставляет потеть над образом Илюша.

И сейчас, в ходе работы, он выплыл перед глазами. Вот они в кабине «Беларуси». Малашов в спецовке. Расстегнул верхние пуговицы. Поэтому хорошо виднеется чистая с пятнистыми горошинками цветом рубашка. Коротко постриг густые черные волосы. Чисто побритый. Сидя прямо на сиденье, плавно управляет трактором. От довольной работы, видимо, на скуластом лице заметны следы улыбки. Когда переключает скорость, сжимает зубы, губы чуть вытягивает. В это время черты лица меняются, немного бледнеют. Переключив коробку передач на другую скорость, он ровными белыми зубами широко улыбается. Как раз этот момент запомнился художнику, когда они работали вместе на картофельном поле. Вот еще другой момент. Они в кабинете председателя колхоза Янгорчина. Илюш, выговаривающий грозные слова в адрес Микулая: «Если он станет поперек нашей дороги, отрубив голову, выбросим в пруд!» Лицо у него в то время было страшное, будто он как тигр собирался наброситься на врага. И это тоже выплыло снова.

Все же первый облик, в душевном состоянии, уместнее, нужнее. Микулай, вспомнив это мгновение, образ тракториста обогатил, но из минуты ярости тоже взял черты мужества. Неплохо должен выглядеть теперь тракторист Малашов. Может ли он раскрыть единый образ своего отца, сельских трактористов, всех механизаторов республики? По мнению художника — может. Но только, что скажут зрители и критики. Картину он думает выставить на широкое обозрение в предстоящей зональной выставке «Большая Вол-

га». Какую оценку получит она среди выдающихся полотен художников России?

Илюш ему своими ревнивыми думами заставляет работать рьяно. Двужильная ревность грызет и душу Караваева. Как подойдет к картине, в ушах слышится гул трактора. Тогда вспоминаются слова Илюша, вожака колхозных комсомольцев, вдохновляющего товарищей: «Давайте, ребята, клич бросим этим художникам. Кто кого победит?» Не знай как трудятся они сейчас, не уставая, в поле. Окажись в хвосте от них, можно и опозориться. Поэтому надо спешить. Завершить картину. Потом — снова в деревню, на свежий воздух, на свет...

Другая жила ревности как ядом сжимает сердце, заставляет болеть, плакать. Временами даже рука с кистью опускается. Глядит, глядит тогда Караваев на Илюша, собирает все силы, заскрежетав зубами, со злостью приступает к работе. Ревностью никому ничего не докажешь. Он, Илюш, — в деревне, рядом с Венерой. А ты — вдалеке. Тебя твоя немая картина приковала к себе. Илюш, может, невесть откуда знаешь, в тягостные минуты страдания спокойно обнимает и целует Венеру. Конечно, если она сама разрешит. Но волю девичью, страсти женские откуда все понять. В какое время, в какой момент расслабится у нее, у девушки, сердце и когда откроются ворота разрешения. Могут и не заметить даже сама и Илюш. Через эти ворота, конечно, можно войти только тогда, когда сердце свободно. Но... свободна ли душа Венеры или полна любви? И сердце пустым, и душа ее пустой не могут быть. Сколько лет находится там втайне облик Илюша. Если поверить словам, сказанным на Острове любви Венерой, сейчас он вроде бы выпал из сердца девушки. Неужто занял его место Микулай? Действительно стал ли он в сердце девушки хозяином любви? Если да, то значит — душа полна, не свободна. Через эти ворота Илюш больше не войдет. Поэтому надо успокоиться и спокойно работать. Верить надо девушке. Недаром же говорила она о гибели своей любви. Дала сюжет для новой картины. Нет, не должна она играть в жмурки. Надо отбросить в сторону ревнические чувства, но... не совсем, осушить только вторую жилку. Она губит как лютый враг. Первая жилка вдохновляет. Но все равно, хоть как думай, вторая жилка тоже из головы не выходит.

На другой неделе Караваев решил, что картина «Правда Чувашской легенды» завершена. Долго рассматривал он

ее с разных сторон, с разного расстояния. Под конец показалось, что образ Илюша Малашова требует некоторых мазков. «Съезжу в деревню и подумаю», — сказал он сам себе. Сразу же собрал вещи и на определенное время попрощался с мастерской. До вокзала ехал на троллейбусе. Купил билет до Янгорчино. Ждать пришлось недолго. Оглядевшись по сторонам, он удивился: отец Венеры приближается на костылях. И он заметил Караваева, издали поприщивая. Сели рядом, в дороге нашли общий язык.

Жил он в Чебоксарах, пересдавал водительские права.

— Государственной помощью будем пользоваться, — не скрывает Пашков свою радость. — Сейчас Юрий Ильич проложил асфальт между двумя деревнями. Под старости лет прокатимся на новом «Запорожце». Вот тебе жизненные изменения.

В автобус вошли они вместе. Чтобы побеседовать, сели рядом. В дороге разговор продолжили.

— Какое счастье для нас этот автобус. Перекрестившись, надо поклониться за дорогу Василию Ивановичу и Юрию Ильичу. Раньше съездить в Чебоксары было настоящей мукой. Сам уж много видел ты этой нужды.

— А как не помнить, — повернулся в его сторону Караваев. — До ближайшей станции шесть километров, а до Канаша — еще дальше. Жили как на островке.

— Эх, Микулай, ты много учился, много знаешь, — взял Пашков его за руку, когда они проехали райцентр. — Как по-твоему, если назвать эту дорогу именем Янгорчина, а? С кем надо поговорить насчет этого?

Перед глазами в это время проплыли Москва, гостиница «Россия». В ушах зазвенел тогдашний голос Василия Ивановича Янгорчина: «Обязательно вернись в деревню. Скоро построим дворец. На «Чайке» из Москвы до нашей столицы примчишься. Мы тебя торжественно встретим караваем, испеченным в колхозной пекарне, и солью, продолжателя рода Караваевых». Молодец он, свое слово сдержал. Его дела продолжил Юрий Ильич Унриев. Начинаящий большое дело как обычно дольше остается в памяти. Поэтому...

— Микулай, ты не услышал что ли мои слова? — зажал он его руку. — Именем Янгорчина хочется нам назвать эту дорогу. Помоги. Тебя везде хорошо знают. Ну как, а?

— Услышал, услышал, Иосиф Иванович. Поэтому задумался. И вправду, будет здорово. Без дороги хорошей и развития нет.

— Правильно, без хороших дорог пропадем сейчас. Сядем. Засохнем. Дорога — это основа успехов, всего подъема. Янгорчин с Унриевым работали правильно, понимая политику страны. Юрий Ильич заасфальтировал животноводческие фермы, тока, МТП. Через ваше село до Тукайкассов скоро будет асфальтированная дорога. Почему не хвалить, почему не дать ему доброе имя, а?

— Будет, будет дорога имени Василия Янгорчина. Заслужил он этой чести. Народ уже назвал. Нет власти выше, чем народной.

— Вот, вот, правильно говоришь. Иначе и ты не смог бы отличиться.

— Чего хвалить меня, с нашей работой хлеба не вырастишь, народ не прокормишь. Ваш труд действительно, славен. Хозяйственник он, ей богу, в числе героев стоит первым. Понимая это мы и рисуем. А насчет дороги... Можно поговорить кое с кем.

Когда разговаривает, у Пашкова правая сторона лица подергивается и веки подрагивают. Мысль свою, напоминающая снова и снова, старается подкреплять нужной аргументацией. Если бы не стал он трактористом, то из него вышел бы замечательный учитель, пламенный агитатор. Горячность и настойчивость ему помогли в войну крепко держать рычаг танка и победить врага, в послевоенный период, несмотря на раненую ногу сесть на трактор. Вот где героизм! Его душа, лицо и внешность богаты красотой. Любит изобразительное искусство и музыку. В нем они вместе слились. Сколько раз внимательно приходилось слушать Пашкова, играющего на аккордеоне в доме механизаторов. Вон какой талантливый его первый учитель. У него давно зародилась мысль написать картину Иосифа Ивановича. Но решил подождать. Трудной дорогой известного тракториста начал шагать другой художник из бригады «Колос» Григорий Саввич. Ушкин часто посещает их дом, много эскизов сделал, усиленно поработал он там, напоследок сумел закончить сильную, глубокомысленную, жизнерадостную картину. «Семейный праздник Пашковых» — так назвал он свою работу.

Вот и как сейчас сидит Иосиф Иванович в картине, вытянув раненую ногу вперед и немного ссутулившись, с аккордеоном в руках. Рядом — прекрасная жена. Грудь тети Уксине и мужа украшают многочисленные ордена и медали. Дети стоят в ряд. Их десять. Как-будто все хватает в

картине: и композиция, и сюжет, и образность, и сочетание красок, и уровень светотени... Чувство радости, настроение семейного праздника играет солнечным лучом. Чуть склонившая голову Венера кажется Микулаю немного грустной. Эх, не мог разглядеть, находить Григорий Саввич пламенный образ чувашской «Джоконды». Наверное, и не ставил художник такой задачи, его волновала другая цель. Пусть останется так. Пусть стоит она грустноватой. В настоящей жизни она все равно другая, возвышеннее, крылатее. Микулай в первой же своей картине «Цветущая троица» показал ее такой. Ныне, хранящаяся в мастерской, «Чувашская красавица» еще изумительней, удивительно необычной кажется ему.

— Даже не заметил, как доехали. В старину провели бы в пути более суток, — в руки взял Пашков костыли и узелок. — В гости приходите с тем товарищем, который нас нарисовал. Молодцы вы, художники. Подкармливая народ хлебом красоты, поднимаете его дух.

Автобус остановился у Дома культуры. Спустившись на землю родного села, Караваев оглянулся по сторонам. Вот двухэтажное здание правления колхоза. На другой стороне — средняя школа. Напротив — детский комбинат, аптека, торговый центр. В середине украшенной площади — памятник Ленину. Кругом переливаются цветы. В устройстве и оформлении этой площади и украшении зданий изнутри больше всех участвовал Алексей Михайлович Няманов. Сумел показать он свое мастерство и способности. Бригада художников в прямом смысле участвует в подняттии сельской культуры. За это радуется Караваев.

13

Высунувшись из окна второго этажа Дома культуры Ванька Костин зовет его к себе:

— Приветствую, Микулай. Заходи?

Караваев поспешил открыть дверь, вошел в фойе. С левой стороны, состоящая из двух секций лестница, вместе с соединительным выступом, имеет двадцать пять ступенек. Почему прилипла эта цифра к языку, непонятно. По ходу звучит как маршевая музыка: «Двадцать пять, двадцать пять». Удивительно, сколько не бывал здесь, но никогда не считал ступенек. Что за чудо? Ага, только дошло до него. Вот он, как поднимаешься на второй этаж, справа, торжественный зал бракосочетаний и регистрации

ребенка, оформленный вместе с Нямановым. Однажды, после вечера молодежи, Малашов ему так строго сказал: «Вы тоже, может быть, дедушка Каравай, в этот зал войдете со своей невестой венчаться через двадцать пять лет... А сейчас не мешайте нам с Венерой расписаться!» Видимо это бродит в голове. Илюш хочет женить его через четверть века. Сам тоже не может обзавестись семьей. Смотри-ка, еще и под такт чириканья половой доски звучит надоевший звук: «Двадцать пять, двадцать пять!..»

В библиотеке Костин один. Выйдя навстречу, он подал руку.

— Заметив тебя среди пассажиров, думаю, неужто не заглядывая сюда, помчится домой. Вот что написал ты здесь. — библиотекарь показал развернутую газету. — Очень здорово сказано: «Чтобы вырастить плод земли богатым и вкусным, обязательно нужны человеку и вдохновляющие песни, танцы, интересные книги, хорошие картины. Поэтому художникам надо вынести свои творения из запасников на обозрение народу, открывать выставки, галереи. Пусть искусство своей силой поможет труженику. Человек сыт не только хлебом. Пускай ему будет в радость мир искусства. Воодушевленный красотой, он больше вдохновится и работает крылатой мечтой. Чтобы достичь этого мы и стараемся изо всех сил в колхозе «Заря» Вурнарского района.»

— Кто много болтает, тот начинает врать, — Караваев сложил газету, протянутую другом. — Много шумим. А где сильный гомон, разлетится ветром и гумно. Так? Если вдуматься, нами еще не выполнено работ и на чай с сухарями. Мало пользы от нас. Ох, сколько надо рисовать нам, Ванька: закончить портреты фронтовиков, героев труда, остальные картины... Столько дел... А главная наша работа — дать человеку понять, почувствовать теплотой души великолепные красивые мелодии жизни, мироздания. Художник в то же время и воспитатель.

Костин его притянул к себе и посадил на стул, размахивая газетой, страстно продолжил:

— Ты, Микулай, зря обедняешься. Если бы так, как вы, старательно трудились все наши колхозники, наше хозяйство давно вон как до небес поднялось бы. Лентяи мы. Один день пот льем, десять дней в пьяном угаре горланим. Знаю, что вы выполните все, что наметили. Я же слежу и записываю. Смотри? — хозяин комнаты повернул голову Караваева направо.

Николай Прокопьевич поднялся и ближе подошел к стенду. Там написано:

«Соревнование чувашских художников и колхозников колхоза «Заря». Как выполняются все пункты из принятых условий, там все по порядку отмечено.

— Понял тебя, Ванька, ты мне снова хочешь напомнить про «Третьяковку» — хитро подмигнул Микулай.

— Правильно понял мою мысль, дружище. Публичное хранилище картин изобразительного искусства и во сне не дает покоя.

Микулай пошагал взад-вперед по комнате, подошел к другу и положил руки на плечи:

— Мне приходилось немало услышать сомнительные разговоры про то, открывать в селах картинные галереи или отложить этот вопрос.

— А где слышно? — как при ударе током вздрогнул Костин.

— В Чебоксарах есть скептики, не верящие в будущее сельской культуры. По их мнению мы, художники, зря поднимаем шум насчет «Сельских Третьяковок», что мол, сельский житель по своему культурному уровню пока не подготовлен познать азы искусства, поэтому живописные картины в селе покроются пылью грусти... Так сказал в прошлый раз наш «дворцовый художник» Юсов. Он прямо заявил: «Для кого, кому нужна в деревне картинная галерея? Кто понимает там ваши красочные нагромождения? Повозившись целый день в навозе и пыли понятнее будет им не твоя картинка, а этикетка бутылки. Все это ерунда — ваше пустое времяпрепровождение.»

— Неужто художник так рассуждает? — еще сильнее удивился Костин.

— Да, да, именно так. Тогда я рассердился и сказал ему: «Вы, Ювеналий Серафимович, за село не отвечайте. Всех не мерьте одной меркой. Ежели кто-то наслаждается винными этикетками и самогонной мелодией, в то же время тысячи людей тянутся к культуре. Искусство пускает глубокие корни среди сельчан, оно становится понятным и любимым ими. Каждому здравомыслящему деятелю культуры известно, что оно должно воплотить в себя мысли народа, крепость его души, вдохновляя, поднимать людей на новые трудовые подвиги, в человеке рождать художника, развивать его чувства. А вы не видите, не чувствуете в тиши кабинета как претворяется в жизнь все это. Слепой

вы, Юсов. А ведь государственные мужи хотят силой искусства обогатить души людей, хотят поднять их благородные чувства еще на более высокий уровень. Знаете, какие большие изменения произошли и в «глухомани», как вы любите выражаться. Сколько образованных, даровитых, культурных людей в деревне! Чем только не интересуются они. Нынешний крестьянин понимает и классическую музыку, оперу, балет, произведения изобразительного искусства... Тянется душой и обеими руками к ним». А Юсов продолжил свою же песню: «Слишком возвышенно говоришь, Караваев. Что, считаешь меня круглым дураком? В свое время мудрые правители наши об искусстве высказывались в целом, отдельно не упомянули о крестьянской культуре. Конечно, горожане ближе стоят к культуре, а деревня... Нет, колхозник пока полностью не расстался и с лапотной психологией, где уж там глубоко понять ему секреты красоты. Ему вкалывать и до пьяна напиться».

Я не выдержал и добавил: «Не совсем понимаете, наверное, вы этот вопрос. В нашей стране труд и искусство давно шагают рядом под одну мелодию. Ни на вершок не отставало искусство от победных поступей страны. Оно и в мирное время, и в годы тяжких испытаний сражалось совместно с народом и побеждало. Где человек-трудяга, там и сила искусства. Не надо отчуждать село от города. Сейчас, когда заметны стирания граней между городской и сельской жизнью, тем более требуется больше возвышенной потребности к красоте. Это заметно в повседневной жизни. Искусство помогает человеку, в том числе и сельскому: работать вдохновенно, после усталости глубокомысленно отдыхать, с большей мечтой думать. Такая же необходимая сила, как экономический рычаг. Без этого никаких дел в комплексе, удачно не получится. Искусство размашисто вошло через ворота села. Эх, как жаль, что вы не заметили прибытия курьерского поезда под названием «Искусство — Село». Проспали. Проснитесь. У вас тоже ведь есть крылатые чувства. Если вы сумеете вовремя открыть замок своей души, и туда стремительно войдет оно, настоящее искусство. А пока у вас там фальш».

«Когда весь сельский люд начнет чувствовать и понимать секреты искусства как я и как ты, вот тогда и можно открывать в селе картинную галерею. Дойти до нашего уровня им сейчас, ой-ой, сколько требуется времени», — уныло сказал Юсов.

«Если вы действительно нутром своим понимаете искусство, — не поддался я, — этим знанием надо воспользоваться в повседневной жизни, помочь другим свершить чудеса, нужное дело. А все же пустоцвет жизни вы. В вашей душе нет ни грамма высочайшего чувства красоты. Недаром и слова ваши неубедительные. Духовных интересов нет в них. Поэтому вам наплевать на художественные галереи. А нашим односельчанам ох как нужна!»

Караваев неустанно говорит и в то же время следит за другом. Костин часто поглаживает направленные назад черные густые волосы. Теплотой души поглядывает на Микулая. В продолговатых щеках Ваньки чуть заметны складки. Прямой нос. Ясно вырисовываются губы. Ровные белые зубы. Двойной подбородок. На уши упали чуть посветлевшие волосы. Накрахмаленная белая рубашка. Полосатый костюм. Складки брюк как всегда остры... Начинай и пиши этот портрет, создавай открытый, запоминающийся образ приятного человека. Почему бы не висеть в будущей картинной галерее портрет знаменитого сельского интеллигента, отдающего всю душу развитию культуры села. Ведь Унриев говорит, что хозяином «Третьяковки» будет Костин.

— Не сверли-ка ты меня, Микулай, своими прозорливыми глазами, — встал на ноги Костин, — Вот что послушай, друг. Городские галереи и музеи, без слов, богаты. Там и выставки организуются частенько. Но мы, сельчане, туда не всегда можем попасть. Другой до гроба не попадет. Я и сам... Вот уже за сорок перевалило, до сих пор не был еще во дворцах искусств Москвы, Ленинграда. В мечте моей попасть в Эрмитаж, в Третьяковскую галерею, в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, Музей искусств народов и другие. Время проходит, стареем, так и не наслаждавшись красотой этой, прощаемся с белым светом. Поэтому у себя, в деревне, требуется хранилище произведений искусств. А на Третьяковку нынче мечтаю попасть, после жатвы Юрий Ильич вместе с механизаторами и меня обещал направить на ВДНХ, а оттуда...

— Хорошая задумка у него. Работников культуры не разделяет от землепашцев.

— Мечтаю о будущей «Третьяковки», о духовной красоте сельских тружеников, о всеобщей красоте сел, колхоза. В зале на первом этаже должны занять портреты Янгорчиных, Пашковых, Караваевых. Они преобразуют сегодняшнюю жизнь. Если найдем другие картины, будет хорошо. У Третья-

кова, хозяйина, богача, были все возможности собрать и закупить творения великих мастеров кисти.

— А почему волнуешься ты, Ванька? А разве у нас нет таких возможностей? Надо искать, находить их.

— Наверное, сколько картин лежат в запасниках музеев, Художественного фонда. Заставить бы вытащить их, для нашей галереи тоже выбить несколько штук. Но только... Написал в Москву, пока никаких вестей.

— Ладно, как буду в Москве, обязательно зайду в нужное учреждение, товарищей тоже немного встряхну и разбужу. Пусть дадут свое богатство труженикам села. За столом любим вкусное, в то же время забыли запах земли.

Костин, улыбнувшись, повел своего друга к окну. Мимо школьного здания идет, не торопясь, Венера. Ветер играет кончиками платка. Девушка прямо держит осанку, голову приподняла, твердо ступает на землю. Не заметив следящих за собой людей прошла она дальше. Ни один из них не осмелился позвать ее. Глубоко задумавшегося Микулая Костин подтолкнул в бок:

— Когда сыграем свадьбу?

— Тогда, когда рак из реки Санар поднимется на Нагорную и свистнет, — вздохнул Караваев.

— Что ты, вместо того, чтобы веселиться... Я бы на твоём месте сейчас прыгнул бы через окно.

— Прошли, пожалуй, теперь эти буйные времена, Ванька, мой дорогой. Очень много разных мыслей, бурлящих. Как сверлят они мой мозг. Невыносимо. Пустошь одиночества — тоже не жизнь. Если поженишься — возникнут ой-ой, проблемы... Развлекать и насытить любимую супругу, пожалуй, не то, что кистью мазать полотно, — ладонью протер он широкий лоб и начал теревить прилипший седой волос. — Стареем...

— Может быть, и правду говоришь, не кривишь душой, годы действительно незаметно летят. Но все же не выпустить бы из рук дух молодости, — Костин вдохновил друга.

Они вышли на улицу, повернув за дворец, подошли к березняку. Возле небольшого пруда расселись ребяташки и ловят удочками рыбу. Мощно высится монумент. Сквозь деревьев вглубь идет тропинка. Там дальше летний театр, стадион. Очень красивое место. Где только не бывал Караваев, но ни в какой деревне не видел такого чудного уголка красоты земной, устроенного для отдыха людей, как здесь.

Не хочется отлучиться отсюда, чувствуешь себя в каком-то сказочном царстве. И все это — художественное творение Романова и Унриева. Вот и знакомое место. Венера вечером должна придти сюда. Она уже знает о приезде Микулая.

Вечером молодежь двух деревень веселилась под гармонь. Караваев пригласил Венеру на танец. По мотиву чувашского вальса они кружились на зеленой травке. И земля, и небо, и ярко поднимающаяся луна кружились вместе с ними. В ритме танца они постепенно вышли из круга и скрылись под молодыми деревьями. Началось хлебное поле. Рядом — колхозный сад. Там — их яблоня, там же — парные березы. Не чувствуя и не зная кто им дал живительное счастье, что творится в их душах, они дремлют спокойно. Деревья утром поклонятся солнцу и возвысятся к небу. Эти три дерева на земле для трех юных сердец на свете и счастье и страдание. Микулай Караваев, Илюш Малашов и Венера Пашкова об этом сами думают по-разному, наслаждаются ими по-своему. Не только на земле, но и в сердце каждого растут они, эти деревья любви.

— Мне почему-то сегодня хочется плясать под нашей яблоней, — тишину нарушил нежный голос Венеры.

Глубоко дышащую девушку Микулай обнял, пощекотав бородой сияющее лицо, крепко поцеловал в пухленькие свежие губы. Венера всем телом вздрогнула и не выдержала, любимого так страстно обняла за шею... Сколько времени простояли они в таком положении, наслаждаясь взаимной притягательностью и вожделением бури страстей, опасаясь разомкнуться. Только опомнились, когда в саду залаяла собака.

Со стороны Орауш начал дуть прохладный ветер. Над Нагорной рощей покраснела заря. Рука об руку, молча пошли они по проселочной дороге и вошли в ржаное поле. По сторонам — сосны-богатыри. Караваеву в это время почудилось, будто здесь простилается «Рожь» Шишкина. Вспомнил как во сне вместе с великим художником карабкался на дерево. Сейчас он не в Третьяковке наслаждается его творением, а шагает по настоящему ржаному полю. А все же, как он дальше пройдет по сельской дороге — дороге земли родной. До каких высот поднимется в своем творчестве? Слишком величавы сосны! Трудно подниматься. Но... надо карабкаться. Вооружившись мастерством Шишкиных, идти только выше и выше. Дойти до высоты — высоты Мастера.

Ржаное поле граничит с парком отдыха. На их любимом месте скамейка под березами истосковалась по ним. И соловьи парные, начнут трель свою...

Проводив девушку в Хорнзоры, Микулай вернулся домой. В избу не хотелось зайти, полез на сеновал, растянулся на свежевysушенном сене. Ароматный запах трав пьянит, освежает голову. Спать не хотелось. В ушах — голос Венеры: «Некоторые парни ждут, наверное, пока девушки сами прибегут к ним домой... Люблю смелых...» Эти слова как иглой прокололи сердце Микулая. «Когда она сама напоминает о том, как надо действовать, что же мешкать ему, что сковывает язык? Сообщить родителям, поговорить с Пашковыми, сыграть свадьбу. Тогда он станет женатым, а Венера замужней. Вот тебе и смелость. Вот тебе и победа! Этого ждет «Джоконда». Что же делать?» — думает и гадает Микулай.

У соседей послышался голос петуха. За оврагом ему подал знак другой. Горнист Караваевых тоже закричал на весь сарай. Закудахтали пестрые куры, сидящие на шесте.

Микулай тихонько спустился и вышел в сад. Откусил упавшее яблоко. Рукой повел по ботве картофеля и собранной росой освежил лицо. По дороге за огородом побежал в сторону Тукайкассов. Пройдя мост, проложенный через Санар, поднялся в сторону к Нагорной роще.

Покуда он вернулся домой, семья проснулась. Все во дворе, заняты своим делом. Мать доит корову. Отец и дедушка начали менять заднюю ось телеги. Микулай подошел к ним.

— Это уж сами поставим, — приподняв голову, сказал дедушка. — Ты, видать, глаз не сомкнул. От такого человека помощи мало. Лучше отдохни.

— Помощи уж от нас, хоть отдохни, хоть сдохни, все равно маловато. Не помогать, а мешать приходим, — так шутливо ответив, Микулай взял железный крепеж и начал закреплять ось с перекладиной.

14

Трактор, тарахтя, легко идет по рядам картофеля. Илюш Малашов оглядывается назад и остается довольным своей работой, от счастья запел любимую песню на свои стихи:

Хлебные богатые поля,
На лугах зеленая трава...

Музыку сочинил Ванька Костин. Премьеру песни ждут на празднике. Солисткой готовится Венера Пашкова. Узнав об этом, Илюш рассвирепел, хотел обратно взять стихи, но Костин еле-еле уговорил. Деревенские остряки недавно приклеили ко лбу Малаша новую кличку. Илюш, под псевдонимом Парнас, даже печатается в районной газете. Втайне сочиняет о своей несчастной любви. Вот она, его Мука, вышла из подъехавшего служебного «Москвича», оглядев окученное поле, поранив любовным лазером сердце парня, скрылась за подлеском. Даже мотор «Беларуси» мгновенно заглох. Взволнованный Илюш, протерев широкой ладонью пот со лба, чертыхнувшись, двинул агрегат вперед, как бы, оглушая шум, во весь голос начал декламировать:

Родной деревни аромат
Вселял мне в душу столько сил,
Чтоб не уронить свой автомат,
Всегда и всюду побеждать.
В груди бушует страсти пыл
С тех юных лет не угасая.
Твой поцелуй я не забыл,
Но не умру, его спасая.
Бороться буду до конца
С врагом Любви — со злом Разлуки.
Пошлю к тебе страсти гонца,
Чтоб вызволить из плена муки.

На другой стороне работает сын Укахви Караваевой Мишша. Вот он доехал до берега, тормознув трактор, прыгнул на траву, рукой поманил к себе друга. Они спустились вниз и напились ключевой холодной воды. Трактора снова начали греметь и трещать. После местной минералки и усталое тело заново оживает, настроение поднимается.

Любит Илюш Малашов родную землю, родные просторы. Любит он родной язык, родной народ, людей, уважающих его, открывающих новую дорогу жизни. Он перед ними всегда в долгу. Может быть поэтому эти слова как сплав металлов, выходят из его сердца накалированными:

Я с помощью Есенина
Держусь покрепче за штурвал,
И лирой, силой крестьянина
Штурмую жизни перевал.

Обеими ногами крепко стоит он на земле. Голос его недаром звучит ясно, гремит мощно и в поле, и в деревне:

Борьбе учился не в слезах,
И прямо шел, не устывая,
Простор души нашел в стихах
Ни перед кем не унывая.

К заходу солнца они справились с окучиванием, один за другим возвратились в машинно-тракторный парк. Поставив трактора в свои ряды, проверив, зашли в красный уголок. Внутри — шум, смех, кто-то рассказывает какую-то смешную байку.

— Охо-хо, наш гений пришел. Всем тихо! Замолчите же вы, глупцы! Слушайте. Хорнзорский народный поэт Илюш Парнас будет читать поэму о любви Чувашской мадонны и великого мастера Микулая де Каравая!.. — одним махом руки остановил кавардак янгорчинский Хветут Моляков.

Илюш, увидев его, противного, услышав язвительные слова, стал как не свой, заскрежетал зубами. В этот миг ему захотелось треснуть по отвратительной и пьяной морде Молякова и пригвоздить его к стене.

Он как пиявка, с рождения присосавшийся к телу народа, и как моль, изедавший душу его, вечно острит и не перестает молоть всякую чепуху про любого. Вся эта гадость у него в крови. Сколько честных, авторитетных людей не пострадало от его змеиного жала и вечных жалоб. По рассказам взрослых, Илюш еще с детства слышался о его «таланте». «Хветут Моляков не какой-нибудь чурбан, а образованный сельский интеллигент», — так любит он хвастаться в миру. Конечно, Моляков собак не гонял попусту, окончил Вурнарский зооветтехникум, Алатырский финансовый техникум, совпартшколу Чувашского обкома КПСС. И на ферме, в правлении колхоза, бухгалтером райпотребсоюза, инструктором райкома партии и еще где только не работал, даже искусственным осеменением коров попробовал заниматься. Но... нигде не распускал трудовые корни, все мотался и мотался по свету. Под конец заработал инвалидность на алкогольном фронте, обморожив конечности тела после ударной пьянки в Вурнарах. А сколько баб у него, пожалуй, и сам не помнит их всех. Всерьез семьей не обзавелся, живет один как бирюк. Сколько парней и девок, слабых духом, он погубил в своей грязной сети. Младший брат Микулая Каравая стал его подручным. А каким славным трактористом был Антун. Илья с ним соревновался, завидовал ему. А теперь Антун сдал

свои позиции, шагает в ногу с этим болтуном и алкашом. Видимо, и сейчас он пришел с ним вместе в поисках попутного стаканчика, сидит по правой стороне и что-то бубнит о поэзии, тыкая пальцем в сторону Малашова.

Илюш пожалел его, вся злоба, закипевшая еще в поле от ревности, готова была выплеснуться на лысую голову Молякова. Чтобы не опозориться, успокоить себя, расчесав пальцами густую шевелюру, присел рядом с Пашковым. Все внимательно посмотрели в их сторону. Воспользовавшись моментом, Илюш ответил остряку:

Змею хоть днем и ночью пои молоком,
Яда у ней все равно не убавится.

Комната наполнилась смехом. Ничего вразумительного не сумевший ответить на острую сатиру Парнаса, Моляков задел Пашкова:

— У поэта поэма не родилась, кобыла Лира оказалась не стельной, поэтому нам сейчас Иосиф Иванович прочитает лекцию.

Пашков сразу вытянулся, встал без помощи костылей, поднял правую руку и как саблей рубанул:

— Послушай ты, Мошь! Всегда любишь насмехаться над всеми. Говоришь Парнас, Парнас... А Расскажи-ка нам, что за штука это? Слушайте все! Сейчас проэкзаменуем бедового петуха. Скажи, рассказывай, Мошь?

Сидящий в углу Хветут заерзал и, вытянув губы как обезьяна, пробормотал:

— Парнас? Нашли новость. Стихотворцев так называют. Оседлав Пегаса, поднимаются поэты на Парнас, говорят. Не слышали что-ли? Ха, хочет меня уму-разуму учить. Я ведь техникумы кончал, служащим был, не возился как ты в мазуте. Ха, сравнивает меня Пашков с темным мужиком.

— А откуда вышел Пегас, скажи-ка? — не отстают Пашков.

— Бог народил, — сердито ответил тот.

— Давай рассказывай сказку о Парнасе и Пегасе, — действительно требует старый механизатор.

— Столько сообщил, хватит. Что вам еще надо? Вы что, служащие, интеллигенты? Не все ли равно вам? И так не поймете, земляные черви...

Пашков погорячился:

— Ах ты, Мошь!.. Нас, кто днем и ночью возится на земле, обзываешь червями. Глупый ты человек. Оболтус. Зна-

ешь что развивает, окрыляет, заставляет петь? Земля. Человек питается ею и кормит всех. Человек ее защищает: душой, трудом, искусством. Красивая, даже очень красная она, наша земля. Там и возиться можно от души. А ты... Тебе даже стыдно по ней ходить. А о Парнасах, хотя и не служащие, получше тебя знаем.

— Что с ним болтать, Иосиф Иванович, начинай свой рассказ, самому захотелось послушать. Когда-то читал. Из истории это, кажется, Греция древняя... — Аркаш Малаш потер лоб.

— Ладно, тогда слушайте...

Любит беседовать Пашков, умеет объяснять, убеждать. У него душа не успокоится покуда не сообщит новость, не докажет услышанное или прочитанное. Вот и сейчас, загнав в угол Хветута Молякова, неторопливо продолжил:

— Парнас — это один из гористых массивов Греции. Еще в старину, несколько сот лет до нашей эры...

— До рождения Христа, да? — вклинился Малаш.

Пашков засмеялся:

— Конечно, не до рождения Моля. В это время там жил бог Олимпийской веры Аполлон. Он был богом солнца. Его золотые лучи поражали как стрелы лука и сжигали. Во времена Гомера Аполлон стал богом богатых. Постепенно вера Аполлона переходила из Греции в Рим. Император Август его начал почитать как божество свое и в честь него в Риме построил храм, проводил разные соревнования. Говорят, что Аполлон здорово играл на инструменте под названием лира. Такая статуя в нашем мире сохранилась. Лира постепенно стала символом поэтов, по другому, — стала знаком вдохновения...

Воспользовавшись паузой Пашкова, Илюш добавил от себя:

— Лира она, как вам сказать, значит, миг чувственной красоты. Лирика, лиризм — это вся возвышенная, трепетная мысль, чувство. Как раз в это время и рождаются в душе бессмертные строки поэзии, такие:

Начнется яркой ночью звездопад —

Летит ко мне рассветная звезда.

Шумит в душе любви водопад...

Венера, ты близка из всех всегда.

Кто догадался, а кто просто мимо ушей пропустил четверостишие Малашова-младшего, но эти строки в это мгновение, выброшенные экспромтом из сердца, показав-

лись автору жемчужиной своего творческого полета. Он, как-бы проверив седло на Пегасе, пощупал под собой деревянную скамейку. Душа его поет неугасимой любовью и светит дорогу Утренняя звезда — Венера.

— Какой знаменитый и мощный дух жил на Парнасе, а? — говорит Пашков. — В две с половиной тысячи метров высоты над уровнем моря. Вон где блуждает она, лира. Поэтому долететь туда, добраться до вершины поэзии, нужен крылатый конь. Называется он Пегасом. Чудесный, старинный конь древних греков. Пегас даже Зевса, бога богов и людей, полетев на гору, помог поймать молнию. Пегаса позже, уважая, включили в группу звезд. И поныне горят звезды Пегаса.

— А ты сам видел их? — неожиданно прервал Моль.

— Видел и вижу. Вдохновляясь светом этих звезд, окрыляясь, мы с Илюшом пишем стихи, творим картины, играем на аккордеоне. Не суем головы в грязь, как ты.

Попавший под грохот смеха, Хветут умолк. Люди с воодушевлением слушали Пашкова:

— Поэты Александрии начали именовать Пегаса конем поэтов. С ним связывали все чувства возвышенности. Сколько поэтов на свете, ухватившись за гривы Пегаса, домчалось до высот поэзии. Наш Илюш Малашов тоже сидит на Пегасе, увидим вот как он примирит своего Аргамака и полетит вверх и дойдет куда надо. Есть надежда.

Аркаш Малашов сердито взглянул в угол и сказал:

— Понял ты сейчас о Пегасе и Парнасе, Моль — сопливый интеллигентик?

Хветут Моляков что-то пробормотал и ушел молча, сильно захлопнув дверь. Антун Караваев заковылял за ним.

Пашков похвалил Малашова:

— Илюш, твои стихи хорошо звучат. Венера часто читает их нам. Тобой мы, сельским поэтом, все должны гордиться. Как там?..

Илюш Парнас вскочил на ноги и взволнованно начал читать стихотворение, написанное сегодня утром:

Нет, не рождена Венера пеной,
Кипящей, брошенной, чужой волной,
А рождена чувашской женщиной —
Землей своей, родной, обласканной.
Венера с живописной высоты
Для всех — богиня вечной красоты.
Венера наша, дочь родной земли —

Моя богиня чувственной любви.
О, наше море, Остров любви и сад
Слились в зеленый жизненный посад.
Не в сказке витают счастья грезы,
Зовут на свадьбу наши березы.

По дороге хорнзорцы разговорились.

— Сначала я сердился на всех, кто кличет моего сына каким-то неизвестным словом, так захотелось сдвинуть... А сейчас — горжусь. Я — Аркаш Малаш, сын — Илюш Парнас. Звучит! — гордо сказал старый механизатор. — Богаты мы.

— А ты что думал. Голову ведь каждому бог отдельно поставил, нет одинаковых, — с иронией улыбнулся Пашков.

15

Всю ночь лил дождь, только к утру утихло. Край неба постепенно просветлел. Звук грома уходил дальше. Вышедший во двор Микулай любит красота природы. Со стороны Нагорной рощи повисла радуга. На свете поднимающегося солнца она горит всеми семью цветами. Это удивительное явление природы напомнило работы выдающихся художников. Ему показалась почти такой же натуральной картина Дубовского «Радуга». В его рисунке-пейзаже рыбак с лодки так взволнованно смотрит на разноцветную природную дугу, с приятным вкусом пьющую воду...

Загадка природы окрылила Караваева, мысль заострилась. Вспомнились слова дяди Ксенофонта. Не забыл он их. Вот он сегодня как приедет в Чебоксары и обновит картину «Янгорчинцы на празднике Победы» — усилит радугой. День Победы — это утро радости. Висящая радуга над памятником-монументом пусть сияет вечно, даря людям красоту и чувство живого. Только что родился новый образ.

Спустившиеся с перил куры начали пить из луж воду. Среди них Горнист гордо вытянулся и загорланил. Корова мычит. Овцы своим голосом зашумели. Поросяенок визжит. Доброе утро всех разбудило. И для человека, и для животных начался новый день.

После завтрака Микулай сразу же собрался в дорогу, решил пройтись за огородами по травке, скоро вышел к заветному месту в парке. Мокрая скамейка под березами. Ветер отодвигает сучья и листья освобождаются от дождевых капель. Под березами дружно растут колокольчики. Караваев нагнулся и сорвал один широколистный цветок.

— Микулай? — слышался в этот момент знакомый нежный голос.

Караваев вздрогнул, повернулся назад и вскрикнул:

— Венера? Откуда прилетела ты, дорогуша?

— Дедушка Бог спустил с громовой телеги. Ждала-ждала тебя, а теперь спешу на хлебный ток. Отсюда ведь прямее. Ты тоже пришел на свидание, да? Эх, напутавший утро с вечером Микулай мучи — дед Микулай...

Он растерянно протянул девушке колокольчик:

— Пожалуйста...Прости меня.

Венера понюхала раскрывающийся утренним солнцем цветочек и, вытянув губы, грустно запела: «Дар любимого цветочек-колокольчик. Колокольчик — ты моя разлука...»

— Значит, даришь мне разлуку. Спасибо.

— Не волнуйся ты, эти слова написаны не для нас. У нас есть своя песня, послушай:

Посадили яблоню в саду,
И с тех пор мы в огненном аду.
Расцвела она, плоды дала,
Нам обоим счастье раздала.

Да ну ее, эту грозу, сорвала наше свидание. Что с ней делать? — Венера сердито посмотрела на удаляющиеся черные тучи.

— Бог, наверное, не благословлял нас встретиться здесь в прошлую ночь, — пошутил Караваев. — Грозные силы природы не только нас, но и многих обидели, пожалуй. У них законы свои, не зависят от нас.

— Эх, этот бог, — Венера тоже засмеялась. — Где же он? На какой полке его книга провидения? Что же там написано про нас? Хотелось бы прочитать. Узнать... Послушай, ты собрался в дорогу? Уезжаешь?

— Надо съездить. И встреча-свидание и проводы-расставания у меня будут здесь.

Венера дрожащим голосом от души сказала:

— Пусть будет только свидание, дед Микулай. Мне не хочется расставаться. Вместо расставания пусть будет прощание. Только прощание. Прощание. Не хочу разлуки...— она выкинула колокольчик в сторону и повисла на шее Микулая, крепко поцеловав, резко отошла и побежала по мокрой траве.

— Счастливо оставаться тебе, Венера! Я скоро приеду!

Венера, повернувшись, помахала ручкой и скрылась за березами.

Микулай вышел на тропинку. И тоска, и счастье все вместе смешалось. Показался Костин. Ванька, хромая на одну ногу, подбрасывая все тело, идет, как бы, приплясывая. Он поднял руку и издали поприветствовал друга, как дошел, сразу позвал к себе во дворец.

— Я тебя ознакомлю с новой песней. Как проснулся и записал на нотную тетрадь.

— Не во сне ли родилась. У гениев, говорят, бывает такое. Исполнение Шубертом и Мендельсоном своих мелодий Шуман во сне слышал, говорят.

— Нет, не чудотворная волна эта мелодия. Она у меня начала бурно течь в голове давно, несколько месяцев не дает покоя, сейчас только своим шумом ударила об берег мозга. Вот какова сила! — Костин, размахивая обеими руками, запел песню:

Хлебные богатые поля,
На лугах зеленая трава...

А слова написал и принес...

— Кто?

— Илюш Парнас. Наш поэт... — понизив нотку голоса, сказал Костин. — Хочешь послушать до конца?

Николай Прокопьевич, злостно выругавшись, пнул ботинком комочек земли и ойкнул от боли:

— Не только слушать до конца, даже начальные строки выброшу из головы. Небось и исполнительница песни тоже есть?

— А как же?

— Кого же нашли?

— Есть одна красавица. Во-он, которая приближается к вашему саду.

Караваев обернулся. Венера действительно дошла до их огорода, повернув голову, смотрит на яблони.

— И композитор, и поэт, и певица, — все деревенские. Какой богатый народ, Ванька, у нас, — Николай Прокопьевич перешел на спокойный тон.

— Действительно, богаты мы. И художник свой есть. Если считать всех ушедших из деревни земляков, кого только нет среди них? В трех деревнях, входящих в наш колхоз, до революции образованный человек был всего-навсего один. На сегодня с высшим образованием более ста. Кого только нет: доктор наук, адмирал, архитектор, врач...

— Сельский труженик! — добавил Караваев. — Вечно

на этой земле возившийся и выращивающий богатый урожай, производящий мясо, молоко и других продуктов человек есть еще — богатырь. Удивляюсь я, глядя на них. Живут, здравствуют, радуясь в сельской тиши, но не могут гордиться, почувствовав что они совершают какое благородное дело... Поэтому мне и хочется создать бессмертный образ крестьянина — хозяина земли, хочется глубоко раскрыть и показать его внутренний мир, доброту и ярость. Их подвиг надо поднимать на такую высоту... Выставить эти картины на самое видное место. За такое счастье я продал свое сердце искусству, всего себя отдал ему.

Костин, оставив в стороне свою песню, заслушался. Караваев строчит пламенно:

— Долго я искал в жизни свою линию, дорогу, изобразительный язык, метод, главную тему. Много мучился и страдал. Сначала как-то все попавшее в глаза, краски природы, ее песню, нарисовав на полотне, хотелось быстро превратить в картину и торопливо завершить ее. Из-за спешки, неумения правильно пользоваться красками и цветом да еще из-за поверхностного знания жизни, успеха все равно не достигал. В поисках творчества открылась все же одна долгожданная дорога, ведущая в «Рожь» Шишкина. Пересилив себя, пошел по ней и дошел до деревни. Увидел сельскую жизнь, от души поговорил с людьми, ближе узнал их быт, труд. Горе и счастье их сердцем почувствовал. Хождение в народ, близкое познание их труда, совместная работа ярче открыли мои глаза. Только тогда понял, что красоту мира создает умная голова и крепкая рука человека-богатыря. Если раньше тему труда я стремился показать изображением трудового процесса, а сейчас пытаюсь изобразить именно через думы и чаяния человека, отдельной личности. Нужная мысль расплавляется в горниле труда.

— Как только выставил ты свои картины, я сразу почувствовал, Микулай, особенность твоей руки. Твои работы совсем не такие, как у других художников, а как-то отличаются глубокомысленностью, возвышенностью. Трактористы, животноводы, полеводы, конюхи смотрят живо, вдохновенно, гордо. Уж очень с открытым характером. Удивляясь, сколько думал о том, что этот Микулай, наверное, точно побывал в душе каждого. Пожалуй, ты научился показать на полотне главную мысль — цель человека.

— Похвастался перед тобой и ты дифирамбы поешь

мне, — почесал затылок Микулай Караваев. — В портретах, кажется, нашел я, что искал, но в тематических картинах... Ой-ой-ой, сколько надо еще работать. Как трудно показать сегодняшнего труженика-богатыря в ритме бурной жизни, в борьбе — убедительно, победно. Как вспоминаю мучительное время, проведенное над работой «Правда Чувашской легенды»...

— Ты почему не сообщил мне об этом? А когда начал рисовать? — спросил Костин.

— Несколько лет тому назад, — махнул рукой Караваев. — Как только что вернулся в деревню с кистью. Композицию как будто, кажется, удачно выбрал, только образы некоторых героев еще не очень ясные, нечеткие. Одни как бы отделяются от главного, центрального образа. Нет целостной связи. Не хватает силы чувства, экспрессии, если сказать языком искусства. Туда я включил Илюша Малашова тоже. Покуда приехал в деревню, хотелось поглубже изучив его, расширить характерные черты...

— Ну, нашел хоть что-нибудь хорошего?

— Нашел, — губы зажал Караваев. — Для себя душегубку.

— Немного до моих ушей тоже долетело.

— Сейчас расскажу. Послушай. И так, пришел я к Илюшу. Разрешил сесть в кабину. Не отказал. Тронулись. Сначала молчал, так хорошо держал руль трактора. Как доехали до оврага, вдруг резко остановил и крикнул: «Ну-ка, марш отсюда!» Пришлось послушаться. Малашов тоже за мной прыгнул на землю. «Пошли!» — мотнул головой в сторону берега. «А зачем?» — спросил я. «Помериться силами», — сердито подмигнул он. Согласился. Сам знаешь, что я не из трусливых. Как только дошли туда, моментально схватил он меня за пояс, не успел опомниться как оказался под ним. Тут же вывернулся и покатились на дно оврага. Изрядно повозились.

— А кто вышел победителем? — засмеялся Костин.

— Никто. Бок вот болит до сих пор. Душа горит. Видать, парень не хочет отступить. «Все равно я тебя когда-нибудь положу на лопатки», — предупредил он под конец.

— А потом на трактор посадил хоть?

— Посадил. Работали как ни в чем не бывало. Вот тебе и характер. Движение образности. После этого случая придется еще мужественнее показать своего героя.

— У тебя тоже, оказывается, не за каждым мазком по

полотну достигается успех, — сказал Ванька, открывая большой зал Дома культуры. — Я тоже вот с ума схожу с этой песней. Давай-ка послушаем ее. — Он сел за рояль. Длинные его пальцы быстро побежали по клавишам. Костин, подпрыгивая всем телом, играл вдохновенно и губами подпевал ту мелодию. Словами Парнаса не хотелось снова зажечь сердце Караваева. Наконец-то, успокоив душу, Ванька спросил:

— Как по-твоему, можно публично исполнить? Заметны ли в ней мощь народная, мелодии духа счастья села? Без слов...

Караваев хоть глубоко не понимает музыку, но все равно в этой мелодии он почувствовал песню сердца. «Отдавшись всей душой, долго мучаясь, действительно смастерил Ванька хорошее произведение, музыка родилась», — подумал он, и, не скрывая своих мыслей, без преувеличения дал оценку:

— Созвучную, поднимающую душу песню написал ты, Ванька. С горячим чувством. Пусть слова будут сильными, как автор.

Подъехал чебоксарский автобус. Они попрощались рукопожатием.

16

Венера терзалась во сне и проснулась какими-то необычайно тяжелыми мученическими, но в то же время очень приятными сладостными чувствами, от невыносимости даже рукой поласкала и ладонью прижала пробуждающееся тайное место. Во сне на острове любви из-за берез к ней протягивает измазанную мазутом черную руку Илюш. И после открытия глаз она не могла успокоиться. Вспомнился Микулай. Послышались слова, сказанные подругой: «Ой, в какие неиспытанные волшебные и стеснительно-чувственные объятия попала я, выходя замуж. А то очень сильно начали мучить сексуальные тайные мысли, привидения. Полюбив смелого, порядочного парня, не выдержала, согласилась как только он начал разговор о создании семьи. После свадьбы вошла сквозь неизвестную доселе дверь загадочного мира. Только поняла где прячется женской любви страсть и покой».

Такое же вожденное чувство, наверное, и у нее. В последнее время оно беспокоит молодое тело все сильнее и сильнее. «Эх, был бы сейчас рядом со мной, ты, Микулай, глядела бы в твои глаза как на звезды в небосводе.

Мать меня родила только для тебя, вырастила только для тебя», — сказала бы. Лежала-лежала она, приподнимая краешек легкого одеяла и, соединив обе ноги, вытянулась и прыгнула на пол.

Солнце взошло. Мать вошла с полным ведром молока, поставила его на пол, подошла к зеркалу, поправила волосы, вздохнув хаш-ш! погладила дочку по голове:

— Жалеть хочется тебя, доченька.

— Почему, анне, мама?

— Старой девой станешь скоро. В твои годы я успела стать матерью трех детей... Когда же выйдешь замуж и вырастишь своих младенцев? Всеу свое время, говорят.

— Кто поспешил, тот прыгнул в прорубь, такую поговорку слышала я, мама.

— Народ зря не сказал, все может быть, только такого не ждем. Мне хочется, чтобы ты была счастливой. С твоим лицом, красивой фигурой ты могла бы обрадовать такого хорошего, здорового человека.

— Не знаю, где он такой человек?

Мать еще раз взглянула на заправляющую койку дочь и спросила:

— Скажи, Венера, кого больше любишь: янгорчинского Микулая Караваева или своего односельчанина сына Малаша Аркаша?

Венера, поправив подушки, положила их друг на друга и подошла к зеркалу. Или оттого, что мало спала, или от душевного переживания, лицо изменилось, как у горюющего человека. «Что же скажет она матери? Она и вчера задала ей такой же вопрос. Все равно надо сообщить», — с такой думой она положила руки на мамины плечи.

— Не знаю что и делать, анне. Илюш из головы совсем не выходит, Микулай в голову полностью не входит.

— Почему же?

— С детства привыкла я к Илюшу. Работает он как вол, но... очень неуклюжий человек. Временами может и стать безрассудным. И сейчас достоинством кавалера не блещет, потом, когда сойдемся, он может накричать или не постесняется руку поднять на меня. Видела я как дядя Аркаш лупил жену. Если и сын пошел в отца... Отчаянный, злобный он, Илюш.

— Отец ваш меня не трогал до сих пор, слава богу.

— Такой смиренный и уважительный к женщине мужчина может встретиться один среди тысячи.

— Долго ждешь, доченька. Привередливому — остатки на дне деревянной миски, так говорят в народе. Как бы так не вышло. Этот хоть, Илюш, все же свой, знающий малый. Деревенский, способный жизнь строить. Если он попросит твоей руки и отец небось не будет против. А этот Микулай, не знаю...

Во время разговора Венера умылась, оделась, покрасилась. Как только напонила мать про Микулая, резко повернулась и продолжила незаконченную мысль:

— По сравнению с Илюшом, Микулай такой культурный, обходительный. С ним и разговаривать, и посидеть рядом, походить или потанцевать очень мило. Когда я с ним рядом, чувствую себя окрыленной. Правда, мама, хочется летать. Как встречу его, обо всем забываю. Мама, был ли у тебя такой момент? Ах, анне...

Уксине снова подошла и посмотрела в зеркало, погладив лицо, тайком улыбнулась и сказала:

— Было, доченька, было. При первой же встрече с твоим отцом я тоже стала крылатой. Как подкатил он тогда к нам на тарантасе, запряженным вороным конем... Эх!.. Сам стройный, в клетчатом костюме, красивый. Так здорово играл на аккордеоне. Видимо, полюбила. Несмотря на хромого, села в тарантас и приехала сюда. Хорошо мать с отцом не отказали, дали согласие. Нашла счастье. Радость. А ты слишком долго думаешь. Айда, ешь калач с молоком. Отец давно на своей машине поехал в мастерскую. У него вечно срочное дело.

После завтрака, во время мойки посуды, дочь хуже всполошила мать:

— Ни за Микулая, ни за Илюша замуж не выйду. Дома же буду жить. С вами.

Венера торопливо вышла на улицу. Между ветлами солнышко улыбается как-будто приветствуя только ее. Сторонясь от невысохших дождевых луж она, не испачкав туфли, зашагала по тротуару. Сзади послышался треск мотоцикла. Докатив до девушки, Илюш трижды просигналил и остановился.

— Иди, довезу! — махнул он рукой.

— Ой, боюсь.

— Меня, что ли?

— Твоего коня и ямщика тоже. Достаточно того, что в прошлом году чуть не угробил. Царапина на ноге до сих пор осталась.

— Правда? — посмеиваясь, парень нахально провел рукой по ноге девушки.

Венера строго оттолкнула его в сторону:

— Слишком грубишь, Илюш. Почему-то прилично не можешь держать себя.

— Ладно уж, недотрога. Сердитых девушек ветер унес, говорят. Сядь, поборемся с ветром.

Венера устроилась на заднее сиденье за парнем. Илюш все равно сделал свое задуманное, чуть прислонился и, как бы случайно, задел раскрытые девичьи колени рукой.

Этот мотоцикл Илюшу подарил колхоз. Не расстается он с ним: катается, ломает, ремонтирует. И сейчас нет держателя заднего сиденья. Поэтому девушка «ямщика» обхватила за талию. Малашов вздрогнул от счастья. Как давно не обнимала его Венера. И на свидание не выходит, убегает все время. Как приедет Микулай де Каравай, к нему побежит. Илюш злится до глубины души, обоих готов уничтожить. Вот сегодня счастье само пришло, она сидит сзади, своим горячим телом обжигая парня. Доехав до МТП, девушка спрыгнула.

— Благодарю, Илюш!

Парень придержал ее:

— У меня есть с тобой разговор.

— Слушаю.

— Что ты нашла в этом Микулае де Каравай? Ходишь с ним, старым мазилой и позоришь себя.

— Что нашла? Человечность, открытую добрую душу, красоту.

— Красоту? Красные как у рака губы под бородой и кошачьи глаза... Не дури. Неужели я хуже него?

Венера, взглянув в горящие глаза парня, сказала:

— Зря не хули честного и доброго человека. Не он виноват. Старайся быть примерным, хорошим. Насилование, принуждение уничтожает честь человека. Скромность, вежливость, тактичность — красит, возвышает. Недаром в народе говорили, что скромность как красивая одежда. Эх, был бы ты культурным как Микулай де Каравай, тогда не только я, а даже сказочные красавицы могли бы полюбить тебя.

Парень опустил голову. Венера поспешила в диспетчерский пункт. Ей надо быстро связаться с Тукайкассинским бригадиром.

Уже неделя как вышли на уборку. Рожь и озимая пше-

ница да и ячмень с горохом поспели одновременно и дали им жару. Вчера еще целый день лил дождь, буря прошла, всю работу остановила погода.

Под палящим солнцем земля парится, воздух становится душным. И вот комбайны направились на свой участок. Малашов тоже в той группе.

На работе у Венеры все есть: цех растениеводства, чековая система, коллективный подряд, внутрихозяйственный расчет, замечательный севооборот, агропаспорты полей... Колос наполняется по направленной, интенсивной технологии. Колхоз богатеет... Только в своей жизни нет никаких новостей. Эх, был бы и у любви такой же паспорт как у каждого поля, тогда можно было бы написать туда все по-порядку: когда встретиться, кому что сказать, когда свадьбу сыграть, как жить и как стать счастливым.

17

Микулай из деревни в Чебоксары приехал с полной котомкой. Как только развязал он ее, в мастерскую выплыла куча мыслей. Эти мысли постепенно красками и в гармонии со светотенью превращались в образность. После добавления радуги картина «Янгорчинцы на празднике Победы» еще усилилась, оживилась. На последней выставке эту работу высоко оценили.

На картину «Быль чувашской легенды» тоже легли новые мазки. То радуясь, то вспыхивая от ярости, поправлял Караваев образ богатыря колхоза «Заря». В образ Илюша Малашова он больше вложил черты стойкости и мужества.

В эти дни художника вдохновляла и прибавила сил «Чувашская красавица». Смотрится она, как возвышающаяся невидимыми крыльями к солнцу, тем самым стала неотделимой частью земли, дающей богатый урожай, пшеничного поля, солнца, всего окружающего мира. Всеобщая связь, пропорциональность, сообразность ее очень усиливает. Когда глядишь на нее, в ушах слышится звон жаворонков, нос щекочет запах спелого хлебного поля, лицо ласкает ветер со стороны Нагорной рощи. В душе рождается ликующий восторг. Хочется петь. Издалека доносится мелодия песни Ваньки Костина. Караваев смешивает краски и мажет, мажет кистью, работает без усталости, забывая про еду. Несколько дней спал в мастерской.

Скоро в Москве должна открываться выставка «Земля и люди». Для нее Караваев выбрал «Красавицу». На всесо-

юзный экзамен достойными стали и «Механизаторы». К удивлению, из Чувашии будет участвовать там и лысец Юсов. Ювеналий Серафимович выставил туда портреты руководителей, связанных сельским хозяйством в прямом и косвенном смысле. Почему-то члены комиссии (туда входил и сам Юсов), отрицая замечательные работы, выполненные Климовым и Ушкиным в колхозе «Заря», оценили эти «иконы». Приспосабливаясь, Юс снова захотел отличиться.

Авторов тоже приглашают в Москву. Об этом Микулай написал Венере.

День открытия выставки для Караваева стал праздничным. Встретился он с товарищами по институту имени Сурикова, любимым профессором и по душам поговорил. Старикову очень понравилась «Чувашская красавица».

— Действительно, новый мир открыл ты, Николай. В «Джоконде» Леонардо да Винчи я не смог разглядеть никакого следа кисти. У твоей картины тоже лицо гладкое. Работа выполнена на высоком уровне. Не рисунок — а живой человек. Захватывающий, раскрывающий душу, вдохновляющий образ. Синим цветом как умело воспользовался, а чередованием светом и тенью так же — как Леонардо. Тайна глаз с солнечной улыбкой и в «Джоконде», и в «Красавице» с ума сводят. И улыбка у них ординарная — заманчивая. Лицо кажется постоянно обновляющим, оживляющим и светлеющим. Трепетная, умная, глубокомысленная душа кроется в изумительной красоте чувашской девушки. Рисовать человека, показать внутреннее понятие его души научился ты умело. С этой работой ты встал в один ряд с Пластовыми, Ткачевыми, Шиловыми. Смело встал, — похвалил Викентий Матвеевич.

Микулаю за это перед однокашниками не по себе стало, но в то же время тайком бросил глаз на свою «Джоконду». «Может, и вправду говорит он, профессор никогда никого зря не хвалил. Зрители тоже постоянно скапливаются и долго простаивают у «Чувашской красавицы». Есть, наверное, какое-то притягивающее», — подумал он.

Рядом висят портреты Юсова. Видит Караваев, как люди, машинально кося глазом, с каким-то безразличием проходят мимо них. Как горит, наверное, жадной ревности душа Ювеналия Серафимовича?

Караваев уже не раз успел показать свои сюжетно-тематические картины на Всесоюзных и Всероссийских выставках, но ни разу не получил такого удовольствия, как

сейчас. Это, видимо, новая победа в творчестве.

«Понял. Мечтой сегодняшней Антей ты, Николай, — вспомнились слова профессора, сказанные во время проводов его в Чувашию. — Такой же богатырь, родившей его богом земли Геей. Помнишь из легенды, земля-матушка прибавила ему силы. Поэтому, он как прикасался к земле, и постоянно побеждал своего врага. А ты не только мечтаешь соприкасаться к земле, но и хочешь пускать длинные корни. Умно размышляешь. Пусть так будет. Подружись с землей. Живи с земледельцами. Побеждай. Если не помру, может, и встретимся. Желаю удачи».

Вот они снова встретились.

Родная земля-матушка действительно дала Караваеву силу — новую, неиссякаемую силу. С ней он воспользовался. Взаимоотношения человека земли в природе, его мирный труд, мир мыслей и мечты старался показать правдиво и убедительно.

Стариков его, за геройство в искусстве, в одном месте хвалил, что, мол, ты как «Чувашский Антей», в другом месте, за демонстрацию на передвижных выставках картин, изображающих духовную жизнь народа, назвал «Чувашским Крамским». Он в душе обрадовался тому, что удостоился именно этой чести. Профессор хочет его снова оставлять в родном институте. Говорит, что будут и шикарная квартира, и ученая степень с профессорской должностью, и слава в мире искусств.

Успехи у него теперь есть. Славы Микулай достиг упорным каждодневным трудом, ломая голову, не щадя здоровья. Прокладывая через отрезок времени крепкий мост, перешел к большому счастью. Там — слава. Он радуется. Но... доставив «Механизаторов» сюда, сам себе нашел горе. Смотрит на картину и сердце сжимается. Илюш Малашов как-будто предупреждает: «Погоди, еще попадешь в мои руки».

Сзади кто-то приблизился и мягкие руки закрыли его глаза. Не догадавшись кто с ним балуется, он растерялся, потом раз! повернулся и увидел сияющие счастьем глаза Эммы. Однокурсница, гуляющая вместе девушка постарела как старуха. Сильно покрашенное лицо, все в морщинах, вставленные золотые зубы, острый нос кажется еще длиннее. Только глаза горят прежним огнем. Не стесняясь никого, она обняла Караваева и поцеловала в губы.

— С какого времени жду тебя, ой, Коля, родненький мой! Почему сразу домой не приехал?

— Времени не было, Эмма. Я же сказал Викентию Матвеевичу, когда буду у вас. Разве он не сообщил?

— Не-ет. Ты же сам знаешь, когда он начнет одну свою песню про живопись, забывает все, что есть на свете. И сейчас так получилось. Я у него хочу узнать про тебя, он все хвалит: «Вот, говорит вдохновенно, картина Караваяева очень напоминает «Джоконду». Есть на свете, оказывается, чувашская «Джоконда», сельская «Джоконда»! Вот, вот, иди, сама погляди, оцени своими глазами». И тебя, и твою работу захотелось увидеть, поэтому прика-тила. Я на такие выставки не очень-то люблю ходить. В теме труда почему-то ни-чего тревожащего душу не вижу. Одинаковые типы, почти одни и те же сюжеты, композиции. Как фотовыставка. А все же... так, так... Это она, «Чу-вашская красавица», да? Так, так, так... Хэ, нашел ты здесь, мазила, своего рода линию, черту. Есть фантазия. Кружит-ся какая-то философская мысль. Богатство земли, полет мыслей, символ природы, мира. Не застывшая на месте фигура. Молодец, Николай!

Слушая ее, Караваяев одновременно объяснял про кар-тину:

— Невыдуманный образ. Настоящий человек земли. Агроном, начальник цеха колхоза. По другому сказать, хозяйка полей. И работа, и мечта крылатая у нее.

— Значит, достойна имени красавицы земли?

— Да, достойна.

Эмма Старикова картину осмотрела и издали, и с близкого расстояния, с разных боков. Так пристально, видимо, искала какие-то технические грехи, но... ничего не обнаружив со стороны соотношений пропорциональности, мастерства, решила охаять лицо:

— Посмотрела, увидела сейчас... По-моему, папа преувеличил, кажется. Никакая не Мона Лиза, простая, обыкновенная, бесцветная девица.

— Как?! Погоди, погоди... — всполошился Караваяев. — Это ты специально, приревновав...

— Сомневаюсь я, неужели и среди чувашей есть девки наподобие «Джоконды»?

Обидевшись за то, что Эмма Старикова охаяла его новую любовь, с чувством негодования сказал ей:

— Есть, у нас тоже есть красавицы, прославившие

весь мир. Хоть возьмем Надежду Павлову. Тоже чувашская мадонна.

— Слышала про нее. Сама не раз видела. Хочется поглядеть еще раз. Сегодня в Большом театре «Ромео и Джульетта». Как раз она там танцует. Балерина — она городская. Одна на всю Чувашию. С ней разве сравнишь этого агронома? Мне кажется, что в сельской грязи-глубинки, нет, не выделяется красота.

— Эх, ты... Для тебя деревня это только в книге да в кино. Если хочешь знать, красавицы нашего народа и на сцене летят, и в поле парят, удивляя мир.

— Ладно уж, победил. Слишком рьяно защищаешь агронома, как-будто она твоя невеста. Поэтому, наверное, ты нас быстро забыл. А все же мне твоя «Красавица» понравилась. Она совсем не такая, ты не воспользовался, как некоторые художники, манерой «реалистического фотоснимка». И эти «Механизаторы» как живые. Хочется подойти к ним и поговорить. Возьми-ка меня, Коля-Николай, к себе в Чувашию. Ты ведь когда-то мне предлагал, даже умолял. Тогда сама была дурой и отказалась ехать с тобой в периферию как жenuшка. Сейчас небось сам боишься? И мне хочется посмотреть сельскую жизнь наяву, нарисовав сельских людей, хочется прославиться. Ты уехал и стал народным художником России, серебряным медалистом Академии художеств СССР. А ведь такой награды получают ежегодно всего десять человек. Здорово!

Что же осталось сказать Караваеву? Шутя, он все же пригласил дочь профессора в Янгорчино. Эмма или поверила, или от радости, прыгнула как козочка и повисла на шее Микулая, сдвинув бороду, долго, крепко поцеловала.

В это время Караваев заметил приближающихся к ним своих односельчан, отстранившись от прилипшей девицы, шагнул им навстречу.

— Коля, куда ты спешишь? Скажи-ка, придешь в Большой театр? Где встретимся? — пошла она за ним.

Пропуская эти слова мимо ушей, Микулай поздоровался с земляками по очереди, дойдя до Венеры, начал краснеть. Москвичка удивленно посмотрела на Пашкову и покачала головой:

— Боже мой, точь-в-точь сама.

Вскоре гости окружили «Чувашскую красавицу».

Эмма почувствовала, что здесь она лишняя, договорившись с Микулаем насчет театра, отошла в сторону.

Венера не отлучалась от Костина, поэтому Караваеву персонально не пришлось с ней поговорить. Через некоторое время Костин тихонечко спросил у друга:

— Это та самая картина, таинственная, да, Микулай?

— Ага, — мотнул головой Караваев.

— Вот как здорово нарисовано. Красотище!

Караваев потрогал свое горящее лицо и сказал:

— Послушай, Ванька, я, если по правде сказать, эту картину писал для себя. Не хотел никому показывать. Однажды в мастерской увидели коллеги, заставили выставить сюда.

Правильно предложили. Такой шедевр кто прячет? Провинишься за это не только перед миром, но и перед искусством. Спелый в народе продукт должен быть для народа. И героиню нельзя обижать. Если бы знать тебе, как стремилась в Москву Венера Иосифовна. Юрий Ильич тоже не смог остановить, не завершив полевые работы, отпустил. И я тоже вместе с ними прицепился. Пойми, девушка твоя с таким горением летит сюда, а он здесь с какой-то обнимается и целуется. Не знаю, простит ли она тебя за это.

— Сам тоже виноват, в это время хоть провались сквозь землю. Что будешь делать уж теперь.

Караваев земляков повел по залу. Стал вместо экскурсовода. Он ведь знает о творчестве многих художников, их жизненный путь.

— Это путешествие для меня стало очень счастливым, — сказал обрадованный Костин. — Надо скорее попасть в Третьяковку. Ты не против, Микулай?

Свободного времени у него было предостаточно, поэтому Караваев охотно согласился повести их на Лаврушинский переулок. Дойдя туда, очень пристально глядели на здание галереи. Костин радовался, увидев раньше прочитанное своими глазами. Потом ходили по залам. Венера в двадцать шестом, как бы получше ознакомиться с творчеством Репина, отстала от других. Заметив это, Микулай тоже тормознул и приблизился к ней.

— Пойми ты, Венера, — хотел он схватить руку девушки.

— Не прикасайся! — буркнула она. — Как этого человека в семье не ждали, меня тоже не ожидали, наверное, со своей намалеванной девицей. Полюбила я этот рисунок еще с детства, когда отец нам объяснил содержание картины. Репин там действительно сумел правдиво показать радост-

ный момент от неожиданно наполнившего волнения и счастья. И ты напиши-ка картину «Не ждали». Сюжет известен. Искать не надо. Момент объятия московской барышни запечатлей, как сам волновался, освети в автопортрете. Не жалей красок. Только мое лицо не делай грустным. Покажи злой и ярой. Своим талантом, может, перешагнешь и Репина. Еще захотят приобрести бессмертную работу в Третьяковской галерее. Эх, с этой жизнью. Я мучаюсь-мучаюсь в ожидании его в деревне, не сплю ночами, страдаю разными мыслями, с ума схожу... на тебе. Он тут нашел другую любовь. Не постеснялся меня — моего образа? Эх ты, обманщик, дед Микулай...

Что же наврать ей? Как доказать? Едва ли, потому что у всех на глазах Эмма крепко поцеловала его. Постыдила.

— От тебя ничего не скрываю я, Венера, — виновато посмотрел Микулай в глаза девушки. — Про профессора Старикова я тебе давно рассказывал. Дочь Викентия Матвеевича она, однокурсница.

— Не ври, так просто не будет вешаться она, в театр тоже не будет умолять, — вытянула губы Венера.

— Не одного меня, а всех вас пригласила она. Билеты достанет. Пойдем, посмотрим, как танцует наша Надежда Павлова. «Ромео и Джульетта» там. Желание есть?

Венера молча шла рядом с Микулаем. Земляков они догнали только у картины «Рожь» Саврасова.

— Я думала, что «Рожь» только у Шишкина. Ой, какое просторное поле здесь. Как-будто свой край. Нынче у нас, Микулай, рожь сильно выросла. Сорок центнеров с гектара дала. На будущий год посеяли пятьсот гектаров. Дружно взошла. Когда приедешь смотреть? — только смягчился Венерин голос.

Караваев в ушко шепнул:

— После посещения вечером Большого театра и закрытия выставки, понятно?

Девушка сама прижала его руку.

После балета янгорчинцы возвратились в гостиницу. Микулай с Венерой не могли расстаться и до утра поговорили под деревьями. После обеда Караваев вышел провожать земляков на Казанский вокзал.

Как только тронулся поезд, у него начала ныть душа, в голове кружились нужные-ненужные мысли. Душа совсем опустела. По знакомым улицам, переулкам он долго шагал и очутился на площади имени 50-летия Октября,

смешавшись с людьми, зашел в Центральный выставочный зал на Манеже. Мимо десятков, сотен картин прошел он без внимания, спешил к знакомому уголку. У «Красавицы», как обычно, толпа. Ему захотелось подойти к ним и сказать: «А знаете, кто она такая? Она — моя любимая девушка, очень душевная, трудолюбивая, крылатая чувашская мадонна». Чуть в сторону отошел он и, не отрывая глаз, смотрел на Венеру. В это время показалось ему, что Илюш Малашов вышел из картины и приближается к нему.

Голову Караваева начала буравить еще другая проклятая мысль. У него тоже есть, оказывается, ревность. Сейчас заметно чувствуется. Венера от него удаляется и приближается к родным местам. Утром она приедет домой, пойдет в машинно-тракторный парк. Встретится с Илюшом. Близкий человек уж — ближе. На выставке тоже они рядом. Что же делать ему?

В гостинице ничего есть не захотелось, чай попил и успокоился. Думал-думал и решил так: «Я все же счастливый. Это счастье мне подарила родимая родная земля, выросшая там сельская красавица.

Надо помочь открывать в селе картинную галерею. Об этом и Ванька Костин не раз напоминал».

В Союзе художников действительно дело вышло. Товарищ по институту один художник-суриковец разыскал письмо Костина. Подмигнув, что под лежащий камень вода не потечет, Караваева повел к руководителям правления. Москвичи пошли навстречу. Дирекция выставок решила отпустить колхозу «Заря» в дар тридцать картин.

Вечером Караваев позвонил в Янгорчино, Унриеву сообщил радостную весть. Юрий Ильич обещал выслать машину.

18

Бригада художников «Колоса» к празднику Великой Победы подготовила большой подарок. Как оценит его народ? Думая об этом, Караваев ночами не спал спокойно. Его товарищи тоже сильно волновались.

Ранним утром майское солнце одарило теплом. К Дому культуры собрался народ. Приехали гости. Начался митинг.

Слушая выступающих, Николай Прокопьевич вспомнил ветеранов войны. Они и сами уже здесь. В ходе работы над их портретами художник почувствовал, будто он сам вместе с ними прошагал по трудным и кровавым фронто-

вым дорогам. Сто солдат, сто образов проходили через души художников.

Председатель колхоза Унриев всех пригласил в малый зал. С широкой и высокой стены на них по-родному душевно взглянули герои. В четыре ряда расположены они. Груды полны наград. «Наше дело правое — мы победили» — написано посередине. С обеих сторон знаки воинской доблести и славы — георгиевские ленты.

Каких только возгласов нет:

— Иосиф Иванович точь-в-точь сам, как-будто в рот перец набрал, сжал зубы...

— Посмотрите-ка вы на Пракуха Каравая? Лицо горит как закаленное железо.

— А какая борода у его отца?

Кто только не пожал руку Каравая. И ему, и всем художникам дарят зрители знак благодарности. Особенно от картин, написанных на военную тему, народ не отходит. Глава района Янгорчин похвалил:

— Вы, Николай Прокопьевич, вместе со своей боевой дружиной тоже встали в один ряд с героями войны. Умение правдиво показать жизненный путь благодарных людей языком изобразительного искусства — и для вас победа. В этом зале — героизм! Можно его назвать смело «Георгиевским залом».

Председатель колхоза тоже согласился с его мнением. Во время выступления, когда поблагодарил от имени колхозников за неоценимый труд бригаде художников, напомнил народу о предложении секретаря райкома.

В это время Аркаш Малашов с Пашковым чуть ли не поссорились.

— Георгиевский зал это только в Москве, — замигал глазами Малашов. — Спроси вот у Васьки Янгорчина. Когда он был депутатом, там они решали важнейшие государственные вопросы. Я сам слышал от него.

— И в Ленинграде есть.

— Нет, только в Москве и Янгорчине, — свое же твердит Малашов.

— Не болтай ты, Малаш. В Ленинградском Георгиевском зале я сам не раз бывал.

От того, что Иосиф Иванович знает больше него, видимо, задело его за душу, Аркаш Малаш махнул рукой:

— Ладно уж, твое взяло, если твой багаж богаче, расскажи, и я со всеми вместе послушаю.

Пашков этого и ждал, подмигнув левым глазом, осадил на свое место ученого соперника, довольный победой ума, как экскурсовод плавно продолжил исторический рассказ:

— Где находится Эрмитаж, вы знаете, конечно, в Зимнем дворце он, — вспомнил Иосиф Иванович. — Если сам не забыл, то закончил его строительство в 1795 году архитектор Джакомо Кваренги. Но в 1837 году при пожаре он сгорел. На этом месте Василий Стасов построил новый зал в восемьсот квадратных метров. Напротив входной двери, на стене, нарисовали символ мощи России — картину «Георгий Победоносец убивает копьём дракона».

Кто-то поинтересовался Георгием Победоносцем.

— Минуточку терпения, — пальчиками щелкнул Пашков. — Откуда и что за дух, говорите?.. Прошу не перебивать. Все по порядку. Слушайте дальше. А сам Георгий Победоносец вышел из сказки — из мифа. По-разному толкуют. Он же воин-мученик, и драконоборец, и змееборец. Он же и Георгий, и Юрий, и Егорий. У каждой духовной веры, нации-племени — своего рода победитель над злом и защитник народов.

— Как наш Юрий Ильич, да? — громко засмеялся Мишша. — Его тоже змееборцем кличут в машинном парке.

— С одноглавой или... — Пашков повернулся в сторону Караваяева.

— С трехглавой. Как-будто не знаете о выходках Молякова. Никак не может обезглавить сволоча наш хозяин. Только что рубанет. Не успеет отойти Унриев, у змия головы снова прорастают, начинают брызгать ядом. Ведь каким чудом и трудом достал Юрий Ильич на Урале эшелон щебня... Поступил вовремя. И колхоз, и район использовали. Народ радуется, катаясь по асфальтовой дороге. Для экономики еще какая польза! Что ты будешь делать с мерзавцем, жалобу за жалобой шлет в Чебоксары и Москву, мол, Унриев грабит колхоз, что Юрий Ильич его обидел — не взял ночным сторожем в наш машино-тракторный парк. Разве можно доверить ему общественное добро?

— Ну и Мо-оль, — покачал головой Аркаш Малаш. — Не только изъедает, но и отравит своим ядом нас.

Нервный тик прошел по лицу Пашкова и он со злостью махнул рукой:

— Ничего, не волнуйтесь, ребята. Юрий Ильич — богатырь, придавит Моля, сразит мечом правды трехглавого

Змия. Станет Георгием Победоносцем. Пойдем дальше. О главном. В двухсотых и трехсотых годах, когда христианство набирало силу, вроде бы уроженец Малой Азии, с ливано-палестинских земель Георгий начал изображаться как сверхъестественный герой.

— Вообще, нужен был служителям церкви такой повелитель, — не выдержал Малаш.

— Ты прав, — мотнул головой в знак согласия Иосиф Иванович. — По версии, Георгий, из местных знаменитых, был храбрым, дослужился до высокого воинского чина. В то время усилилось гонение на христианство. В капкан попался и Георгий. Чтобы он отрекся от новой веры, пытали, истязали его, потом отрубили ему голову.

— Вот бы три головы Моля-Змия тоже... — слышалось с толпы.

— Ладно, не мешайте, — сухо кашлянул Пашков. — Итак, Георгий, как и другие христианские мученики из военного сословия, которые после превращения христианства в государственную религию, стали небесными покровителями и идеальными воинами. В славянских землях Георгий стал образцом княжеской чести, в Западной Европе — для рыцарей. Русские прозвали его Егорием Храбрым, возвысили как началом животворящей весны, покровителем скотоводства, «скотным богом». Так как он считался вожаком волков, поэтому к нему был особый поклон. Вспомнился интересный эпизод из фронтовой жизни.

— С Георгием Победоносцем, что ли? — задали вопрос. Иосиф Иванович стал рассказывать:

— Был у нас в отделении Егор Бедоносов. Шебутной такой, костромской мужик. Шутники прозвали его Георгием Бедоносцем. Из-за таких бедолаг терпим поражение, язвительно насмехались над ним. Но он, хоть град солдатского смеха по голове, но не горевал, отвечал, улыбаясь: «Ничего, до конца войны стану еще и Георгием Победоносцем, ведь я в округе был итак Егорием Храбрым». Любил плясать и петь. Я — за гармошку. В войну волжане почти все называли друг друга земляками. Вот однажды Бедоносов говорит мне: «Слушай, земляк, спеть тебе свою, костромскую, старинную. Ее наши старики и старухи, каждую весну, когда молодого ягненка приносят в дар божьей, небесной силе, исполняют». «Только я мотива не знаю, не могу помочь», — говорю. «Ладно, под канонаду орудий как под весенний гром послушайте, вот собрались и мои ге-

рои-паразиты. Слушайте все: Мы вокруг поля ходили, Егорья кликали... Егорий ты наш храбрый... ты спаси нашу скотину в поле и за полем, в лесу и за лесом, под светлым месяцем, под красным солнышком, от волка хищного, от медведя лютого, от зверя лукавого», «... и от дракона Гитлера», — добавил в конце. Тут же немец начал напирать на нашу позицию. Бой был кровавый, меня ранило в ногу. Гремела такая музыка поднебесная... «Боги войны» ораторствовали с двух сторон. Отличился наш Егор Бедонос-Егорий Храбрый, из противотанкового ружья подбил три танка. Когда мы с ним подлечились в медсанбате, двинулись дальше. При форсировании Днепра он получил Героя. Как сиял герой перед строем, когда командующий армией вручал ему Золотую Звезду и во весь голос гаркнул: «И костромской Егор Бедоносец стал Георгием Победоносцем!» Вражеская пуля разыскала больную же ногу мою и я с земляком попрощался. Встретился с живым Георгием Победоносцем после войны в Москве. Переписываемся.

— Интересный случай, как сказка превращается в быль, а быль в сказку, — возник откуда-то Илюш Парнас. — А какие же чудеса сотворил этот сказочный Георгий?

— Из божественных писаний известно, — сказал Иосиф Иванович, — другая легенда приписывала ему как змееборца в роли древнегреческого Персея, сына аргосской царевны Данаи и Зевса, бога богов. Тут он сражает змея-людоеда мечом и освобождает от пут чудовища дочь африканского царя Андромеду и женится на ней. Георгий выступает как богатырь, проповедник истинной веры, рыцарственный заступник на коне с мечом и копьем.

В русских мифологиях Георгий становится сыном царицы Софии Премудрой, царствующей «на Святой Руси». Его облик наделен сказочными чертами. Он терпит за веру, находится тридцать лет в подземной темнице, затем чудом выходит на свет и идет по русской земле для утверждения на ней христианства. Совершает богатырские поединки с волками и змеями и другими злыми духами. Всегда побеждает. И стал он, выдуманный герой христианства — Победонсцем. Русская православная церковь приняла его в лик святых и ежегодно почитает 6 мая.

В четырнадцатом веке изображение всадника на коне становится эмблемой Москвы, затем входит в герб Моск-

вы, а позже — в состав государственного герба Российской империи. В 1769 году в России был учрежден военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия, в 1913 — военный Георгиевский крест четырех степеней. Вот он стал знаком, символом героизма и русского солдата. Поэтому зал называли Георгиевским. Красоту зала невозможно передать словами. Сейчас там показывают произведения прикладного искусства. И там, и здесь — слава воинской доблести, солдатского героизма. Вон какую огромную работу провернули и наши художники. Так что, кому не лень, езжайте в Ленинград...

Послышались голоса:

— Я тоже так представлял, шевельнулось золотое зернышко и в моем лукошке, — улыбаясь, по лбу пальцем постукал Малаш.

— Чудно, как будто на Руси не было своих богатырей...

— Мне близки «Богатыри» Васнецова. Что, они хуже чужеземного какого-то богатыря Персея?

— И я обожаю их. В честь русских богатырей я назвал своих батыров Добрыней, Ильей и Алешей.

— А почему мы забываем о своих чувашских Улыпах, Батырах? Хэ, с чертовой стороны выкопали Победоносца... На стенах, полотнах нарисовано картин, изваяно скульптур об этом воздушном герое... Не счесть.

— Это нам не под силу ни кумекать, ни малярить... Тут академией пахнет. Пускай Микулай де Каравай испечет свой хлеб.

Многоголосый «бунт» подавил Аркаш Малаш:

— Наш черный хлеб каждому по зубам, съел по вкусу, погладил дутую пузу, сыт и доволен. А хлеб этих мазил — художников — не всем по зубам и не всякий почувствует его вкус. Бог им подарил другую печку в голове, чем нам. Вот и пекут они для нас духовную пищу — хлеб насущный. Его, как хлеб крестьянина, не отломишь, не отрежешь и не сразу в рот запихнешь, а надо этот хлеб брать умом, мыслями красиво глотнуть и насытиться уметь надо. А вот, возле окна ждет нас свежее испеченный хлеб.

Вечно притягивающий к себе подобными мудрыми словами, также и сейчас повел он свою гурьбу к картине Льва Климова «Тоска». Как помощник, рядом с ним встал и сам Микулай де Каравай...

Возвращающийся с войны Илле Унриев, отец председателя, закинул через левое плечо солдатский вещмешок,

правой рукой держит пилотку, лицо сияет душевной красотой, лучи солнца играют медалями и орденами, висящими на широкой груди солдата. Зеленый краешек леса, колышущиеся по обе стороны дороги хлебные поля, встречающая деревня как затосковали по родному сыну. Так гармонично и красочно, притягательно, с возвышенным чувством смог показать художник свое выразительное творение. Смотришь и кажется слушаешь мелодию, исходящей из глубины земного бытия. Сильны у великого чувашского художника гражданственная, патриотическая позиция. Так видит он, Караваев, вместе с Малашом-старшим и другими колхозниками выдающееся произведение своего товарища. Доступным сельским зрителям сочным языком преподнес эту духовную пищу первым зрителям-землякам.

А Юсов осмелился подменить это творение искусства своими портретами-иконами республиканских бюрократов. «Тоска» не попала в реестр Всесоюзной выставки.

19

Художники «Колоса» почти все находились в городе. С незавершенными картинами возятся в своих мастерских. Алексей Михайлович Няманов занят над оформлением общественных мест деревень колхоза. Григорий Саввич Ушкин готовит юбилейную выставку. Климов, узнав о приезде Караваева, прибежал и стал интересоваться московскими новостями.

Как не хотелось уезжать Климову из «Зари», но секретарь Союза художников настоятельно требовал по телефону. Даже телеграмму дал. На заседании правления обязательно надо быть.

— На повестку дня поставили вопрос об ответственности художника перед народом. Хочет, чтобы и я выступил, — сказал Лев Викторович.

— Хорошо, вопрос очень актуальный, — ответил Караваев. — В развитии страны художник должен занимать достойное место. В деле повышения духовного мира, интеллекта людей, в их идейно-политическом и нравственном воспитании Москва не даром постоянно напоминает об усилении значения искусства.

— Да, Николай Прокопьевич, результат нашего труда должен быть полезным и хорошим. Изобразительное искусство должно помочь укрепить в народе убежденность,

развивать у людей мировоззрение и чувство высокой гражданственности. Не дадим молодым товарищам отклониться от главной цели классического реализма, — подытожил начатый разговор Климов.

Если взять их обоих, Лев Климов и Николай Караваев давно преклонились перед теми художниками, которые сумели языком искусства убедительно показать реальную действительность новой жизни.

При советской власти и чувашские художники начали показывать правду жизни методом революционного развития. Основываясь критерием критического реализма девятнадцатого века, Моисей Спиридонов, Юрий Зайцев, Никита Сверчков старались писать свои картины в том духе, как освобожденный от вековой кабалы чувашский народ строит новую жизнь. Их убедительные жанровые, сюжетные и тематические картины поднимали родное искусство на высокую ступень. Шли они вперед, творили в водовороте кипучей жизни. На обновление облика деревни смотрели глазами крестьянина, строили новые заводы и фабрики вместе с рабочими. Вот почему Климову и Караваеву близко творчество этих аксакалов.

Путь Спиридоновых протоптали дальше другие художники. Когда переехал из Москвы, Караваев не мог насмотреться работ Овчинникова. Тайком даже приревновал. Ревность, конечно, враг творчества, но все же он его взволновал, не давал покоя, заставлял крепче держать кисть, толкал вперед, приковывал к строителям нового завода в Чебоксарах. Николай Прокопьевич работал без устали. После завершения работы спал целые сутки. Проснулся и, увидев девушек своих, улыбнулся. На полотне каждая из них выглядит по-своему хорошо, с острым умом, скромно, выразительно.

Молодые строители Чебоксарского тракторного завода прославились на весь Союз. Вместе с собой они прославили и художника-батыра. Картину по достоинству оценили на выставке «Советская Россия». Караваев только после этого почувствовал, что и он шагает по одной дороге наравне с Николаем Васильевичем Овчинниковым. Сердцем и душой признал, что настоящая красота, настоящее прекрасное исходит от глубокого познания жизни, если сумеешь мастерски развивать определившиеся обычаи классиков на основе движущего исторического развития искусства.

Во время работы выставки «Советская Россия» Кара-

ваев не отлучался из мастерской профессора Старикова. Викентий Матвеевич читал ему нравоучение:

— В мире изобразительного искусства ты отличился со своей «Цветущей троицей». А сейчас подружился с красотками-строителями. И эта работа хороша. Но хочется мне спросить тебя: завтра кого будешь рисовать? Если ты так будешь болтаться за славой туда-сюда, не боишься на ухабистой дороге искусства разбросать где попало жемчужины творчества? Коль поставил задачу прославлять человека-землепашца, с этого пути не сходи. Паши с ним поглубже, расти плоды земли повкуснее и поярче.

Учел Караваев предложение и наставление Учителя. Поэтому он в село, к земледельцу, прибыл с доброй душой не один, артелью.

У каждого художника прием работы свой — индивидуальный, но метод должен быть у всех один — метод реализма. Правдивость, жизненная правда должна быть одна. Поэтому он, когда возглавил «Колос», изначала старался направить работу художников по одному руслу, единым планом. Хочется, чтоб не было и скороспелого победного духа, и штампа, не привязалась к ним так называемая халтура. Вялость, равнодушие и самоуспокоенность не должны вырастать в их огороде. Этих врагов искусства он и сам боялся, с ними всегда боролся, их побеждал. И товарищей учит так же держаться от них подальше — на расстоянии.

Шагать вровень с жизнью, по обычаю русских передвижников девятнадцатого века, работать среди народа и жить вместе, очень трудно. Он это понял сразу. Познакомившись с людьми, надо суметь писать их повседневную жизнь на лирической волне, показать трудовые процессы правдиво, в развитии, типизировать характеры показательно во взаимосвязи с законами прекрасного, образно, на уровне требований сверху. Ох как невыносимо трудно выполнить это!

Каким непревзойденным мастером был в этом деле Моисей Спиридонов. Сажал он героев перед собой, разговаривал с ними, глядя в глаза, вытягивая их внутренний мир, писал их портреты. Как он мастерски умел, разместив человеческие фигуры в группы, светом и краской придать им романтический образ. Караваев многому научился у этого самобытного художника. Одновременно понял то, что надо больше рисовать, писать сюжетно-тематические картины.

Не портретами-иконами, как Юсов, прославился Караваев в последние годы, а именно великолепными тема-

тическими картинами. Ювеналий Серафимович ценит вершину мечты человека высотой карьеристских ступенек. Сам тоже по ступенькам карьеры поднимается туда же. Сумел воспользоваться и выставкой «Земля и люди». По приезду из Москвы он сразу же воспел про себя похвальную оду, рассказав об итогах выставки своему постоянному борзописцу. Тот незаслуженно обрисовал в республиканской газете о выдающихся достижениях на выставке работ Юсова, фамилию Караваева просто мельком упомянул.

Несправедливость разозлила Микулая. Во время разговора об ответственности художника перед страной на сходе художников не выдержал, так пропесочил ищущего славу обманщика Юсова, что тот просто вздыбился.

— Значит, ты меня, Николай Прокопьевич, сравнивая с одряхлевшим беззубым старцем, хочешь совсем свалить? — никак не мог скрыть свое зло Юсов.

Караваев говорил спокойно:

— Я так рад, что вы мою мысль поняли правильно. Вы действительно беззубый рисовальщик. Не можете осилить твердую и толстую кору изобразительного искусства. Не можете со вкусом пробовать его идейно-эстетическое зерно. Не можете понять то, что успехи сегодняшней жизни народа показывают только сюжетно-тематические картины в широте и глубине, правдиво. Не верите в него. Только свои работы научились ставить выше всех, нанимая писак, стараетесь восхвалять их вовсю. Если взглянуть поглубже, профессионально, они у вас не получились портретами-картинами. Композиции у всех одинаковы, содержание бедное, бескрылый полет мыслей. Смотрятся они как слабые художественные фотопортреты.

— Наше творчество оценит история, — Юсов заскрежетал зубами.

— Пустяки, — не согласился с ним Караваев. — Пока судьей творчества и таланта является не будущее время, не грядущее, а народ, пишущий ежечасно свою историю. Поэтому давай будем творить работы, достойные сегодняшней оценки. Если вкус прекрасного и представительность жизни народа развивается сегодня, то почему нельзя помочь набрать силы этому процессу. Это — наш долг. Попросту нам необходимо жить нынешним днем и работать, глядя в завтрашний. От этой главной линии ни в коем случае нельзя отойти.

— У меня есть своя линия — главная линия жизни, — строить творческую карьеру, заслужить славу.

— Эх, Юс, — вспомнив юношеские годы, сказал Караваев. — Встав на легкий путь, вы выстроили сладкую масляную жизнь, воздвигнули дворец ложной славы. Отстранились от главных жизненных целей, не смогли образно показать большие социальные темы. Поэтому, ваши работы мало кто хвалит. Персонажи ваши, почти все оторванные от народа, бюрократы, задыхающиеся духом славы в тумане высокомерия, уставшие от пустословия начальники. Не я, народ, грозный и придирчивый судья, говорит вам, что вы — беззубый мазила.

Художники снова вернулись в необъятную мастерскую — деревню. Караваеву пока не пришлось ехать с ними.

20

Картинную галерею они постепенно налаживают. Как зайдешь в малый зал, на левой стороне, в четыре ряда размещены портреты ста солдат-воинов, они — как живые образы. С ними и портреты умерших после войны фронтовиков. Справа — почетные колхозники. Только вчера туда повесили портрет Янгорчина. Василий Иванович долго сопротивлялся позировать. «Ой как стыдно и неудобно быть мне рядом с такими заслуженными людьми колхоза», — отказывался он. Еле-еле уговорили. Очень удачно вышел. Его постоянная душевная улыбка как бы освещает комнату. Глаза острые. Как-будто он говорит: «Доброе утро, любимые колхозники, родные мои! Нам сегодня предстоит сделать...» По местному радио каждое утро так начинал он свой трудовой день. Микулай Караваев в его образе сумел правильно найти и ярко показать черты человечности, доброты, стойкости, крестьянского характера.

Костин вместе с художниками и односельчанами разбирает коробки, привезенные из Москвы, и отмечает какую картину где разместить.

— Да ведь здесь история родной страны, — сказала, увидев новые картины, Венера Пашкова, — красивые уголки необъятной Родины, ее знаменитые героические люди. Сейчас мы в своем же дворце культуры можем побывать и на острове Диксон, и на Челябинском тракторном заводе, и в долине Севан...

— Ты, Венера Иосифовна, подойди-ка ко мне поближе, — позвал ее Пракух Караваев. — Гляди, художник Щербаков что нарисовал тут?

— О присоединении Западной Украины с Советской Украиной, — прочитав написанное, не сразу догадалась девушка. — К чему клонит дядя Пракух, отец Микулая...

— Твой папаша вспомнился, ведь Иосиф Иванович был в селе первым танкистом. В тридцать девятом году он как раз участвовал в этой дружественной военной кампании. Скажи ему, пусть придет, посмотрит.

— В день открытия галереи всех пригласим, — сказал Костин.

— Ну, если так, тогда еще чуточку помешаю очень занятых людей, — сухо кашлянул и подмигнул Пракух Караваев. — Для меня тоже есть памятная работа. Вот, смотрите: «Прага. 1945 год». Эта картина и мне напомнила об освобождении столицы Чехословакии от фашистов. В тот день цветы, счастье, слезы, переливаясь вместе, светили и блистали как солнце свободы. Сумел ведь художник живо обрисовать этот взволнованный момент, как-будто сам там присутствовал. Ха, маршал Конев ведь это?

— Он самый, дядя Пракух, — объяснил Костин. — А другой — маршал бронетанковых войск Рыбалко, а этот — генерал армии Лелюшенко.

— Эту картину ей богу повесьте напротив с портретами фронтовиков, — предложил Пракух Караваев. — Пусть наши солдаты тоже будут вместе с прославленными полководцами.

— Вот и мне счастье улыбнулось, — обрадовался Костин. — «Горький и Ленин».

— Эту высокую картину, Иван Иванч, лучше будет повесить не в галерею, а в читальный зал библиотеки. В левом углу возле окна как раз должна поместиться, — посоветовал Няманов.

На другой день в Янгорчино спешно приехал Микулай Караваев. Развешанные картины он очень придирчиво осмотрел. Чувствуется глаза и руки Алексея Михайловича. Соотношение и пропорциональность помещения с произведениями изобразительного искусства очень соразмерны, удачно вошли в интерьер, солнечный и электрический свет открыто падают на картины. Только одна вещь огорчила его. Семен Самлиров хотел показать один момент из жизни механизаторов. Для простого зрителя картина выглядит неплохо. Вот рядом с березняком ремонтная мастерская, гараж, недалеко от них — комбайны, на переднем плане — люди. Но художник их нарисовал, не подчиняясь зако-

нам пропорциональности, как увидел глазами, так и разместил. Как тени живых, без выразительности смотрят они. Хромой Иосиф Иванович покосился в сторону от группы. Сын сестры Укахви Мишша выглядит как отдельно приклеенный на стену фотоснимок. Настоящая аппликация. Лицо Аркаша Малаша застыло как изваяние. В нем не замечается никакого чувства человеческого вдохновения. Выполненная на скорую руку ремесленническая работа не созрела до уровня художественной картины. Она безусловно портит всю работу бригады «Колос». Поэтому Караваев заставил снять эту размазню с галереи.

Как поднялся Микулай к Костину на второй этаж, с зала библиотеки приятно посмотрели на него Ленин с Горьким.

— Пришедший человек за книгой сразу же познакомится и с произведением искусства, — сказал заведующий библиотекой.

— В моей голове тоже родилась сейчас новая мысль, Ванька, — обе руки друга пожал он. — Картин много у нас сейчас, свыше трехсот будет, прибавится еще... Не сможем разместить их в малом зале. Надо будет построить специальное здание для картинной галереи.

— Правда, почему же до нас не дошла такая мысль. Нужно поставить этот вопрос на заседание правления. В колхозе средств хватает. Свободных денег в банке три миллиона, — обрадовался Костин.

— А до этого что будем делать?

— Надо подумать как следует.

— Давай попробуем так. Сколько свободных стен у нас в каждой бригаде, на фермах, в машинно-тракторном парке, столовой, правлении, сельсовете. Вот и надо разместить туда картины. Народ не насмотрится тогда.

— Это правильно, Микулай, будет у нас постоянно действующая массовая выставка, — согласился Иван Иванович. Но только...

— А что?

— Если кто-нибудь свистнет?

— Может и такое случится. Пока о худом не будем гадать. А все же... ведь хлебом красоты кормится не живот человека, а его душа. Здоровое существо Земли с древних времен старалось печь этот хлеб для всех, для обозрения всем. Как нам известно, в нашей стране первая художественная выставка открылась в Москве, в Кремлевском соборе Благовещения в 1549 году, в Чебоксарах — в 1927

году. А в Янгорчине откроется нынче...

— В 1980-ом, — с гордостью добавил Костин.

— Третьяковку... — об зуб согнутым показательным пальцем постучал Николай Прокопьевич, — Павел Михайлович начал ее в 1856 году. Он действительно душой горел за передовое искусство, все свое собрание посвятил всеобщему обозрению. Этот умнейший человек мог предвидеть бессмертие русской живописи.

— Одно не мог он предвидеть, Микулай...

— О чем ты вспомнил, Ванька?

— Даже не предполагал он, что его доброе начало будет распространяться по всей России, «Третьяковки» откроются даже в сельских глубинках, как у нас.

Так они постоянно бродят в дебрях искусства.

Незаметно приближался день работников сельского хозяйства. В то утро солнце ярко светило. Погода теплая. Унриев с утра сообщил о проведении воскресника.

Среди участников массовки Караваев увидел своих художников Няманова, Ушкина, Климова, Самлирова и Палнаева. Они от таких общественных дел не отказываются. Янгорчин тоже всей семьей. Вон и Венера. Девушка в синей куртке, джинсах, спортивной шапке, кроссовке. Из кабины трактора с прицепом вопросительно высовывается голова Илюша Малашова. Привезенные рассады из питомника он распределил по дороге. Когда-то в колхозном саду Микулай с Венерой по воле судьбы посадили яблоню. На этот раз счастье обошло их. Одна — на другой стороне, другой на этой стороне работали.

После обеда в Дом культуры собрался празднично одетый народ. Этого радостного дня давно терпеливо ждали. Наконец-то он настал. Широкая дверь мира прекрасного открылась. Караваев директору галереи Костину вручил ценную бумагу. Она удостоверяет о том, что Союз художников СССР навечно дарит колхозу «Заря» картины.

Кроме этого дара в зале много работ чувашских художников. Они тоже посвящены сельчанам.

— Открыли ведь в селе «Третьяковку!» — с радостным волнением обнял друга Ванька Костин. — Огромную работу проделали вы. Впервые в Чувашии — удивительно благородное дело. Никакие скептики не могли приостановить наступательное развитие культуры. Мы же победили! За это всех художников поблагодарим!

Бригада художников «Колос» уже завершает основные работы. В один из зимних дней председатель колхоза Унриев сказал Караваеву:

— Надо нам провести праздник Колоса и Кисти. Вы нам прорубили дверь и окно в мир прекрасного, помогли трезво, ярко ощущать хорошее, нравственное величие, научили видеть прекрасное. Жизнь деревни сейчас без вас как-то кажется бедной. За эти годы люди привыкли к вам, с вами подружились, приблизились, полюбили вас. Сколько картин подарили нам! Бесценный дар творчества. Вы — наши самые уважаемые люди.

К совместному собранию тружеников земли и мастеров искусства готовились тщательно. Костин по вечерам проводил репетицию с артистами сельского театра. В фойе Дома культуры открылась выставка новых работ художников бригады.

Когда Караваев пришел в дом культуры, народ уже начал собираться. Искры изобразительного искусства разбудили сердца молодых и старых. Ха, как старательно объясняет его первый учитель Пашков сгрудившимся у картин односельчанам.

— Искусство оно, родные мои земляки, мастерство, образность, прекрасное. А знаете что о нем говорил великий Лев Толстой?

— Я знаю, — подмигнул ему Аркаш Малаш. — Остальные... ненай... Но ты скажи, скажи, Иосиф Иванович, ты лучше меня можешь толковать, сам сельский народный художник. Давай послушаем.

Пашков вдохновенно ответил на свой вопрос:

— Этот мудрый человек сравнил искусство одним из двух органов прогресса человечества. Первый орган это — язык. Через слово, сказал он, человек общается с мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но прошедшего и будущего...

Услышав этот разговор, Николай Прокопьевич задумался: «Да, без произведений великих мастеров древности и классических работ русских художников Янгорчинская народная галерея будет выглядеть беднее. Подлинников, конечно, не найдешь. Поэтому нам надо сделать копии картин художников Италии, Франции, Голландии, России и вывесить здесь».

В назначенное время началось собрание. Караваев из президиума следит за залом. В переднем ряду Иосиф Иванович пошушукался со своей женой. Пашков вытянул, как обычно, не согнувшую раненную ногу, костыли поставил рядом. Тетя Уксине красива, как и в молодости. Таких нестареющих, сохранивших цветущую свежесть женщин встречается редко. На другой стороне от них, опершись об кулак подбородком, сидит Аркаш Малаш. Лицо его в постоянной задумчивости, и сейчас как-будто встанет и скажет: «А знаете вы, родные, в старину...» Укахви, Машук и жена Антуна устроились рядом. Они все вместе работают на свиноферме. Вот такая настойчивая молодчина Укахви, свое слово сдержала, сохранила подругу, не дала ей упасть в грязь. А ведь в свое время красавица Машук, любовница Хветута Молякова, с ним совсем спилась. Если бы все махнули на нее рукой... Антун Караваев тоже протрезвел, отошел от Моля. Унриев дал ему старый трактор на испытательный срок. Выдержит — получит новенький.

Избрали Укахви депутатом Верховного Совета Чувашии. Сын ее Мишша летом женился на докторше, направленной в Янгорчинский врачебный пункт. Колхоз им построил шикарный дом. Для обслуживания сельчан Юрий Ильич выделил специальную легковушку — «Скорую помощь».

Караваевы почти все — здесь. Дедушка сидит рядом с Янгоричным в президиуме. Прокопий Федотович, его жена и все другие каравайчики смотрят на сцену.

Василий Иванович шепнул в ухо:

— Микулай, богат ваш род — род Каравая. Сколько вас, сразу не подсчитаешь — половина колхоза. И каждый — герой.

Унриев не дал им договорить, обратился к народу:

— В прошлую пятилетку мы поработали неплохо, не остались в долгу перед страной. Удостоились высокой чести попасть на Доску почета Выставки достижений народного хозяйства в Москве. Художники «Колоса» стали участниками Всесоюзной, Всероссийской и зональных выставок, обессмертили героических людей нашего колхоза. В истории нашего села до сих пор еще не было такого венка дружбы. И мастера чувашского изобразительного искусства вместе боролись за сегодняшнюю богатую и радостную жизнь. В наших достижениях есть и значительная доля художников. Они нас вдохновляли, мы — их. В одном узелке, венке

красота нашей жизни. Стали людьми одной артели. Поэтому правление предлагает присвоить им звание «Почетный колхозник». Как ваше мнение?

Зал дружно зааплодировал. После голосования, Юрий Ильич каждому художнику по очереди повесил за плечо повязку с надписью и добавил:

— В колхозе четыре бригады. По нашему мнению есть и пятая: бригада художников.

Люди снова захлопали.

Караваяев перед собравшимися сделал отчет «Колоса»:

— Дорогие земляки! Вы нас приняли тепло с родственными узами, раскрыли нам свои храбрые и мужественные души, показали доброту. Для возвышения на высоту искусства вы нам прибавили крылья. Рядом, вместе с вами, и мы теперь крепко стоим на этой земле. Из этой земли, от труженика-земледельца, получаем неугасимую силу. Душа поет вместе с вами. Хочется работать еще старательнее, получше, рисовать на высоком уровне требований искусства. Мысли очень огромны и широки. И впредь их претворять бы вместе, объединенными силами, в гармонии. За героический труд и мы вам решили поставить пятерку. Обещаем держать имя почетного колхозника на высоком уровне за счастье в мире прекрасного, — сказал бригадир пятой бригады, поблагодарив от имени своего коллектива всех колхозников.

После закрытия собрания Хведут Каравай каждому художнику пожал руку и похвалил:

— Вот послушайте, сынки. Мы сегодня много говорили о мире прекрасного. Правильно, и красота тоже сила человеческая. Эта мощь растет соком земли. Вы могли впитать эту живинку и прославиться этой великой силой, дорогие люди, с новой мощью ожили благословением народного бьющего ключа. Глубокие корни пустили на нашей земле. Эти корни пусть и глубже, и шире крепнут. Пусть плоды пятой бригады в дальнейшем станут еще богаче. Пусть во всех крупных селениях будут такие храмы красоты. Ой, как хочется чтоб не только у нас, а повсюду проводили Дни Красоты.

Вот медленно начал раскрываться сине-голубой бархатный занавес и перед зрителями показался большой колхозный хор в национальных костюмах. Впереди него — Костин с баяном. Микулай глазами пробежался по рядам и нашел ее в центре. Ему почудилось, будто Венера тоже ищет его.

— На свете три вещи любит Костин, — красивой улыбкой засветилось лицо Янгорчина. — Книгу, живопись и музыку. Этот хор он организовал в шестидесятом, с тех пор сам возглавляет. Кто только не пел там, и мы, в том числе. Сейчас наше место заняла молодежь, Ванька не устает еще.

Микулай не успел включиться в разговор, Илюш Парнас объявил о начале концерта. Голос у него звучный, дарит от имени коллектива художественной самодеятельности песню за песней художникам и колхозникам.

Когда очередь дошла до премьеры, в середину сцены всплыла как лебедь Венера Пашкова. Костин сел за рояль. Вскоре по залу поплыла захватывающая душу радостная мелодия. Словами Илюша Малашова Венера приподнято запела:

Хлебные богатые поля,
На лугах зеленая трава,
Шелестя, танцуют тополя,
Во дворах играет детвора.
Радуюсь душою я за все.

Хор дружно запел:

Хорнзор, Янгорчино и Тукайкасы —
Крепкая, большая, дружная семья
Поднялась до пика вечной красоты.
Подвигом богата родина моя.

Микулай де Каравай с закрытыми глазами обнял свою идеальную фантастическую «Чувашскую красавицу», а земная хорнзорская Красавица продолжала петь:

По утрам заводят трактора,
На завод спешит молоковоз,
Скотники, свинарки — мастера
Дружно тянут коллективный воз.
Радуюсь, пою и я за все.

Сидящий рядом Вася Янгорчин присоединился к хору: «Подвигом богата родина моя».

Душа Микулая тоже пела со своей Любовью:

На работе действует подряд
Принося колхозникам доход,
Новые дома растут подряд,
За культуру начался поход.
Радуюсь, красуюсь я за все.

Весь зал подхватил:

Хорнзор, Янгорчино и Тукайкасы —
Крепкая, большая, дружная семья
Поднялась до пика вечной красоты.
Подвигом богата родина моя.

Потом все трое: композитор, поэт и певица поклонились народу. Долго не смолкали аплодисменты.

Когда возвратился домой, Микулаю никак не спалось. Разные думы не давали покоя. Вспомнил об одной встрече и вытащил из портфеля вещь, всунутую впопыхах на собрании Илюшом Малашовым. Развернул пакет и замер от удивления. Перед ним засверкала экспозиция картины Пукирева «Неравный брак».

В девятнадцатом веке русский художник изобразил сцену венчания одного дряхлого именитого сановника с юной бесприданницей так трогательно...

Вот подавленная горем молодая девица рядом со старцем. Позади — прощающийся со своим счастьем с безысходно печальным лицом грустный молодой человек.

Хорнзорский парень на обороте картины написал: «Уважаемый Микулай де Каравай. Этот шедевр я в Москве приобрел специально для тебя. На некоторое размышление сегодня решил подарить. Не забывай, постоянно держащий тебя близко к сердцу и на мушке Илья Малашов».

22

Конец восьмидесятых годов Караваяву показался началом новой эпохи возрождения человеческой мысли и культуры. Оно, преобразование в обществе, не могло не коснуться и мир искусства. Художник и время, время и художник — переплелись. Он еще глубже начал чувствовать свою ответственность перед народом, страной, хотя по сути ему самому нечего и было перестраиваться. Он и так шел впереди новооткрывателей, борясь с рутинностью, ремесленничеством, чинопочитанием, самовосхвалением в искусстве. Он всегда учил и учит, и сам учится смотреть правде в глаза, старается дать людям зримое понятие добра и зла, песенность, поэтику жизни и природы, нужную необходимость его благородного труда. Языком искусства воспитывает в человеке любовь, привязанность к красоте. Ему чужды всякая фальшь, бездарность, показуха. Принимая вызов времени, он с группой ху-

дожников в среде народа, гуще героических перемен в селе, выдержал проверку на чистоту. Но в Союзе художников Чувашии в последнее время наметились авантюристические выходы, излишние дразги, групповщины. В творчестве некоторых дельцов начала преобладать социальная апатия, нравственная распушенность, рутина и косность. В среде молодежи вновь забурили течения модернизма. «Общедоступное искусство» одурманило головы неспелых рисовальщиков.

Мог ли остаться в стороне от этих негативных явлений народный художник Микулай Караваев? Конечно, нет. Он постоянно боролся с ними, а сейчас тем более сильно пришлось столкнуться.

Как уживчивы пережитки старого, затвердевшего в сознании людей, в том числе и художников. Его взбесило тот случай, когда комиссия во главе с Юсовым не пропустила на очередную Всесоюзную выставку ни одного полотна из бригады «Колос». А туда направили пустые, поверхностно-скороспелые работы, пахнущие авангардизмом картины-однодневки. В то же время картина Льва Климова «Тоска» звучит каким оптимизмом, глубоким крестьянским осмыслением! В сельской окружающей среде четко и крепко шагающего фронтовика по своей родной земле. Какая поэтика чувств в гармонии света, цветов красок. Пространственность образности заставляет зрителя летать вместе с ним, мыслить, трепетать. Эту работу Льва Викторовича он ставит выше его «Озеленителя оврагов». Но ревнивая сила групповщины временно взяла верх. Этим горемазилам и дал бой Микулай Караваев со своими товарищами на съезде художников.

— Когда лучшие представители чувашского изобразительного искусства старательно пишут, рисуют живые человеческие судьбы наших современников, некоторые художники, наподобие Юсовых, потеряли высокие стремления и гражданскую ответственность, витают в облаках и творят в туманной атмосфере благочинного круга. Их сердца давно уже съедает коррозия и ржа эгоизма. Потому они сами ржавеют изо дня в день. Отделяясь от гуши жизни стенами своего величия и возвеличения отдельных личностей-правителей, они штампуют тени современных мертвецов. Это не только их вина, но и наша. Почему мы закрываем глаза и даем им вольготно распоряжаться судьбами талантливых художников как Климов, Ушкин, Агеев... Уси-

ленно не стараемся замечать талантов, ибо раскрытие их творчества заслоняет серость в искусстве. А серость исходит не от молодежи в основном, а в первую очередь от прикрывших разными званиями и степенями, прошлой славой мертвецов в искусстве, от так называемых «серых классиков», как наш многоуважаемый Ювеналий Серафимович. Не пора ли нам всем трезво смотреть правде в глаза.

Юсов сидел и ерзал в президиуме, враждебно сверля своими бесцветными злыми глазами Караваева. Он бы как рысь прыгнул сейчас на своего врага, но... сильный и непобедимый Николай Прокопьевич бьет его и компанию острыми стрелами прямо в лоб. От его каждого слова у Юсова прошибает пот. Он не успевает вытирать свой узкий лоб. Караваев хлещет:

— Какую огромную, ежедневную работу проводят среди населения Климовы, Нямановы, Агеевы. Они не мыслят свою жизнь без постоянного общения с народом. В мученическом труде даже забывают заступиться за себя, хотя за талант, за его существование надо бороться. А вы, Ювеналий Серафимович, под их творчество подкладываете мину замедленного действия, радуетесь когда она взорвется по вашему дистанционному управлению в нужное время. Нам надо работать не разобщенно только в своих мастерских, но коллегиально, помогая друг другу, как наша бригада «Колос». Нам чужда словесная перестройка, а нужна настоящая, живая, творческая, всенародная перемена.

Выступил на съезде и Юсов. Он много говорил о значении перестройки, об обещанной помощи в этом деле со стороны руководящих работников республики, об уважении к труду маститых художников как он, всеми силами старался подчеркнуть об отрыве художников «Колоса» от настоящей действительной жизни Союза, его правления, обвиняя в этом и Караваева.

Нет, Юсов еще силен, конечно, не творческими удачами, а своими связями, коллективизмом своих выпускников института. При избрании нового состава правления это ощутилось наяву. Справедливо и критически анализирующего талантливое живописца Караваева постарались не включать туда, ссылаясь на то обстоятельство, что в руководящее ядро Союза надо избрать и скульпторов, и оформителей, и прикладников...

Чинопочитание и карьеризм чужды Караваеву. Он нисколько не обиделся на то, что не попал в состав правле-

ния, остался довольным, что съезд прошел в самокритичном духе. Правда победила. Зря ждал Юсов в речи главы республики обильной похвалы в свой адрес, как раньше всегда бывало, но не дождался. Тот наоборот в большей части своего выступления остановился на благородном подвижническом подвиге бригады «Колос». Это вдохновило Каравая и их товарищей. Они своим творческим трудом оказались на высоте искусства. Каким радостным солнечным лучом сияло лицо Николая Прокопьевича на съезде и какой безликий туман окутал лицо Ювеналия Серафимовича.

— Вспомнил, Юс, нашу первую драку в художественном училище? — ехидно напомнил ему Микулай. — «Посмотрим, кто кем будет!» Чьи слова?

У Ювеналия Серафимовича заскрежетали зубы.

23

Сын Аркаша Малаша Илюш поступил учиться заочно в сельхозинститут. Мечта стать инженером в голове парня давно родилась. Когда вышел на пенсию начальник цеха механизации, на его место поставили Малашова, дали персонального «Москвича».

В последнее время Илюша как-будто подменили. Перестал нервничать из-за пустяков. Он начал сравнивать свое прошлое поведение с настоящим и учился как быть дальше. Только начало доходить до него и то, что грубое и бесчеловечное отношение с девушками отталкивает любовь. Дошло до сердца и то, что Венера любит в нем смелость и скромность. Когда-то, приревновав к Микулаю Каравая, он ее очень оскорбил. Какая девушка может терпеть нахальства? Венера, хотя и сама крутая, не оставила его на обочине дороги, падающего, помогла подниматься.

— Тебе, Илюш, теперь надо быть культурнее всех других, показательнее, — сказала однажды ночью Венера.

— Почему? За то, что я сейчас начальник цеха, да? — удивился он.

— И за то, и за это. Послушай, Николай Прокопьевич тебя где только не выставлял. В твоём облике он изобразил образ, типичный образ сегодняшнего механизатора, показал каким должен быть современный сельский парень, настоящий борец. Поэтому образ этого богатыря ты должен держать на высоте. Если не привыкнешь к стойкости, в жизни можешь потерять еще больше.

Чует парень, почему так говорит она. Во время совместного пребывания они вновь потревожили свою Любовь, запертую в глубине своих сердец. Березы, посаженные в честь любви, стали рослыми на острове.

— Дерево, Илюш, надо уметь не только сажать, но и вырастить.

— Без меня есть кому поливать.

— Правильно, если надо, найдутся поливальщики. Но мне почему-то хочется ухаживать за нашими березами вместе. Не забывай про свой долг. Не упускай свое счастье. Сумей поймать. Поймаешь — сумей сохранить.

После этого Илюш Парнас понял, что на Острове любви он не лишний, от вдохновения писал и писал стихи, их с такой радостью читал Венере:

Белая береза — ты моя греза,
Кудрями и станом не тѣрзай меня.
Ураган ли, стужа, сильная гроза.
От стихии всякой защищу тебя.

Белая береза — ты моя судьба,
Прислонись поближе, обниму, любя.
В схватке за Любовью кончилась борьба,
Веником и соком оживи меня.

На новом должностном месте Малашов провел первый весенний сев. Быть начальником, оказывается, не водить трактор или комбайн. Унриев тоже строго требует, механизаторы еще сильнее кусаются. Когда на «Москвиче», когда на мотоцикле мчится он по хозяйству. Не вытерпит, поработает на тракторе. Успокоив душу у руля «Беларусь», ляжет на землю и смастерит новое стихотворение.

Вот уже проходит весенняя горячая пора. Сады покрылись белой пеленой. Малашову тоже хочется подарить Венере такого же цвета весеннее платье. Но девушка не молвит о согласии. Тогда он так задумал: «Хватит играть в прятки. Надо быть смелее и настойчивее. Согласится — будем жить вместе, откажется — рядом не привяжешь».

Когда подруги стали семейными, у Венеры тоже усилились природные женские чувства: выйти замуж и нарожать детей. Микулай Караваев с Илюшом Малашовым за нее готовы в огонь броситься. Ей надо одному из них сказать решительное слово.

После неожиданной встречи с Микулаем в саду, Венера решила похоронить свою любовь на острове Глиняно-

го пруда. Караваеву для будущей картины предложила даже сюжет. Со временем она начала удивляться своей мечте, даже стало страшно. Неуклюжесть и невежество Илюша злило, скромность и культурное поведение Микулая радовало. А сейчас кажется ей, что Илюш больше нравится. Почему-то Караваев с каждым днем стал казаться ей каким-то сказочным образом. Ведь итак они встречаются редко... Очень занятый, без свободного времени человек он. Вместе ни в кино сходить, ни поплясать-попеть, по вечерам погулять не всегда приходится. Московская трагикомедия тоже из головы не выходит. Сердце до сих пор ноет. Ей все же кажется дочь профессора Старикова любовницей Микулая. Не пыталась ли он как следует, успокоилась ответом: «Я ее не люблю». С Илюшом она встречается ежедневно. После соглашения о соперничестве между двумя цехами еще больше стало о чем поговорить. К тому Малашов, хоть его и оттолкнули временно, не нашел другой девушки. Микулай почему до сих пор один? Об этом тоже не спрашивала. Со старым холостяком и разговаривать, и любоваться не так ловко. С Илюшом они иногда могут даже потолкаться, Караваева она стесняется. Любовь, рожденная во время посадки яблони, кажется ей символической, мысленной, парящей в воздухе. Почему-то не хочет приблизиться, цвести и оживить с новой силой. По правде считать — так, она уходит в сторону, отдаляясь все дальше и дальше.

Караваев, конечно, может следить за собой и быть показательным. Душевный человек. Зря не болтает, прислушивается к мнению девушки. Во всем примерный. Рядом прошагать чего стоит. А все же, почему он не торопится жениться? Может, больной? Может, нельзя быть ему семейным? Может, поэтому боится? Так Венера перебирала по-порядку все отношения между ними.

Мать, конечно, все ее горе-мечты ближе и лучше понимает, чем отец. Тете Уксине хочется своей дочери устроить жизнь со всех сторон счастливой. Поэтому она напоминает:

— Подумай, доченька, и о завтрашнем дне. Только славой Микулая Караваева не проживешь женский век. Вспомнишь в свое время и такого молодца, как сама молодая была. Но только колесо жизни трудно будет повернуть.

Слова матери заставили Венеру задуматься поглубже. Илюш тоже прямо перед глазами меняется. И Микулай не

выходит полностью из головы. Из Москвы он написал письмо, скоро должен вернуться. Для него Унриев еще осенью построил коттедж. Если выйдет Венера замуж, то будет там хозяйкой. Но когда же захочет жениться он? Об этом ни слова не промолвит никогда.

Чтобы успокоить душу, она решила пройтись по полям. Ранние зерновые дружно взошли. Рожь и озимая пшеница уже показывают колосья. Нынче урожай должен быть отменным. Оглядев богатство земли, он обрадовался, на душе стало легче и ему захотелось петь. Девушка — красавица земли — в радостном состоянии. Услышав треск мотоцикла, она вдруг резко повернулась и увидела Илюша.

— Приветствую, Венера! Не сядешь?

— Боюсь, что свалишь, — она с теплой улыбкой заиграла глазами.

— Не трус, больше не уроню, никогда.

Девушка хотела сесть на заднее сиденье, но парень ее притянул и посадил впереди себя.

— Трус, наверное, ты, Илюш? Боишься как бы потерять меня.

— Нет, не из-за этого, сегодня почему-то очень хочется смотреть на тебя, — осмелившись сказал Илюш. — Не за спиной, а перед собой хочется увидеть тебя, Венера.

Венера Пашкова молчала. Мотоцикл тронулся вперед.

24

Микулай Караваев послушался профессора Старикова, учился в аспирантуре, защитился, но не поспешил бросить якорь в суриковском институте. Вот и кандидат искусствоведческих наук возвращается из Москвы. От монотонной постоянной тряски вагона его клонило ко сну, незаметно закрылись глаза. Во сне снова увидел Шишкина. Вместе с Иваном Ивановичем они в ржаном поле близ Глиняного оврага, сидят на вершине высокой сосны. Наверху, на седьмом небе, лежат, загадочно улыбаясь, Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи и глядят на них.

Знаменитый русский художник похваливает Караваева за то, что он смело пошел по дороге «Ржи» и мужественно поднялся на вершину сосны. На лугу — «Косари» Пластова: видимо, сын с отцом и внук со снохой. Аркадий Александрович сам тоже присоединился к ним. Всю жизнь проживший в деревне художник вдохновляет косарей звуком

кос и заставляет петь. С черной бородой, с усами, гладко причесанными длинными волосами, синеглазый, с худым лицом, сухощавый Иван Николаевич одет в чисто белую рубашку, бархатный пиджак, на плечо положил косу. Смотрите-ка, за ним торопливо идут в чувашских узорчатых одеяниях Моисей Спиридонов с Николаем Овчинниковым, Владимир Агеев, художники «Колоса» Алексей Няманов, Григорий Ушкин, Лев Климов. Дедушка Микулая тоже вместе с ними. Пристроились в один ряд и дружно махнули косами...

Мгновенно картина изменилась. Утренними лучами солнца засверкал сосновый бор Шишкина. Замычали медведи. Иван Иванович, глядя то на седьмое небо, то на землю, с большой радостью говорит:

— Искусство — это бессмертно. Всегда живо. Постоянно обновляется, развивается, меняется. Итак, начиная с этих гениев эпохи Возрождения и мастеров кисти нашей древней Руси до ваших работ, ценно оно. Демонстрация, показ народу рисунков, помогающих человеку думать, размышлять, петь, жить — тоже смелый шаг. Поэтому вы оба с Костиным — герои. Твоя «Чувашская красавица» очень схожа с «Джокондой» Леонардо да Винчи. Только к пятидесяти годам он встретил свою Мону Лизу. Ты тоже в ранней молодости не смог найти свою Венеру. Леонардо да Винчи написал «Джоконду» в течении четырех лет, за нее душу отдал, не отлучался от нее, из Флоренции взял с собой во Францию. Ты тоже не отлучаешься от своей «Красавицы». «Джоконда» покорила весь мир. Ее сумели даже выкрасть. Но вернули в Парижский Лувр. Пять веков хранится, обогащая культуру человечества. Твоя «Чувашская красавица» тоже прославилась. Ты ведь тоже потерял свою красавицу. Украли...

Вокруг загрохотало, и, услышал он громкий звук: «Кто умыкнул «Чувашскую красавицу» Микулая де Каравая?» Вмиг кругом потемнело. Загрохотал гром. Лес зашумел. Из-под вековых дубов выскочил серый волк. На нем сидят мадонна и царевич Иван.

— Не волнуйся, коллега. Они ведь бессмертные образы Виктора Васнецова, — успокоил Микулая Шишкин.

Глаза Каравая затуманились. Вместо серого волка почему-то показался мотоцикл. На нем грозно сидит Аркаш Малаш. Венера прислонила к его груди голову...

— Это ведь не сказочное изображение Васнецова, а

подлинный рисунок жизни! Где «Чувашская красавица»? Где моя Венера — «Джоконда»? — С ужасом проснулся Караваяев и рукой потрогал завернутую картину. «Красавица» рядом. Ее он скоро подарит сельской картинной галерее.

На станции Апнерка Николай Прокопьевич слез с поезда. Его встречать Унриев послал машину. Вскоре они доехали до Глиняного оврага. Отсюда он решил пройти пешком, поэтому шофера отпустил.

Впереди — сад, пруд, рядом — Остров любви. Верхушки парных берез ветром наклонились в сторону Хорнзор. Вспомнился сюжет Венеры «О смерти любви». Серьезно сказала тогда девушка об этом или только от злости на парня? Рисовать рука не поднялась.

Посаженная вместе с Венерой яблоня почему-то в этом году не расцвела? Одна зеленая среди других белых деревьев. Перед глазами — поднимающиеся со стороны пруда веселые и радостные невянущие цветы — «Цветущая троица». Среднюю, глазами как ясное чистое небо, фигурой как ивовая пруть, озаряющую как весеннее солнце рисовал он красивее всех, чувствительнее других. Для него она — бессмертная красавица земли — «Чувашская красавица». Для него она — жизнь, любовь.

От сада начинается ржаное поле. Стоящие в нем сосны выглядят как богатыри. Оценивая их, вспомнил недавний сон: «Царевич Иван на сером волке... Красный молодец Илюш на мотоцикле...». Удивительно, чего только не увидишь во сне. «Скорей, скорей дойти до села и повидать Венеру, поговорить с ней». В объятиях этих дум Микулай Караваяев по ржаному полю торопливо зашагал в сторону родного очага.

1985-1987, 2002 гг.

О РОЖДЕНИИ "ЧУВАШСКОЙ КРАСАВИЦЫ"

Как-то, в конце тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, я с супругой Риммой Ильиничной поехал на свою родину — Вурнары. Здесь же одноименная железнодорожная станция, расположенная в шестистах километрах от Москвы. Причиной послужил полувековой юбилей друга юности из соседнего села Янгорчино Василия Игнатьевича Романова. Моя деревня Хорнзор всего-то в километре от них. С любимой женой Галиной Никифоровной они пригласили нас в гости. Другой их семейный друг Анатолий Викторович Емельянов, тоже нашеньский — вурнарский, родом из деревни Сендимиркино, возглавлявший в то время Союз писателей Чувашской АССР, согласился приютить нас на час в служебную "Волгу". Сендимиркино — в шести километрах от райцентра. Сам он остался в своем деревенском доме. Добродушный, улыбчивый великан Юрка потом съездил за четой Емельяновых.

Гости сначала собрались в здании райкома партии. Романов их принимал в своем обширном кабинете первого секретаря. Василия Игнатьевича, как прославившегося лучшими успехами руководителя колхоза, знатного организатора сельскохозяйственного производства и умелого воспитателя трудового коллектива, сначала выдвинули на пост председателя исполкома райсовета, вскоре избрали первым секретарем. "Ты теперь самый крупный в районе", — пошутил однажды над ним. Он тоже ответил доброй ухмылкой: "Нет, не самый крупный, крупнее меня есть еще крупный рогатый скот, меня всевышние поставили на этот пост для того, чтобы и этот КРС стал самым крупным в республике, и в стране, только тогда и я стану самым крупным".

На юбилей из Чебоксар вслед за нами приехал и народный художник Карачарсков. Николай Прокофьевич со своей творческой бригадой "Сельские зори" несколько лет действительно творил чудеса на сцене изобразительного искусства. А этой сценической жизни стала для них обширная территория колхоза "Янгорчино".

В Янгорчинском колхозе четыре бригады: в селе Янгорчино, деревнях Хорнзор и Напольное Тугаево да еще в сортоиспытательном участке. Преемник Романова, бывший шофер и бригадир Георгий Ильич Андреев частенько хвастался: "Теперь у нас есть и пятая — бригада художников. "Сельскозоринцев" мы приняли в свой колхоз".

Ой, недаром хвастается народный вожак! Талантливые ху-

дожники, во главе с бригадиром Карачарсковым, столько на-
творили чудес красоты человеческой... Эти творческие работы
удостоились высокой оценки на региональных, российских и
всесоюзных выставках, сам Николай Прокофьевич заслужил се-
ребряной медали Академии художеств СССР, Карачарсков, Гри-
горьев-Савушкин, Немцев, Семенов стали лауреатами Государ-
ственной премии Чувашии имени Константина Иванова. В Ян-
горчинском доме культуры, построенном Василием Романо-
вым, открыли первую в республике сельскую художественную
галерею, где демонстрировались все 170 полотен, посвящен-
ных янгорчинцам, хорнзорцам, тугаевцам и родному краю.

Юбилейное торжество пышно провели в ресторане, неда-
леко от райкома, напротив редакции райгазеты. Там председа-
тель колхоза "Янгорчино" Андреев в торжественной обстанов-
ке вручил юбиляру тематическую картину Николая Карачар-
скова "На празднике урожая озимой пшеницы "Мироновская-
808". Василий Игнатьевич был рад до ушей. Подаренный вур-
нарцам украинцами этот новый семенной сорт наполнил и за-
рома янгорчинцев. Именно эта золотая пшеница помогла выр-
ваться вперед в социалистическом соревновании за высокий уро-
жай и колхозу "Янгорчино", и Вурнарскому району. Вот поче-
му они очень благодарны добрым хохлам из Золотоношского
района Черкасской области, с которыми соревнуются уже дав-
но. Недаром она, красавица-пшеница, вошла в художествен-
ный образ совместно с тружеником-организатором Романовым.

После торжеств мы выехали с земляками на колхозном
автобусе в деревню. Вдохновленные романовские гости шумели,
пели в салоне, а я углубился в свои думы. Пока доехали до
Янгорчино, за двадцать минут у меня в голове родилась новая
повесть о дружбе и сотрудничестве сельских мастеров богатого
колоса с мастерами таинственной кисти, о силе красоты под
названием "Пятая бригада".

Так русский из деревни Шадриха Порецкого района Чувашии Николай Прокофьевич Карачарсков превратился в Николая Прокопьевича Караваева — Микулая де Каравая, знаменитого потомка древнего рода Каравая, Василий Игнатьевич Романов стал Васькой Янгорчиным, заведующий библиотекой и директор сельской картинной галереи Иван Константинович Иванов — Ванькой Костиным, дочь Хорнзорского завклуба Иосифа Ивановича Шашкова — "Чувашской красавицей", Георгий Ильич Андреев — Юрием Унриевым, художники "Сельских зорь": Элли Михайлович Юрьев, сын журналиста-писателя Михаила Юрьева-Няманя — Алексеем Михайловичем Нямановым, народный художник Чувашии, русский из деревни Малые Гвоздки Новгородской области Павел Григорьевич Гри-

горьев-Савушкин — Григорием Саввичем Ушкиным, уроженец деревни Вотланы Комсомольского района, выросший в селе Климово Ибресинского района Чувашии Виктор Леонтьевич Немцев — Львом Викторовичем Климовым... Прообразами произведения других героев стали янгорчинские и хорнзорские знатные люди. В образе Хветута-Федота Каравая — воплощены все лучшие черты янгорчинских аксакалов.

Отрадно то, что на московских выставках лучшие работы "сельскозорцев" были закуплены иностранцами. Сейчас образы янгорчинцев удивляют и радуют многих любителей и знатоков искусств в Соединенных Штатах Америки, Италии... Это — слава и гордость наших героев труда и мастеров чувашского изобразительного искусства.

После завершения и в ходе подготовки к печати, название повести изменилось. "Мадонна земли" была опубликована в чувашском республиканском литературном журнале "Родная Волга" в 1988 году (№№ 6-7).

По мотивам повести написал пьесу. Поставил ее на сцене Янгорчинского дома культуры мой односельчанин Федор Григорьевич Кузьмин, страстный любитель музыки и литературы, возглавивший в то время колхоз "Янгорчино" после Георгия Андреева и добился высокого успеха и в художественной самодеятельности. "Мадонна земли" осталась надолго центральной в репертуаре Янгорчинского колхозного театра.

Повесть перевел на русский язык и решил дать ей название "Чувашская красавица". А как регистрирует ее народ в своем уме — зависит от читателя.

ПРОДОЛЖАТЕЛИ РОДА КАРАВАЯ

Как и русские, так и чувашские, в том числе янгорчинские, хорнзорские, тугаевские крестьяне всю жизнь в поте лица трудились за Большой Каравай, им питались, одевались, восхищались, радовались, проводя праздники Каравая, почитали Богу Земли, встречали дорогих гостей.

В каждой деревне есть род Каравая. Такой род здравствует и поныне, как в моей повести, и в селе Янгорчино, что расположено между небольшими речками Сунар и Санар в центре Чувашской земли. Переселились в этот суровый край мужественные земляне из тюркских-чувашских племен еще в шестнадцатом веке, вырубив вековые деревья, выкорчевали пни, осваивали новые земли и продолжили свое существование, со временем они стали государственными крестьянами, гнули спины, нищенствовали, кормили матушку-страну, воевали за нее,

погибали, живые, вернувшись с солдатской неволи, брали в руки соху и серп, осенью снова садились за праздничный стол, в середине которого лежал свежеспелый круглый каравай хлеба. Каравай им силу давал. Продолжатели рода великого, появившиеся из горнилы любви родителей, откусывая край каравая, росли здоровыми, становились наследниками крестьянского труда.

Для просвещения отпрысков рода Каравая в Янгорчине инспектор чувашских школ Казанского учебного округа Иван Яковлевич Яковлев помог открыть первую школу. Для поддержания духа рода Каравая в селе была построена церковь и освящена в честь апостолов Петра и Павла.

Столетняя школа выпустила из своих дверей тысячи просвещенных чувашских юношей. Они стали хозяевами своей родной земли.

Время шло, мир менялся, люди трудились, воевали, побеждали, искали свое счастье. Новые идеи покоряли их души, вдохновляли на борьбу за великое будущее — коммунизм. И янгорчинцы претерпели по-своему, пережили радости и горести российских революций, гражданской войны, новой экономической политики, вместе с советским народом шли вперед шагами пятилеток, вышли победителем в Великой Отечественной войне, восстановили народное хозяйство страны, развивали свое коллективное хозяйство имени Ленина. Памятник Владимиру Ильичу, кстати, они сохранили на центральной площади села как святыню, почитают его как Бога Солнца во времена язычества. У подножия памятника — всегда живые цветы. Значит, призрак вдохновителя трудового крестьянства и пролетариата еще жив в памяти янгорчинцев.

Этот колхоз создан весной тридцатого. Крестьяне доверили возглавить свое новое детище-сборище умному, просвещенному односельчанину Кириллову Никифору Кирилловичу. Впоследствии он стал одним из лучших учителей в районе. Первые интересные и завлекательные уроки чувашского языка и литературы я получаю у него в классе. После него у руля коллективного хозяйства стояли: Илья Андреевич Андреев (1930-1931), Василий Иванович Иванов (1931), Матвей Кузьмич Кузьмин (1932, 1956-1959), Николай Архипович Архипов (1933), Иван Николаевич Ванюшин (1934-1935), Анатолий Петрович Петров (1935), Василий Романович Романов (1936-1938), Гурий Архипович Дубанов (1938-1940, 1945), Афанасий Ильич Шлюпкин (1940-1941), Антонина Павловна Шлюпкина (1941-1942), Иосиф Васильевич Васильев (1943, 1953-1955), Алексей Александрович Ваганин (1944), Михаил Степанович Шлыков (1946-1947), Ксенофонт Иванович Сергеев (1948-1953), Василий Игнатьевич

Романов (1959-1976), Георгий Ильич Андреев (1976-1989), Федор Григорьевич Кузьмин (1989-1993), с 1993 года — Геннадий Васильевич Романов.

Целая плеяда организаторов, руководителей. У каждого из них и в личной, и в колхозной жизни сложилась своя судьба, но у них у всех была одна забота — оправдать доверие народа, служить их интересам на благо хозяйства, Родины. Большинство старых вожаков колхоза я знал лично, немало приходилось с ними сидеть и за праздничным столом, и в компании друзей, и беседовать от души, пить, петь, плясать с ними. И в кладовке моей творческой памяти копились их характерные черты, манеры, портреты, горести за незавершенные замыслы, крылатые мечты... С ними и моя душа вдохновлялась — душа крестьянского сына, тоже из великого хорнзорского рода Каравая.

В годы перестройки в стране менялась структура организации сельского хозяйства. Так в пятидесятом наш хорнзорский колхоз имени Чапаева, янгорчинский имени Ленина, соседние с ним напольнотугаевский имени 1-го Мая и степнотугаевский имени Калинина Канашского района объединились в одно хозяйство. Крупный колхоз прославился не только в Чувашии, но и на весь Советский Союз, заслужил правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени. Особых успехов добился он в то время, когда возглавлял его депутат Верховного Совета СССР, кавалер ордена Ленина, заслуженный агроном Чувашии и России Василий Игнатьевич Романов.

Колхоз с 1964 года носит имя села — "Янгорчино". Это случилось по той причине, что в районе оказалось два колхоза имени Ленина. Второй, кольцовский, тогда остался с именем же Ленина. У янгорчинцев последнее название, пожалуй, останется навсегда, закрепилось навечно, хотя изменилось название самого хозяйства. Сейчас оно — сельскохозяйственное предприятие "Янгорчино".

Перестройка новых "демократов" в стране сильно раскочевала сельское хозяйство страны. Начало все рушиться, что было создано, построено десятками лет. Дала трещину и чувашское село. В 1993 году от крупного хозяйства "Янгорчино", как от глыбы, откололась деревня Хорнзор, образовав свое сельскохозяйственное товарищество из двухсот с лишним дворов. Янгорчинцы остались с тугаевцами. Пахотных земель стало маловато — всего 1090 гектаров. Но янгорчинцам и этого достаточно, чтобы получить с каждого гектара большие прибыли. Используя правильный севооборот, достижения науки и техники, практики, ум специалистов, трудовой накал сельчан, они получают высокие урожаи всех культур, тем самым обес-

печивают кормами животных. И животноводство им ежегодно дает миллион, продажа картофеля — около миллиона чистой прибыли. Из-за преступной политики со стороны государства по закупке зерна от производителей, они тоже плачут, ведь тонну зерна от них покупают всего-то за 900 рублей, в то же время посредники богатеют за счет тружеников села.

Но янгорчинцы не унывают, борются за ежегодный десятиллионный доход. И ежегодно на осеннем традиционном празднике уверенно получают из рук президента республики то новый трактор, то многотысячную премию за рациональное ведение хозяйства, рост экономических показателей, победу в растениеводстве и животноводстве. Строят новые здания ферм, газифицируют дома и общественные помещения. Каждому сельскому двору выделен гектар земли. Сельчане ежемесячно получают хорошую заработную плату, живут культурно, весело.

Это ли не итог искусного, умелого руководства хозяйством со стороны энергичного ученого инженера, способного хозяйственника Геннадия Васильевича — сына прославленного Романова? Младший Романов в последние годы выдвинулся своим талантом и знанием, опытом работы в один ряд самых сильных руководителей в области сельского хозяйства республики. Идет дорогой же отца, дорогой трудной и славной — дорогой хозяина Большого Каравая.

Да, янгорчинская плодородная земля родила действительно настоящего своего героя-детища — Ваську Романова. Этого мудрого, крепкого сына Земли вырастил и воспитал свой же народ. Как "сыном полка" называли во время войны мальчиков-воинов, так и "сыном народа" прозвали Василия Игнатьевича Романова односельчане.

Подружился он в молодости с земляком, сендимиркинским мудрым парнем Анатолием Емельяновым, который стоял у руля Вурнарской комсомолки. Он Романову доверил возглавить один из ответственных и важных участков комитета ВЛКСМ. Васька был секретарем райкома по сельскому хозяйству, помогал в свободное время вожаку молодежи. Вот и этот вожак молодежи, поэт, начинающий прозаик и начинающий агроном, председатель колхоза часто встречались, спорили горячо о своих делах, мечтали о будущем. В трудные минуты Анатолий Викторович помогал другу. Проходило время молодое, Емельянов быстро рос в карьере, Романов тоже поднимался все выше и выше: и умом, и делом. И мы с Василием сблизились не только по молодежной работе, но и дружески. Постепенно обзавелись семьями. Появились наследники, они быстро росли...

Помню, когда Емельянов учился в Высших литературных курсах при Литинституте после поста министра культуры рес-

публики, был частым гостем Романовых. Из Москвы для их сыновей всегда привозил сладости, а для Галины Никифоровны — дорогое виноградное вино. Хозяин дома, махнув рукой на бутылку с красивой этикеткой, сверкая своей неповторимой улыбкой, ставил на стол "Столичную". Однажды рядом с ней и жена его поставила такую же бутылку. "Эта, — улыбнулась она, — от меня, не только Вася завоевал всесоюзное переходящее Красное знамя, но и я третий раз подряд радуюсь". Только вспомнил, что возглавляемому ею коллективу колхозного филиала райбыткомбината по итогам года присудили республиканское переходящее Красное знамя. Третий раз подряд. Ну и мастера-швеи янгорчинские!

Так страстно любили два друга шахматы, даже временами становилось неинтересно и нестерпимо сидеть с ними рядом. Вот и сейчас оголили "шпаги". За их игрой жадно следили дети. Любовь к этой старой восточной игре зародилась, наверное, в душе умных детей Романовых, с этих баталий.

Емельянов в то время уже стал отличаться в публицистике. Во время очередного приезда на родину, он напечатал очерки в "Советской Чувашии" под рубрикой "Из путевого блокнота писателя" под общим названием "Новые ступени". Один из них посвятил Василию Романову и его прославленному в то время колхозу "Янгорчино".

Запомнился еще замечательный очерк писателя Юрия Грибова "Доброе утро", опубликованный в "Правде" в октябре 1976 года. Близкий друг чувашских литераторов, известный публицист был участником выездного заседания правления Союза писателей Чувашской АССР в Янгорчине и поделился в художественной форме своими впечатлениями об увиденном. "В Янгорчине, — писал он, — любят живое слово, книги, музыку, песни. Здесь лучшая в республике библиотека. Два оркестра в колхозе: один эстрадный, молодежный, для танцев и вечеров, а второй духовой, как бы парадный, торжественный. Играет он по большим праздникам".

Много написано о Романове и про его колхоз разными авторами на разных языках, но эти аналитические размышления о новом росте села, о процветании рода Каравая, запомнились мне больше всех.

Ростки рода Каравая в Янгорчине крепнут с каждым годом. Из поколения в поколение передаются крестьянская сметливость, традиционная врожденная мудрость, любовь к земле, родной патриотический дух, неиссякаемый талант, ответственность героических дел.

На моих глазах стали знатными людьми в округе председатели колхоза Василий Игнатьевич Романов, Георгий Ильич Ан-

дреев, заслуженный работник культуры Чувашской Республики Иван Константинович Иванов, председатели сельского Совета Александр Семенович Ластухин и Николай Иванович Ванюшин, директор средней школы Яков Семенович Корнилов, учителя Хрисан Васильевич Васильев, Анатолий Спиридонович Толмасов, Аркадий Васильевич Медведев, главные инженеры Николай Владимирович Владимиров и Николай Иванович Федьков, начальники сортоиспытательного участка Алексей Иванович Ушмарин и Валерий Фалалеевич Ваганин, заведующий ветеринарным пунктом Николай Кузьмич Кузьмин, начальник управления сельского хозяйства района Давыд Федорович Иванов, главный агроном Петр Павлович Кочанов, глава Янгорчинской сельской администрации Михаил Георгиевич Горбунов...

Здесь работал в церкви и был духовным наставником янгорчинцев батюшка Павел Васильевич Макаревский, оставивший селу выращенный самим огромный сад, доброту и черты человеческой культуры и возвышенного духа. Карачарсков запечатлел его в холсте, сидящего у пруда, в саду, в раздумье.

Жена дьякона Степана Платоновича Отачкина, выпускница Симбирской яковлевской школы Пелагея Герасимовна, стала здесь первой учительницей сельской школы и работала до 1941 года. Она активное участие принимала в культурном росте селян. Их сын, Анатолий Степанович Отачкин, долгое время работал в Министерстве просвещения республики, автор многих литературных произведений и 32 учебников для чувашских детей. Внучка, Ида Анатольевна Кочетова, успешно возглавляла министерство культуры в правительстве Чувашии.

В родном селе похоронен известный в тридцатых годах (после репрессии его не печатали) чувашский писатель-юморист Спиридон Павлович Толмасов-Шыпчык. Он и поныне один из читаемых писателей.

По всему миру звучит чудесный голос народной артистки Чувашии Марии Павловны Елановой, солистки Чувашского театра оперы и балета, выпускницы Нижегородской консерватории. Она — прославленная дочь трудолюбивых Нины и Павла Ухтериковых. Мать певицы — из хорнзорского, нашего рода, а Павел — янгорчинский хлебопашец. Все равно оба — из рода Каравая.

Все мы — из рода Каравая, из рода Чувашского Великого Хлебопашца.

Автор.

ОАО СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ «ЧУВАШИЯ – ПОДДЕРЖКА»

Сегодня ОАО Страховая Компания «Чувашия-Поддержка» – это перспективная, быстро развивающаяся компания на рынке страховых услуг, имеющая устойчивое финансовое положение и деловую репутацию.

«В ЧЕМ СЕКРЕТ НАШЕГО УСПЕХА?»

- ☑ **БОГАТЫЙ ОПЫТ** – ОАО СК «Чувашия-Поддержка» работает с 1992 года.
- ☑ **ПРОФЕССИОНАЛИЗМ** – ОАО СК «Чувашия-Поддержка» – одна из ведущих компаний в республике, ведущая льготное страхование сельских товаропроизводителей.
- ☑ **ШИРОКИЙ СПЕКТР СТРАХОВЫХ УСЛУГ** – на основании лицензии № 3495Д Министерства финансов РФ ОАО Страховая Компания «Чувашия-Поддержка» предлагает **восемнадцать видов** страхования, среди которых:
 1. страхование урожая с/х культур и многолетних насаждений;
 2. страхование с/х животных;
 3. страхование средств наземного транспорта;
 4. страхование имущества юридических лиц;
 5. страхование от несчастных случаев;
 6. страхование гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств;
 7. страхование строительно-монтажных работ;
 8. страхование домашнего имущества;
 9. страхование объектов лизинга.
- ☑ **ПАРТНЕРЫ КОМПАНИИ** – являются крупные промышленные и пищевые предприятия городов Чебоксары и Новочебоксарск, большинство сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм.
- ☑ **ЕДИНСТВО** – ОАО Страховая Компания «Чувашия-Поддержка» входит в Ассоциацию страховщиков России, Ассоциацию «Агро-промстрах», Ассоциацию страховщиков «Большая Волга».
- ☑ **ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ** – территориальная близость к страхователю, работа со всеми категориями страхователей, постоянное расширение круга услуг.

**НО САМАЯ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ – ЭТО НАШИ КЛИЕНТЫ.
МЫ РАБОТАЕМ ДЛЯ НИХ И РАДИ НИХ.**

*ОАО СК «Чувашия-Поддержка» поможет Вам
почувствовать себя уверенными в завтрашнем дне!*

Владимир Прокопьевич Кузьмин родился в 1937 году в деревне Хорнзор Вурнарского района Чувашской Республики. Учился в Янгорчинской семилетней, Вурнарской средней школах, Чувашском педагогическом институте им. И. Я. Яковлева, Горьковской высшей партийной школе. С малых лет трудился в колхозе, был киномехаником сельской передвижки, служил в Советской Армии, руководил сельской молодежью. Сорок с лишним лет

работал в республиканских средствах массовой информации на разных должностях. Член Союза журналистов России и член Союза писателей Российской Федерации. Редактируемые им газеты не раз завоевывали призовые места во Всесоюзном соревновании и на республиканских конкурсах. В различных конкурсах были отмечены его журналистские и литературные труды.

Он награжден Почетной грамотой Чувашского обкома ВЛКСМ, Почетной грамотой обкома КПСС и Совмина Чувашской АССР, Почетной грамотой правления Союза журналистов СССР, Почетным Дипломом Союза журналистов России, Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Является почетным членом коллектива Ибресинского лесокомбината Чувашии. Его именем названа одна из улиц родной деревни Хорнзор. Ему присуждена республиканская литературная премия имени Алексея Талвира.

Писателем издано 14 книг. В республиканской печати появляются все новые и новые произведения автора. Одной из основных тем его является возрождение культуры чувашского народа. В очерках, рассказах, повестях, романах правдиво показывает подлинный дух чувашских деятелей культуры и искусства, держит тесную связь со своими героями произведений, часто выступает среди народа. О крепком союзе мастеров изобразительного искусства с сельскими тружениками, духовном росте сельчан, об их большой и крепкой любви образно показано в повести «Чувашская красавица».